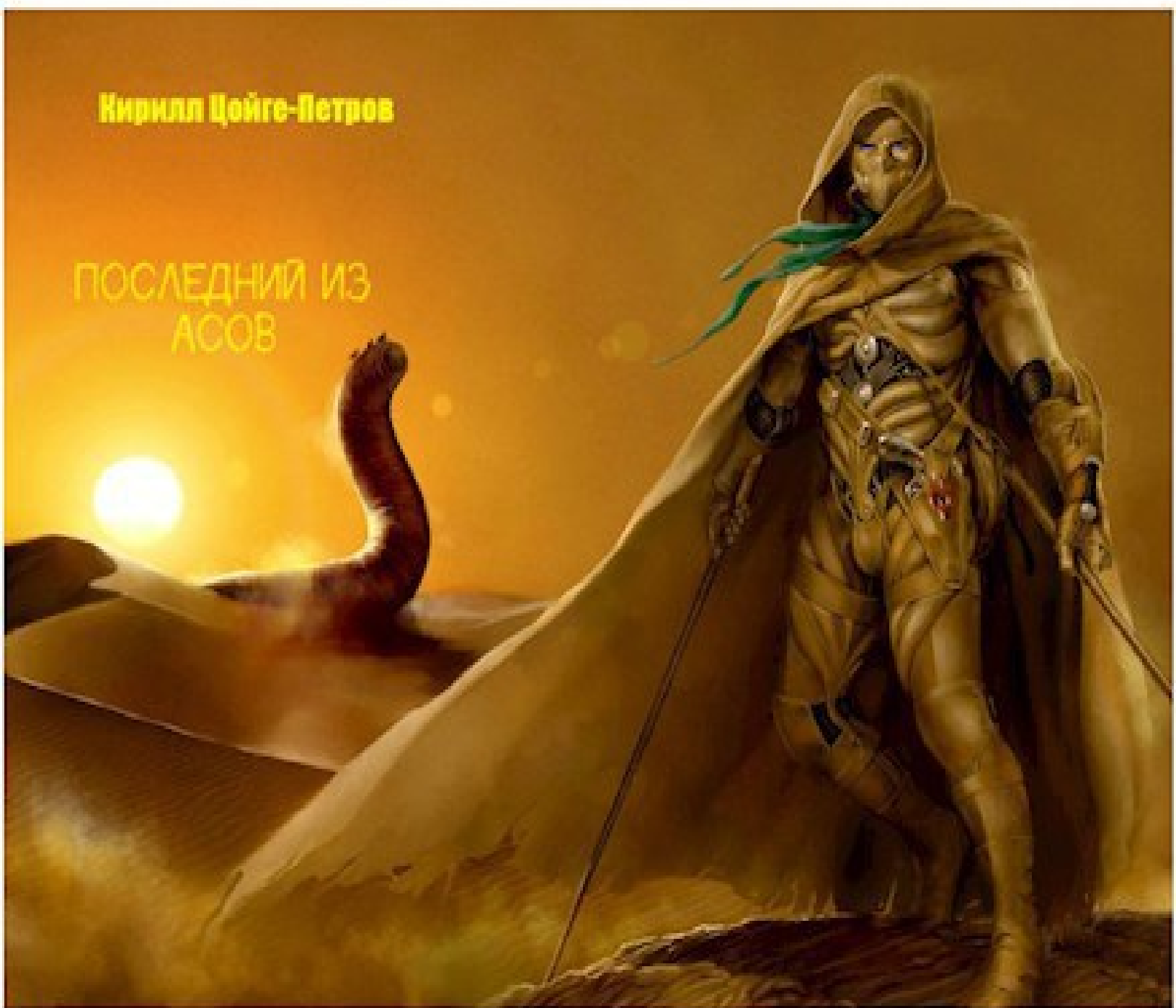

Кирилл Цойге-Петров

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ
АСОВ

Annotation

Это история о восхождении последнего из древнего великого рода. Ему предстоит стать Царём и пробудить в разных мирах стремление к единству

Глава 1

Снова этот потолок, опять эти стены, эта бронированная механическая дверь, которую я могу разломать и перемолоть так, что один прах останется..... но я этого не делаю. Почему? Да потому что навсегда отключусь, как многие другие, пытавшиеся провернуть подобное в этом проклятом месте. О! Слышу шаги.....Неужто ко мне??? Блин, ребята, я только проснулся, не успел поблагодарить Богов и Предков, как вы уже тут как тут... Та-ак, дверь открылась.... Ну, как я и думал, это мои единственные «друзья» тут.... Тощий Кинан и жирный Брут, те ещё козлы....

— Сто пятый! Встать!

— А пожалуйста??

— Брут, ты слышал? Пожаалуйста! Хе-хе! Знаешь, сто пятый, я не обучен манерам, а вот моя лазерная дубинка... ооо, она настоящая приличная леди...

— Ну вот и засунь её прилично себе в задницу.

Зря я это сказал, каждый раз одно и тоже, не пыли сгоряча- сам себе хуже делаешь. Вот и глаза у этого хиляка уже кровью налились, и тоненькая ручка с дубинкой уже замахнулась.... Эхх, будет больно...

— Бах! Бах! На, тварь, получай! Ты тут никто! Я твой повелитель! Я твой бог! Понял!?

— Всё, всё, я извиняюсь, извиняюсь!

Вот же ж козёл! Прямо по лицу! Ну ничего, придёт ещё время. Я ж тебя могу раздавить одной рукой... Справедливости ради сказать, жирный Брут поумнее будет... не помню, чтобы он кого-нибудь бил когда-нибудь, хотя бы из-за того, что понимает, чем это чревато...

— Кинан! Ты чего творишь? Нам его вести сейчас в кабинет к начальнику, а у него губа разбита в кровь!

Вот, вот, послушай напарника, хотя не... может лучше, чтоб однажды ты так прокололся, чтоб тебя просто выперли с позором отсюда. Хотя кого я обманываю? Придёт другой такой же, если не хуже. На этой пустынной планете демоническая натура преобладает почти у каждого...

— Сто пятый, ты в порядке? Идти можешь?

Несомненно, когда жирный Брут задаёт такие вопросы, то напоминает мне полного Будду из старых легенд Предков, в нём явно есть искорка добра несмотря на то, что его работа к добру не располагает, так же как его тощий напарник...

— Да, могу.

— На, возьми платок, вытри кровь.

— Спасибо.

— Ну всё, дай я на тебя надену наручники, и пошли...

Вот мы идём по коридору этого механического ада, находящегося в глубокой заднице планеты X — 134... Обалдеть, не уж-то я один задумываюсь о бездушном названии планеты??? Не то что бы цифры не имели души, просто раньше эта самая душа проявлялась в красоте слова, имени, а теперь не только у миров, но и у живых существ, населяющих эти миры, отнимают имена. В общем, это место- тюрьма для особо опасных преступников. Моё преступление состоит в том, что я сломал челюсть республиканскому гвардейцу с планеты Y — 500 за то, что он меня оскорбил. Мне это понравилось. А вот гвардейцу и типичному, для

этих времён, продажному суду нет. Для них, видимо, недостаточно было аргументов о том, что длинные волосы — это моя воинская гордость, и все мужчины в моём роду носили длинные волосы, а заодно и бороды, а потому никто не смеет называть меня накаченной девочкой. Вот такое вот опасное преступление я совершил, за что получил пятьсот лет. Ну... я вижу мы подошли к кабинету начальника нашей клоаки... Жирный Брут чего-то нервничает... Его руки слегка трясутся... Это видно по тому, как он снимает с меня железные кандалы. Может, это чисто адреналиновое? Ну, после того как его козёл — напарник мне врезал.

— Сто пятый, ты сегодня типа секретарь — официант в кабинете начальника Флора... Секретарь, потому что сидишь здесь в кабинете секретаря, а официант, потому что делаешь сэндвичи и подаёшь кофе, либо чай директору и его гостю. У него в гостях сам Лотар Сторм, понимаешь всю серьёзность ситуации? Не подведи меня.

— Брут, это как я могу тебя подвести?

— А вот так! Мы с Кинаном тебя привели! Мы и будем отвечать! Тебя то ждёт карцер в случае чего, а нас потеря работы...

— Да, козлина, ты понял? Если что-то выкинешь, то в следующий раз так тебя отметелю, что мать родная не узнает. О, прости, я забыл, у тебя её нет, ха-ха.

Нет уж Кинан, это я тебя отметелю так, что тебя вообще никто не узнает, тварина... твои слова я не забуду, уж поверь...

— Чего стал сто пятый? Проходи!

Кинан толкнул меня сзади..

— Господин начальник, мы привели сто пятого!

— А, замечательно, пусть кофе сделает! А вы дежурьте на выходе в коридор.

— Ты слышал? Делай кофе!

Я подхожу к столу и включаю лазерную кофеварку. Блин, ладно я в тюрьме сижу, но быть официантом для такого дерьма, как начальник Флор, это перебор. Так, кофейная жидкость произведена, теперь налью в чашки и отнесу Флору... В кабинете идёт «задушевный» разговор...

— Флор, а помнишь, как мы с тобой бабла подняли на том турнире?

— Ха-ха, помню, благодаря тому бою вечера, как там этого зэка звали?

— Пятидесятый.

— Пятидесятый! Ахах! Вот убожество, ох уж эти номерные ублюдки.

— Точно, ха-ха.

— О, сто пятый, ты уже кофе принёс? Молодец подруга... А, Сторм, прикинь этот зэк отказался стричь волосы, хотя у нас стригут волосы этим уркам.

— Ух ты, продвинутая у тебя тюрька.

Лотар Сторм, хмм, никогда раньше его не видел, но слышан... организатор тюремных боёв. Победителю вручают приз в виде годовой кормёжки на уровне начальника тюрьмы и привозят девочек за счёт организаторов турнира.

— Сто пятый, сахар там есть?

— Не знаю, начальник, вы можете хлебнуть и проверить.

— В смысле хлебнуть и проверить? Ты чего дерзишь, волосатая накаченная официантка, а?

Флор, Флор... ну давай скажи хоть слово ещё, мне нечего терять, тем более в этой дыре, давай... скажи.

— Да ладно, Флор не кипятись, я пью без сахара, всё равно, так что парень молодец, если сахар не добавил.

— Вот так, сто пятый, ситуации порой спасают, да? Сейчас тебя спас сам Лотар Стром. Не каждый день такое происходит, да? Иди и сделай сэндвичей. И не забудь майонеза добавить.

Я отправляюсь обратно в секретариат, беру заранее заготовленные нарезные куски хлеба, выбираю две пары, нарезаю капусту, мясо и... слышу краем уха, как Флор с Стромом обсуждают явно не турнир, а... меня.

— Прикинь, Лотар, и у сто пятого в роду какая-то там традиция волосы не стричь, ха-ха, у него там что, семья геев? Значит, искусственное оплодотворение тоже было в традиции, да? Иначе как размножались-то? Аха-ха.

Ну всё, тот самый момент, оскорбление предков... Я последний из своего рода, ну... значит такова судьба, я не стерплю это оскорбление.

— Слушай сюда, лысая тварь! Такое я терпеть не стану от тебя. На, получи!

Я беру кофеварку и кидаю её прямо в начальника тюрьмы. Простой лазерный чайник превращается в оружие боли, разбившись об голову этого козла и проехавшись отколотым стеклянным «ножом» по его брови. Флор отлетает в глубокий нокаут. Тощий Кинан пытается врезать мне дубинкой, но я блокирую предплечьем его удар, смотрю в его напуганные глаза и наношу такой удар в солнечное сплетение... он отлетает к стене и от боли корчится, выронив дубинку-жалкое панторезное ссыкло...

Брут не хочет проблем, он пытается меня успокоить...

— Сто пятый, ты знаешь, чем это чревато? Ты можешь исчезнуть, расщепиться на атомы! В столе начальника лежит пульт... если его нажать, то всё, тебе конец!

— Серьёзно? Спасибо за подсказку. А теперь продолжи изложение и скажи точнее, где он??

— Блин, язык мой-враг мой.

— Ага... где он, Брут, скажи мне?

Брут был напуган мною впервые за долгие годы, он никогда раньше не чувствовал от меня угрозы, но не сейчас... Его рука резко дёрнулась к рации... Блин...

— Код красный, повторяю код красный, кабинет начальника!

Сейчас здесь будет мобильная группа специальной тюремной охраны, беда у начальника, как никак... Я бегу резко к столу Флора, он сам в отключке, а его друган Сторм сидит в шоке и боится будто даже дёрнутся... Ищу этот грёбаный пульт! Где он, блин.

— Сто пятый! Поднять руки!

Вот и бригада поспела, все бронированы с лазерными дубинками, в таких же лазерных касках, но им это не поможет....

— Сто пятый! Поднять руки!

— Да, да, конечно.

Я поднимаю руки, скрещиваю их пальцами на затылке, выхожу к ним из-за стола...

— Повернись и стань на колени!

— А вот это ты зря сказал...

Я резко поворачиваюсь бедром и наношу удар локтем одному из охранников, да так, что его шлем треснул. Ближайшие ребята напрыгнули на меня впятером, пытаюсь скрутить, на обе руки.... Не вышло... Я резко, в взрывном стиле, подбрасываю их к потолку со всей дури бью ими об пол.

— Ну что, жирный Брут, это всё?

Вдруг появляется охранник с лазерным автоматом и направляет его на меня. Блин, будет больно...

— Бах!

Я просыпаюсь в карцере... Ну, а где же ещё может быть так темно и плюс с вонью? На мне кандалы. Запястья чешутся. Дверь вдруг открылась. Поесть, что ль принесли? А, нет. Кто — то пришёл? И кто же? Стром? Какого хрена? Что ему надо?

— Сто пятый значит? Охрана, оставьте нас.

— Но, господин Стром, он может сбежать, дверь то будет открыта...

— Не переживайте, у меня есть интересный пультик.

— Хорошо, мы будем неподалёку.

Стром заходит в открытый карцер, захватив с собой стул охранника и вооружившись молекулярным пультом...

— Сто пятый, у меня к тебе предложение...

— Это ещё какое?

— Знаешь, мы не просто так с вашим начальником побалакать встретились. Я с ним обговаривал очень интересное дело...

— Ну а я тут при чём?

— Мы обсуждали организацию турнира у вас, тут...

— Повторюсь... я тут при чём?

— Я хочу, чтобы ты бился...

— Аха-ха! Неее я пас, Стром. Ты меня не купишь проститутками и бесплатной жрачкой.

— А кто сказал, что награда будет именно такой?

Стром смотрит прямо в мои глаза, будто хочет сказать что-то по-настоящему весомое. Я уже давно утратил всякую надежду получить хотя бы пять процентов от того, что по-настоящему мне нужно...

— Я предлагаю тебе свободу, сто пятый, наивысшую награду, свободу...

Глава 2

— Свободу? Что ты несёшь? Ты меня что за идиота принимаешь?

— Конечно, принимаю. Ведь только идиот согласится участвовать в смертельном турнире. Я же не предлагаю тебе участвовать в соревнованиях по бегу... Я предлагаю рискнуть жизнью во имя свободы. Это равносильно тому, что ты попытаешься сбежать отсюда и так же погибнешь. Процентное соотношение, примерно, то же. Ведь те соперники, которых тебе предстоит пройти.... Ууух, это не то же самое, что с охраной биться, это-лучшие бойцы нашей звёздной системы... Так что подумай... Даю тебе время до завтра.

Стром поднялся со стула, поставил его на место, подозвал охранника и ушёл.

— Сто пятый, кстати, время ужина, на, держи..

Мне протянули протухшие макароны с протухшим мясом... И, надо же, без червяков! А может эта еда настолько испорчена, что даже червяки отказываются её есть? А этот кусок дерьма стоит и ехидно улыбается... охранник, блин, охраняет стабильное загубление тысячи заключённых.

— Приятного аппетита, сто пятый, хе-хе.

Он закрыл дверь и оставил меня с моими мыслями... Мыслями, мыслями... Я лечу в небе, словно птица, передо мной чудесный вид... зелёные горы, пляж с белым песком, омываемый океаном, передо мной рай... Какие — то люди внизу, дай-ка я подлечу к ним поближе, рассмотрю их получше... женщины в длинных белых платьях с руническими узорами... руническими??? А как же выглядят мужчины? Мужчины с бородами и длинными волосами. Так стоп...это...Асия??? В центре пляжа образуется целый кратер, и он... говорит?

— Сто пятый!

— Я не сто пятый! У меня есть гордое имя!

— Сто пятый!

— Я не сто пятый! Я....

— Сто пятый, проснись, козлина!

— А! Что?

— Уже утро и к тебе важный посетитель...

Так это был сон... Вроде красивый, но под конец как-то не очень. Так кто меня навестить пожелал? Я в последнее время- востребованная персона. Стром. Кто бы сомневался?

— Доброе утро, Сто пятый. Как спалось?

— Замечательно. Как на мягких простынях.

— Ха, ну тогда тебе должно понравиться в бойцовой камере, там мягкая кровать с матрасом, не такая же классная кровать, на которой я сплю, например. Но... раз здесь для тебя мягкие простыни, то там... просто отпад.

— Где отпад? На твоей кровати?

— Нет! В бойцовой камере...

— Хе-хе.

— Ты подумал над моим предложением?

— Почему я, Стром? С чего вдруг?

— Всё просто... Я никогда не видел, чтобы зэк в одиночку раскидывал толпу

вооружённых, неслабых охранников... ну, за исключением того хилого...

— Ты про Кинана? Ты его недооцениваешь... Он единственный, кого я боюсь из них по-настоящему...

— Правда? Мм-да, внешность обманчива.

— Это точно.

— В общем, ты уникален, как боец, сто пятый, и ты нужен этому турниру... Без тебя это будет незавершённое произведение искусства...

— Даже так?

— Даже так.

— А как насчёт начальника Флора? Он в курсе твоей затеи насчёт меня? И, кстати, как там его голова?

— Всё в порядке, я передам ему, что ты за него переживаешь.

— Хе-хе.

— Флор в доле, ведь турнир пройдёт на его территории, да к тому же ты ему порядком надоел со своим взрывным характером, я прав?

— А ты успел навести справки обо мне.

— О да, сто пятый, это точно. Ну так что? Ты согласен стать бойцом турнира «Бой Империи»?

— Да, Стром, согласен.

— Здорово. Охрана!

— Только есть одно дополнительное сиюминутное условие...

— Какое?

— Накормить меня нормальной едой, а то от этой тошнит.

— Ха-ха, не волнуйся, питаться будешь как настоящий воин.

— Это радует.

— Сегодня уже тебя переведут в бойцовскую камеру, а завтра с утра начнёшь тренироваться, подготовка займёт три недели.

— Хорошо.

Итак, спустя два часа меня перевели в бойцовскую камеру... Уау! Тут королевские апартаменты... Душевая кабинка, приличный туалет, авто — раковина...

— Сто пятый? Ты ведь... сто пятый? Да? Я- Жак, очень приятно.

— Привет, Жак.

— Я твой тренер... Ты не смотри на то, что я маленький, шуплый, я — хороший учитель, я закончил тренерское училище, теперь вот тут, взяли на работу, такая удача, так переживаю, хе-хе...

— Ага.

— Так, нам надо проверить твои способности, ну... имеется ввиду, какие у тебя преимущества... Начнём с силы хвата... Пошли к силоизмерителю.

Мы пошли в зал, в котором занимались другие такие же боевые зэки, как и я... Повсюду охрана... И не просто охрана, а ребята из военизированных отрядов Империи. Сам зал здоровенный, с кучей тренажёров, для обработки ударов, для увеличения силы, несколько борцовских ковров. Блин, я уже готов прибить своего тренера, хоть знаю его минут пятнадцать... Жужжит как пустынный жук над ухом...

— Классно, да? Крутой зал... Через три недели будешь всех молотить, твой соперник будет на тебя налетать, а ты такой «бааам», он вроде станет из нокдауна, а ты снова такой-

«бааам, бааах, бууум».

— Ага.

— В общем это, пошли к силоизмерителю. Видишь, вот лежит титановая цепь... подними её... Поднял? Класс! Теперь дай- ка я обвяжу твою правую руку силоизмерителем и левую... Так, так, ага. Теперь растягивай руками цепь, что есть дури.

Эхх, «мастер»... ну как хочешь... я растяну эту цепочку...

— Ээээх... Упс!

— Что?! Порвалась?

— Ага.

— Да это...да как же...быть того не может!

Может, Жак, может, ты ещё не знаешь, какая сила скрыта в этом воине... Остальные бойцы уставились на меня, как на экспонат из музея... Ведь подобной естественной природной силы в здешних краях уже давно не было...

— Вдох, выдох, вдох, выдох...

Мышцы наполняются кровью, силой, силой света, не дай, Боже, скатиться во тьму ярости, дай мне сил для победной радости... Жак смотрит на меня, как на умалишённого...

— Сто пятый, что ты делаешь? Тренироваться нужно, а не гимнастикой заниматься.

— Я и тренируюсь, ты что не видишь? Вдох, выдох, вдох, выдох...

— И в чём тренировка? Ты просто сгибаешь и разгибаешь руки. Что это даёт?

— Силу в мышцах, связках и, не поверишь- выносливость.

— Слушай, для тренировки силы тут есть силовые тренажёры, а для выносливости ты будешь делать другие вещи...

— Какие, например?

— Ну... бег, бёрпи, армейская пружинка..

— Насчёт бега согласен, а вот остальное... напрасная трата времени..

— Так, Сто пятый, я твой тренер, ты обязан меня слушаться...

— Я обязан своему Роду, а не тебе...

— Ну всё, твоя дерзость достала... Охрана!

Итак, тощий Кинан и жирный Брут тут как тут. Может стоит согласиться и не кидать понты?? Нееее, лучше настою на своём...

— Жак, что такое?

— Сто пятый меня не слушает.

— Сто пятый, слушай, ну хватит уже проблем...

— А никаких проблем нет, я просто не вижу смыслового эффекта в тех тренировках, которые мне предлагает многоуважаемый специалист высокого тренерского уровня- Жак...

— Сто пятый, скажи, в карцере тебе хорошо было? Не темно?

— Таак, парни! Что у нас тут?

Ага, Лотар Стром, как акула, почуявшая кровь или даже лёгкий кофликт, тут как тут...

— Господин Стром, да ничего такого, сейчас всё уладим... Просто Сто пятый опять...

— Опять скандалит? Ха-ха, и в чём же суть скандала?

— Не хочет тренироваться по классической системе, господин Стром, делает некое подобие гимнастики вместо этого...

— Ага, ясно. И что же, Сто пятый, твоя система круче общеприятной?

— Явно.

— Явно для тебя, Сто пятый...

— Жак помолчи. Итак, что улучшает твоя система? Говори...

— Силу, выносливость, скорость, координацию...

— Ну давай проверим... Кинан, приведи того здоровяка...

— Сию минуту, господин Стром...

Кинан привёл здоровенного лысого бойца, спаринговавшего с моими новыми «коллегами по цеху». Его поломанные уши, словно завёрнутые пельмени, а нос явно притерпел какие — то потрясения извне, что говорит о том, что парень не из салабонов...

— И так, Сто пятый, давай так... Мне не особо интересно, как выглядит твоя система тренировок... главное, чтобы она была эффективна... поэтому если ты одолеешь лысого Конана, то я, Лотар Стром, лично одобрю твои особые тренировки, а если не одолеешь, то

извиняй, дружок, тренируйся, как велит того Жак.

— Хорошо, Стром, я согласен...

— Твоего согласия никто и не спрашивал, наивный, хе-хе... Ну всё, на ринг!

Я захожу на этот ринг красного цвета: красные канаты, красное покрытие, будто красная тряпка перед быко-центаврами, которыми являемся все мы, боевые зэки этого заведения... Лысый Конан становится напротив меня, в его глазах читается равнодушие... он страшен и силен на вид, да и внутри тот ещё хищник, но сейчас он спокоен, ибо недооценивает своего соперника — меня... Стром смотрит на нас весёлыми глазами, будто предугадывает смешной провал с моей стороны... Ну что ж, Лотар, гадалка из тебя не очень... Сейчас ты это поймёшь...

— Ну чего стоим... Бой, парни...

Лёгкий на моральный подъём, но тяжёлый на вес, Конан наносит боковой удар справа, пытаюсь попасть мне в висок... Я, резко присев, уворачиваюсь от удара, наношу удар в живот, оказываюсь сзади своего соперника и наношу удар в затылок... Конана от этого явно трясёт- он пошатнулся в ногах и при этом разозлился...

— Ну держись, волосатик!

Лысый Конан явно делает вывод, что я хороший ударник, и пытается сделать борцовский проход в ноги, но безуспешно... я его резко отталкиваю, не давая схватить свои ноги. Теперь он осознаёт, что от борьбы я защищаюсь не плохо и решает проверить мою защиту от своих «каменных» ног- он наносит боковой удар с ноги мне в голову, я не уворачиваюсь, а просто ставлю блок рукой, с которой после этого всё в порядке... У Конана озверевшие глаза превратились в удивлённые, и теперь он, согласно древней поговорке моих предков- «Была, не была», решает со всей мощью испробовать на мне свою индивидуально сильную сторону универсального бойца снова, то есть пройти в ноги по-борцовски... Я резко подпрыгиваю в воздух и наношу удар Конану с колена в голову, потом обхватываю сзади, находясь ещё в воздухе его туловище и делаю на пару с ним сальто, от которого расстроенный Конан падает проигравшим. На лицах всех охранников, других бойцов — удивление и шок от только что увиденного. Лишь Лотар Стром всё ещё смотрит с ухмылкой, но уже иной- ухмылкой торговца, нашедшего «золотую жилу»...

— Ну что ж, Сто пятый, поздравляю, ты можешь тренироваться, как пожелаешь, а ты, Жак, будь его помощником в этих тренировках...

— Да господин Стром, к-конечно, б-буду помогать, н-несомненно, немп-пременно... От неожиданности Жак превратился в заику.

— Вот и славно, Жак... Тем не менее, это не отменяет твоего завтрашнего забега, Сто пятый...

— Какого забега?

— В пустыне ужаса, это будет отдельным испытанием твоего духа, ну и.....всех остальных бойцов! Слышали, ребята?! Пустыня ужаса! Готовьтесь морально!

Итак, пустыня ужаса. Это такая территория, кишашая разными тварями, какими тварями — мало кому известно или, вернее сказать, вообще никому неизвестно, так как никто отсюда не возвращался.

Передо мной огромные пустынные холмы, просто горы песка, переливающегося на солнечном свете словно рассыпчатое золото... Да уж, это не моя родная Азия...

(Воспоминания)

Мой отец часто тренировал меня, испытывал меня в азийских джунглях: там разных опасных тварей было не меньше, а то и больше. Тем не менее, мой папа знал, когда нужно контролировать ситуацию, он был моим Богом — покровителем, которого никто не видел, но который был всегда неподалёку... Однажды он захотел по-настоящему испытать меня.

— Сынок, видишь ту гору?

— Да, Папа.

— Твоя задача- добежать до вершины горы, будучи спокойным. Справишься, малец?

— Спокойным? Легко, Папа. Тут бежать- то всего ничего.

— Ну раз легко, то чего ты ждёшь?

Итак, я бегу по джунглям, весело подпрыгивая высоко в воздух, вот висящая лиана, я хватаюсь за неё и лечу, как здорово! Папа будет мной гордиться. Вот я добегаю до горы, а в ней пещера... Хмм, что в ней? Ой, чьи- то светящиеся синие глаза сверкнули во тьме пещеры и лёгкий рык прозвучал- дикий зверь, я могу его победить, и папа ещё больше будет мной гордиться. Это проверка, точно проверка! Папа решил меня проверить! Ведь зачем ему, чтобы я бежал до какой- то горы? Это ж проще простого. Он хочет, чтобы я победил это чудище, оставаясь абсолютно спокойным! Я спокоен, я спокоен. Ну, давай!

— Ааааагггххх!

— Ай, что это за дикий рёв?! Я сейчас оглохну! Как больно!

Из пещеры выходит здоровенный саблезубый лев, это явно он. Отец именно так их и описывает. Но как он истошно, ужасно ревёт, у меня аж голова разрывается на части.

— Рррррр

Прекратилось. Лев стал просто рычать, но не реветь. Ай! Смачный подзатыльник вдруг мне прилетает... разумеется это- Папа.

— Васудева! Ты что делаешь?

— Я пытался победить этого льва, будучи спокойным, но ты меня прервал, Папа, почему?

— Потому что я тебе велел добежать до вершины горы. А теперь ты провалил задание.

— Но, Папа, ты сказал, что я должен оставаться спокойным. Какой смысл бежать до вершины горы, которая совсем рядом, и быть спокойным? Это же легко. Вот я и подумал, что ты меня испытываешь. Я подумал, что я должен победить этого льва, оставаясь спокойным, потому что он живёт в этой горе.

— И как, сынок? Получилось?

— Ну, вообще-то, нет.

— И, при этом, ваш бой даже не успел начаться, а ты уже не спокоен.

— Ну, конечно. Он же так ревёт, что можно оглохнуть.

— Скажи, Васудева, сейчас лев ревёт?

— Нет, конечно.

— По-твоему, он спокоен?

— Похоже, что да... да, д-да, но почему? Именно, когда ты появился, он успокоился.

— Он спокоен, потому что увидел во мне себя.

— Это как, папа? Ты не очень-то похож на льва. Хе-хе.

— Ну, у твоего Отца много ото льва, например, львиное сердце.

— С этим не поспоришь, Папа.

— Так вот, сынок, лев спокоен и молчалив в данный момент, потому что я мало того, что спокоен, я един со львом. Внешне мы разделены, да, но внутри- мы частички единого целого. Поэтому я хотел, чтобы ты научился взаимодействовать с природой, быть с ней в ладу, общаться с ней, быть спокойным среди неё. А для этого... надо бы поладить для начала хотя бы с горой... в случае провала, она тебя есть точно не будет и даже оглушать.

— Хе-хе, точно, Папа

— Читай вот эти слова перед каждым испытанием в своей жизни: «Не дай, Боже, скатиться во тьму ярости, дай мне сил для победной радости», но читай, как бы внутри себя, почувствуй каждое слово.

— Хорошо, Папа

(Конец воспоминаний)

Ну и вот я тут, в пустыне ужаса, я и несколько других зэков. Многие из них до сих пор не понимают, насколько готов я к испытанию природой и насколько не готовы они, не понимает этого и Стром, никто этого не понимает...Только я. Не дай, Боже, скатиться во тьму ярости, дай мне сил для победной радости.

— Итак, отбросы, ваша задача захватить некогда заброшенную цитадель неподалёку. Теперь эта цитадель приобрела статус занятой жильцами, которые нагло отказываются платить за аренду. Эти жильцы такие же отбросы, как и вы. Разница лишь в том, что они свободные отбросы, а вы отбросы тюремные. У них из специального вооружения нет ничего особенного. У них даже датчиков обнаружения на ближнем расстоянии нету. Поэтому «девочки» не труситесь, возле цитадели вас никто не заметит, если только какой-нибудь придурок из тамошнего контингента не выйдет проветриться наружу.

Надо же, начальник Флор. С чего это вдруг «его величество» начальник тюрьмы преисполнился милостью- понаблюдать за тренировкой. Ну, хорошо, хорошо, что же он дальше поведает?

— Вобщем так, ваша задача только захватить цитадель. Никого убивать не надо. Если узнаю, что кто-то умер, то забудьте о турнире, а значит и о потенциальной свободе также. Задача всех — просто нейтрализовать и захватить строение. Всё! Вопросы есть?

Да уж, дружок, всё очень странно, потому я задам тебе вопрос...

— А какое это отношение имеет к спорту? Мы бойцы, а не солдаты. А ты, Флор, в свою очередь не тренер, чтобы регулировать тренировочный процесс.

— Ага, Сто пятый, ты дерзкий, как всегда. Послушай, я больше, чем тренер, я- ваш хозяин, я — твой хозяин, и я знаю, что тебе это не нравится, поэтому, если хочешь быть свободным, то тебе придётся выполнить ряд моих условий. И после этого- устроить кровавую бойню, при этом никого не убив, это даже не тренировка, это- искусство, ха-ха. И кстати, чуть не забыл, у них есть ручной песчаный червь. Будьте осторожны, отбросы.

Ну, Флор, почему на таких, как ты, не влияет простой нанесённый синяк или сломанный нос? Неужели таких, как ты, лишь окончательно и бесповоротно надо нейтрализовывать?

— Всё, «девочки», погнались!

Мы двинулись по этой пустыне к злополучной цитадели, мы-это я и ещё десять бойцов. Мы друг друга вообще не знаем, даже визуально внешне мы не виделись никогда до начала тренировочного лагеря. Такие опасные ребята, как мы, всегда сидим поодиночке. Ну вот мы и дошли. Перед нами старая каменная цитадель с огромными воротами, наверху вроде бы никого, никаких дозорных...а, нет, один, похоже, есть точно, я слышу, как он насвистывает мелодию, возможно ещё есть такие же. Надо быть осторожнее. Тут один из моих «коллег по несчастью» решил заговорить...

— Ну что, надо бы план продумать...

И началось обсуждение, не имеющее особого смысла... Они говорят, обсуждают, выдвигают разные гипотезы типа ворваться, застать врасплох или прорыть тоннель под одной из стен, ммда, тоннель среди песков- гениально с учётом того, что и времени это может занять уйму, плюс обязательно кто-нибудь да заметит, даже если те ребята, что внутри, обладают тем же уровнем интеллекта, что и члены нашей «команды». Вобщем, надоело слушать всякие «умные» мысли, я вставляю слово...

— Ребята, ребята, послушайте, что сказал Флор? Всех там надо что?

— Что?

— Оставить вживых. А значит надо по-тихому их нейтрализовать. А это лучше всего

получится, если нас никто не заметит, верно?

— Ээээ, верно.

— Поэтому я залезу по-тихому наверх, вырублю всех, кто может мешать нам наверху и сверху оценю визуальную обстановку внизу, а потом вам всем быстро свистну о том, сколько мордovorотов во внутреннем дворе. А ваша задача- быстро отреагировать, если что, на всякий случай. Если там будет мало людей, то я справлюсь сам. Вашей задачей будет нейтрализовать песчаного червя, если он появится, хорошо?

— Ага, и вся слава достанется тебе.

— Какая слава? Это ещё не турнир. А если есть идеи получше, то предлагайте.

— ....

— Я так и думал. Всё, я полез наверх.

Ловко забравшись наверх прямо по стене, подобно скалолазу, я прячусь в маленькой пустой башне на этой стене, неподалёку разгуливает жалкое подобие охранника в стиле «ничего не вижу, ничего не слышу, лишь бы спокойно закончить свою смену, передать её другому и на отдых». Таак, надо выйти из этой «каменной будки» и подобраться к нему сзади. Выхожу, подбираюсь на полу-корточках, тихо, тихо, раз, хватаю сзади за шею и усыпляю. Так, теперь осталось ещё три таких же «чердачных охранника», я вырубая тем же способом всех. Ну что, что у нас в самой цитадели? Ага, обычный двор с двадцатью мужиками, грязными, немывыми, сразу видно- местные жители. Вон те двое, возле ворот, изнутри о чём то базарят, надо стать наверху так, чтобы их было слышно, то есть, с их стороны. Таак, не понял, они говорят на каком — то непонятном диалекте, явно не местном. Что они забыли тут? Хорошо, не важно. Сообщу своим «коллегам», что всё чётко, справлюсь сам. Я выглядываю на внешнюю сторону цитадели, где «тусуются» парни, и показываю жест рукой на ворота, мол, заходить не надо

— Пс пс, ребята, заходить не надо.

— Что?

— Заходить, говорю, не надо.

— Что он говорит?

— Говорит: заходить надо.

— А, ну пошли.

О нет, что же сейчас будет? Один из «наших», видно самый храбрый и безмозглый, громко вырубает двух охранников, остальные встают на уши и с криком: «Мочи их!» бросаются на парней. Я спрыгиваю вниз и атакую первого попавшегося хуком справа. Потом вырубая с ноги ещё одного. Благо, что они не бойцы, как мы, иначе была бы конкуренция, и без жертв точно было бы не обойтись. Мне приходится вырубать аккуратно и быстро, без жертв, иногда отнимая соперников у своих новых «друзей», потому что только я так могу рассчитать удар. Ну вот, среди местных поселенцев появляется все-таки один здоровяк. Он, явно, ко мне не ровно дышит...

— Слышь, ты, попробуй вырубить меня!

Он летит на меня, как лазерная ракета. Я подпрыгиваю вверх и делаю сальто вперёд, по ходу обхватив его бычьей шее руками, надеюсь захватить его с собой в «болезненный» полёт до ближайшей стены. Но, блин, не выходит... Он, каким- то чудом успевает схватить меня за руки и отшвыривает уже меня в сторону...

— Как я и сказал, попробуй вырубь!

Он снова летит на меня. Я так же подпрыгиваю, но без всяких захватов. Ну что ж, выход

только один. Развернувшись, он снова бежит на меня, я резко сажусь на шпагат и наношу прямой удар ему в пах.

— Ай! Ты мне прямо по яй....

Он пытается махать руками, что- то изображать, но я быстро вырубаю его с ноги. Фууух, это было не легко. Остальные были нейтрализованы очень легко. Но секундочку, у здоровяка какая-то интересная наколка виднеется из рукава. Пещерный дракон? Это наколка пользуется популярностью у эков Зброга. Это аж на другой стороне планеты. Откуда у него это? Но вдруг внимание парней привлекло что- то другое.

— Смотрите, мужики, тут пленник, он сидит в клетке.

Один из «наших» с ноги выбивает дверь металлической клетки. В ней сидит парень-молодой, явно напуганный, с разбитым лицом, вероятно, местный колорит его регулярно побивал. Я подошёл к нему и спросил...

— Ты кто?

— Я из деревни, неподалёку от пустыни ужаса.

— Я просто гулял и зашёл слишком далеко, а они меня схватили.

— Гулял? Здесь есть где гулять? В пустыне?

— Да, гулял.

Вдруг поднялся сильный ветер. Это приземляется личный звездолёт начальника Флорарядом с цитаделью. Оттуда выходит Флор вместе с охраной.

— Молодцы, отбросы, хорошо справились и никого не убили!

Вдруг здоровяк, которого я вырубил, слегка приподнимается и громко подаёт голос...

— Принцесса! Выходи!

Земля задрожала у нас под ногами. Что это блин? Из песков вырывается червь высотой выше самой цитадели.

— Ой- ой — ой. У нас проблема.

Песчаный червь представлял из себя некое подобие извивающейся колбасы, только размером побольше, гораздо больше, фантастически больше... Итак, один из нашей команды «бойцов-сидельцев», очевидно самый храбрый и самый глупый, бежит словно бык на червя непонятно, правда, зачем.

— «Принцесса! Атакуй его!» — кричит здоровяк, которого я послал в нокаут.

«Принцесса» делает бросок всем своим длинным телом в сторону нашего смельчака, но он ловко уворачивается и наносит удар прямо по приземлившейся в песок башке червя. Червя слегка зашгормило.

— Вот так — то! Йухуууу, ну что, нравится? Как я тебя, а? Как я тебя?

Пока «смелый инициативный идиот» громко ликует, «Принцесса» наносит сзади удар своим «хвостом».

— «Осторожно!» — кричу я, но поздно.

«Хвост» врезается в спину «дураку», отбрасывая его вперёд, затем червь «встречает» нашего чудака головой, подбрасывая его вверх. Тот, в итоге, приземляется на песок в полном отрубле.

— «Принцесса! Атакуй их всех!» — не уgomанивается очевидный «счастливый владелец» червя.

Начинается хаос. Те, кто смелые и глупые, наподобие лежащего теперь в песке товарища, пытаются атаковать «принцессу», как могут, например, двое пытаются выкинуть что-то наподобие «двойного удара», то есть один атакует хвост, а второй голову, непонимая, что масса не только всего червя, намного больше этих двух идиотов, но и каждая часть тела по отдельности. Итог: нокаут на песке вместе с их первым товарищем. Те же, кто поумнее, как например охрана начальника Флора, атакуют монстра из бластеров на расстоянии, что, как ни странно, безуспешно, потому что червь имеет какую-то дубовую кожу.

И лишь один процент из присутствующих, а именно я, хоть я и не особо умён, но тем не менее, именно я понял, что корень зла имеет толстый жирный оттенок, а именно — это тот здоровяк, кто орёт «Принцесса, атакуй! Принцесса то, Принцесса сё». Я уже слышал об «оболваненных» ручных монстрах, которые управляются за счёт голосового управления. Ну я тебе устрою принцессу. «На!» — я отправил в уже теперь глухой отруб этого зачинщика. И, о чудо, червяк будто уснул, он просто отключился и сам рухнул.

— «Всего и делов»- решил я похвастаться.

— «Молодец, Сто пятый. Только раньше надо было до этого додуматься» — неожиданно меня хвалит Флор.

— «Так, а чего ж твои brave солдафоны сами это не сделали, и к тому же, никто ж не погиб, как и договаривались»- отвечаю ему с ухмылкой.

— «Так, всех этих придурков заносите в корабль. Тренировка окончена!» — приказывает всем Флор.

— «Погоди, Флор, у меня вопрос... А почему эти занявшие цитадель «пустынные бомжи» вовсе не бомжи, а заключенные Зброга?» — спрашиваю я Флора.

— Что ты несёшь, Сто пятый? И вообще, ты не должен подобными вопросами задаваться.

— «Парни! Червяк очнулся!» — закричал один из наших зэков.

Перед нашим взором поднимается усовершенствованная версия «Принцессы», по всему телу вылезают лапки, сзади прорезаются крылья, огромные крылья розового цвета высовываются сзади и начинают понемногу порхать. Червь с помощью порхающих крыльев слегка приподнимается вверх и резко, с огромной скоростью, летит в нашу сторону. Все разбегаются по сторонам, однако, червь успевает схватить своими лапами заторможенного и орущего от страха Флора вместе с одним из наших тюремных товарищей.

— «Начальник Флор! Начальник Флор! Блин! Не отвечает!» — один из охранников Флора принимает безуспешную попытку дозвониться до своего босса по микро-трекеру.

Глаза охранников были полны страха, будто они не знали, что делать дальше... Вот, что значит жить только по приказу- без всякой свободы. Но, тем не менее, один охранник, тот, который пытался дозвониться до Флора, что-то пытается предпринять, например, допросить спящего от моего нокаута хозяина червяка «Принцессы». Он подходит к нему и начинает трясти и бить по щекам...

— Проснись! Проснись, козлина!

— Аааа, что?

— Куда мог улететь твой червяк?

— Ааааа, «Принцесса» улетела?

— Да улетела и захватила с собой одного нашего- очень крупную персону- начальника. Поэтому в твоих же интересах нам сказать, куда она улетела.

Одного нашего? Хех, вообще- то двоих. Я не знаю того зэка, которого унёс червь... вернее, увидел его впервые только сегодня, однако он в большей степени наш, чем Флор, это точно. Но... Вооружённый охранник продолжает допрашивать хозяина «Принцессы».

— Говори! Куда улетела твоя ручная бабочка с нашим начальником? Говори!

— В нашу пещеру.

— В какую вашу?!

— В ту, где сожрёт вашего начальника, ха-ха-ха-ха!

— Сейчас ты, падла, сожрёшь кучу лазера. Наешься вдоволь! Говори, где пещера!

Охранник направил лазерный автомат прямо на рожу этого имбицила. Имбицил, в свою очередь, похоже осознаёт, что шутить с ним не собираются.

— Пещера Ангхора. «Принцесса» полетела в пещеру Ангхора. Она всегда летит туда после запасного обращения, прихватив с собой немного еды, как правило, хе-хе.

— Ты мне врешь!

— Нет, не вру- правда! Не убивай, пожалуйста!

По лицу инициативного охранника видно, что он растерян. Ещё более растерян, чем когда «Принцесса» унесла с собой Флора и нашего товарища. Он подходит к другим охранникам и начинает перешёптываться, судя по всему, о сложившейся ситуации. Пообщавшись пару минут, «крутой охранник» выдаёт- таки «супер-мысль».

— Вообще так! Многонеуважаемые отбросы! Сейчас мы все летим на звездолёте! Но не в тюрьму! А в сторону Зброга!

— В сторону Зброга? Ты совсем долбанулся от пустынной жары, начальник? Это ж на другой стороне планеты?

— Да, знаю! Плюс ещё нам всем нельзя появляться рядом с их границей. Иначе они будут иметь право атаковать звездолёт. Поэтому я высажу вас, девочки, на пол-пути, на законном, так сказать, от Зброга расстоянии, дам вам голо-карту, а дальше вы сами до пещеры Ангхора, которая как раз находится на границе с нами, но с другой стороны, к сожалению.

Мы, заключённые, люди гордые- не любим, когда нас используют либо как персонал, либо как пушечное мясо, но услышав фразу охранника «вы пойдёте сами», у многих

присутствующих арестантов блеснула искорка надежды в глазах. Хех, мы сами, впервые- мы сами за долгие годы, Хотя не знаю, как остальные, но уж я- то точно.

— За границей молекулярные пульта не работают из-за отсутствия цифровой юрисдикции Зброга у нас. Однако, предугадывая ваши наивно счастливые мысли о побеге после моих слов, хочу вас огорчить: с Зюрогом у нас договор, так что, в случае чего, они обязаны таких вот потенциальных бегунов отловить, желательно отметить и доставить нам. Бежать и прятаться вам негде! Это пустынная планета! Вы — как на ладони! Не забывайте! Итак! За мной, девочки, в звездолёт, шустрее!

Глава 8

Итак, похоже мы подлетаем к границе с Зброгом. Всё чаще у меня в голове закрадываются сомнения.... Те парни, которых мы отделали, из Зброга скорее всего, при том эки, как и мы, этот крылатый червь ютится в пещере именно на территории Зброга. Странно это всё.

— Девочки! Мы прибыли! Вернее прибыли- то мы, а вам ещё прибывать и прибывать по пустыне. Хе-хе.

— Какой ты прям весёлый сейчас, не то что тогда, когда Флора эта крылатая тварина забрала. Тогда ты очень нервничал, а сейчас отпустило, потому что осознал видимо, что есть те, кто могут выполнить вместо тебя самую тяжёлую работу, «супер — охранник» блин.

— Двухсотый! Ты бы заткнулся, а то я тебя....

— Что ты меня? Убьёшь? А кто твоего много мною неуважаемого босса спасать будет, а?

— Ничего страшного! Одним меньше, одним больше, знаешь? Как капля в океанах миров из дальних систем.

Ух ты, ничего себе, в этой тюрячке есть ещё дерзкие бунтари, как я, это не может не радовать.

— Все на выход!

Итак мы вышли. Ну и жаряца, кругом бескрайние пески, даже скал не видно.

— Эй, девчонки, построились!

Как же ты задолбал со своими «девочки, девчонки». Проломить бы тебе череп.

— Вобщем так! Придётся вам раздать бластеры, лазерные автоматы не даём, уж извиняйте. Нам они нужнее, хе-хе. Один вопрос- кто из вас, придурков, умеет ими пользоваться? Поднимите руки!

(Воспоминание)

— Васудева, сынок, запомни ты должен быть сильным сердцем, знаешь, что это значит?

— Нет, Папа. Что это значит?

— Это значит, что ты должен воздерживаться от насилия и злобы всегда.

— Но, Папа, ты же меня учил драться, а теперь учишь стрелять. Как можно драться голыми руками или стрелять в кого- то, не причиняя боли и не испытывая злобу по отношению к своему врагу.

— Твой враг- это злоба, сын, ты должен это понять, и когда ты поймёшь это, то владение боевыми искусствами или использование оружия превратятся в спасение- спасение тебя, близких, окружающих, и даже того, к кому ты применяешь так называемое «насилие», которое уже не будет являться насилием, а будет чистым состраданием. Сейчас я тебе покажу. Смотри на пруд, видишь? Большая болотная ящерица пытается выбраться на сушу, но не может. Почему?

— Потому что хищная рыба схватила её за хвост под водой.

— Верно. А теперь вот тебе бластер, прицелься им в верхнюю часть хвоста и стреляй.

— Но Папа, она без хвоста останется!

— Васудева, а так она может остаться с одной головой, если ты не выстрелишь, и то не факт, что и голова останется. Стреляй.

— Пищцц.

— Молодец сынок. Ты применил оружие, испытывая при этом сострадание.

— Да, но её хвост....

— погоди, Васудева, не говори ничего- смотри, видишь?

— Ого! У неё вырастает новый хвост.

— Видишь? Ты проявил сострадание даже к её хвосту. Хе-хе.

(Конец воспоминаний)

Ну что ж, я- единственный поднял руку? Только я знаю, как управлять бластером? А не, не только я.

— Сто пятый и Двухсотый! А остальные что? Ничего? Ммда, и это бойцы турнира, зэки в конце концов! Ни разу нестрелявшие! Ну и криминал нынче, ха- ха. Короче, вы двое, значит, в ответе за всё.

— Что? Это что за беспредел?

— Двухсотый! Не испытывай моё терпение!

— Но почему мы одни за всё должны отвечать? Мы самые способные в стрельбе и должны отвечать! Это как?

— Это.... Вот так, понял? Так же даём вам голо-карту. Это вот такой металлический предмет в форме диска с одной единственной кнопкой на нём. На неё, соответственно, нажимаете вот так, и, вуаля, вылезает голо-карта, на ней оранжевой точкой обозначена пещера и количество километров до неё. Всё, девочки! Вперёд!

Вот мы идём по пустыне, нас девять человек. Один из нас держит голо-карту, как ребёнок дорогую игрушку, хех, лишь бы не сломал. Я иду в предчувствии, что вся эта операция по спасению накроется медным тазом. Ну, не знаю, чувствую я так почему — то.

— «О! Нам осталось сто двадцать километров!» — радостным голосом воскликнул «достойный держатель голо-карты».

— «Сто двадцать километров? Да ты что? А я — то думал — нам больше надо пройти, километров двести сорок эдак, то мы по этой пустыне весь день бы шли, а то полдня всего лишь, какая радость!» — отреагировал тот, кого главный охранник называет двухсотым.

Да уж, мне знакомо злорадство Двухсотого. Это злорадство над самим собой, не над кем-то другим, а если и над кем-то, то над тем, с кем он сам находится «в одной упряжке». Такие люди полны обострённого чувства справедливости и могут делиться на две категории: на тех, кто не терпит несправедливости по отношению лишь к себе, проще говоря, эгоисты, и тех, кто не терпит несправедливость по отношению к другим тоже, но в состоянии пикового адреналинового напряжения эти люди могут проявить себя с абсолютно неожиданной благородной стороны, притом это могут быть люди, которые были по ошибке занесены в первую категорию, даже ими самими.

— «Слушай, друг, за что тебя сюда?» — проявил с чего-то вдруг ко мне интерес Двухсотый.

— С чего интересуешься вдруг?

— Да ладно тебе, ты же слышал нашего «картографа»? Нам ещё сто двадцать километров пилить. Рассказывай, я в долгу не останусь, тоже расскажу.

— Сломал челюсть республиканскому гвардейцу.

— Аха-ха, ну ты-молодец! И сколько тебе дали?

— Пятьсот лет.

— Ох-ох, дружище, надеюсь ты из народа долгожителей.

— Я тоже на это надеюсь.

— Ха!

— Ну а ты что такого страшного совершил?

— Сказал сенатору с планеты Б-624, что я знаю, что он ворует народные деньги.

— Тогда позволь и мне сказать «Аха-ха!». Моё «преступление»-то покруче будет.

— И сколько тебе дали?

— Двести пятьдесят лет.

— Тоже немало, надеюсь, ты тоже из долгожителей.

— Ну а вы, парни, за что чалитесь? Вот ты, «хранитель» нашей бесценной карты, за что присел?

— Я пытался вернуть золото в имперскую казну.

— Погоди. Это как?

— Ну во время погрузки государственной казны на свой звездолёт, имперские военные случайно выронили один слиток. Ну, я его подобрал, когда они уже взлетели, и решил, что надо как — то вернуть, а то неправильно ведь. Пошёл в ближайшую их часть, ну они меня и арестовали, решив, что я это украл.

— Ну ты и... у меня слов нет.

- А остальные за что присели? Ну вот ты, здоровяк, рассказывай.
- Я хотел кушать.
- И?
- В имперской столовой для военных. У них отменное мороженое.
- А ты военный?
- Нет, я грузчик, но кушать хотелось.
- «Да, мы те ещё бандиты» — сказал Двухсотый.
- «Те ещё бандиты» — подтвердил я.

Уууух, ну и жара- я весь буквально обливаюсь потом, в тюрячке было как- то прохладнее. Хех, не думал, что когда-нибудь буду хвалить неволю, сравнивая её со свободой, хоть и временной. Но насчёт жары, думаю- в этой команде не я один такого вот мнения.

— «Ребята! Прикиньте, мы перешли границу! Мы на территории Зброга. Буквально уже метр, как здесь мы ходим.» — говорит «счастливый обладатель голо-карты».

И вот он момент, глаза всех округлились от ощущения надежды и от ощущения страха одновременно. Все надеются друг на друга, что кто- то скажет это первым, и боятся сказать сами. Ну вот, один из нас всё- таки решается.

— «Мы на другой территории. А знаете, что это значит?» — спрашивает Двухсотый.

— «Что? Что?» — все «включают дурачка».

— Это значит никакого контроля, никакого молекулярного расщепления, никаких обязательств перед Флором, никаких обязательств перед тюрьмой. Мы свободные люди. Понимаете? Свободные!

Двухсотый смотрит на всех так, будто каждый обязан сейчас закричать от счастья, как и он. Он ждёт, что такая его эмоция с радостными криками возникнет у всех, как вполне себе естественная вещь.

— «Так, я пошёл. Кто со мной?» — уверенно, по-лидерски произносит Двухсотый.

Я вижу, как у всех заиграли глаза, они уже готовы идти за Двухсотым хоть на край света, лишь бы чувствовать себя свободными. Я тоже жажду этого ощущения. И я его чувствую. Ощущаю даже, когда мы просто оказались в пустыне, когда просто брали ту цитадель, но, блин, у меня долг, плюс я понимаю то, чего не понимают эти ребята. Побег вещь не из лёгких, даже если ты думаешь, что все карты ложатся в твою пользу.

— «И куда ты предлагаешь идти?» — решаю спросить я у Двухсотого.

— Да плевать, главное — мы свободны, понимаешь, свободны! Или тебе нравится наша прекрасная тюрячка имени славного «добрého начальника Флора»?

— Кстати, о Флоре, мы так- то должны его спасти, и не только его, ещё одного из наших парней.

— Послушай того парня ты знаешь всего один день, а Флора, как я догадываюсь, знаешь не один год. И если к нашему товарищу по тюремному несчастью ты наверняка ничего не испытываешь, то к Флору наверняка что-то есть, и что- то мне подсказывает, что это не глубокие светлые чувства.

— Да, ты прав. Но допустим, что мы двинемся не по изначально намеченному курсу, но куда в таком случае мы пойдём?

— У нас есть голо-карта.

— Да, голо-карта, конечно. Дойдём до ближайшего поселения, а там что? Нас не будет со спасённым Флором под боком целые сутки. После этого нас имеют право объявить беглецами. Соответственно, они свяжутся с «важными птицами» из Зброга и всё- твой побег накрылся. Это, если нас до этого не убьют, конечно.

— Послушай, всегда есть куча погрешностей. Ты думаешь мы не рискуем, спасая Флора? Крылатый червь нас может сожрать элементарно. А, вдруг там не один червь? Мы жши в логово, так? В логове всегда их целая семейка. И потом, мы все собирались участвовать в турнире. Тебе что пообещали?

— Это не твоё дело.

И тут Двухсотый подходит ко мне вплотную, будто хочет сказать что-то, чего я не знаю или просто чтобы заехать мне по морде.

— Дай, угадаю. Тебе предложилиииии.... Свободу? Так?

— Угадал.

— Ха. А знаешь как? Мне тоже пообещали свободу. А вам всем, ребята, тоже пообещали свободу?

— «Да, да» — отвечают остальные парни.

— Вот так, но в рамках тюремной системы на всех свободы не хватит, друг. Свободу получит только один. Тот, кто выиграет, останется победителем в конце. Это шанс один из тысячи. Зато тут шансов побольше. Разве я не прав, мой друг?

— «Разве я не прав????» — Двухсотый не умолкает, он как будто ждёт от меня стопроцентного согласия, но сам же немного сомневается в своей правоте, не в её рациональной составляющей, нет, и даже не в эмоциональной, а в душевной, метафизической.

— «Я не могу оставить ни Флора, ни, тем более, одного из наших, пусть я и знаю его всего лишь сутки» — отвечаю я Двухсотому.

Двухсотый смотрит на меня взглядом непонимания.... Непонимания того, почему именно сейчас, именно в этот момент он должен был столкнуться с торжеством в человеке каких-либо моральных принципов. Готов поспорить, что в его голове возник вопрос «Почему сейчас? Ну почему не раньше?» Потому он и задаёт этот вопрос мне вслух.

— Почему?

(Воспоминания)

— Васудева, сынок, сегодня мы идём на болото.

— Болото?

— Да, грязное, ужасное болото.

— Но зачем?

— Полезно для концентрации.

— Для какой концентрации?

— Слишком много вопросов, Васудева. Идём, всё увидишь на месте.

Пройдя небольшое количество расстояния в гуще Азийских джунглей, мы с Отцом пришли на грязное, вонючее болото.

— «Вот мы и пришли» — говорит Отец с издевающейся ухмылкой.

Я закрываю нос пальцами, лишь бы не чувствовать эту вонь. Отец резким движением совершает шлепок мне по руке.

— «Папа, тут воняет!» — возмущаюсь я.

— «Это ещё не воняет. Так, сынок, снимай свою рубаху» — говорит Отец.

— Зачем?

— Что-то ты много говоришь сегодня. Давай, снимай.

Я снимаю рубаху. Отец прямо голыми руками набирает вонючую жижу из болота и мажет ею мою спину. У меня рвотный рефлекс.

— Тихо, не смей. Стой спокойно.

Отец вымазал весь мой торс. Я стою и еле сдерживаю отвращение и ещё больше-непонимание того, зачем вообще всё это нужно.

— А теперь, сынок, стой и делай волевою гимнастику. Таак, ручки сгибаешь, разгибаешь, всё, как обычно. Выполняй все движения полностью до завершения всей гимнастики.

Я делаю все упражнения, пытаюсь сдерживать слёзы из глаз, которые «режет» этот отвратительный запах. Я ещё чувствую, как моё тело начинает потеть, тело измазанное в этот кошмар, фу!

— И пока ты делаешь, отвечаю на мучающий тебя вопрос. Ты это делаешь для концентрации на своём деле, своей миссии, у тебя есть задача- доделать комплекс до конца. Грязь же и вонь от неё- это всего лишь дорога к цели, это даже не преграда.

— Очень вонючая дорога, Папа!

— Ну да, может быть, хе-хе. Хотя... Вот сейчас появилась и преграда.

Из кустов грациозно выпрыгивает жёлтая рысь прямо на спину Отцу. Он хватается её за голову и делает бросок вперёд. Рысь, приземлившись на землю, резко переворачивается на лапы. Отец принимает боевую стойку. Рысь рычит и шипит одновременно, как бы чередуя эти звуки, прижав уши и виляя хвостом.

— «Эй ты, давай на меня, котяра!» — я решаю взять инициативу в свои руки.

— «Сын, молчи!» — громко сказал Отец, явно переживая за меня.

— Папа, всё хорошо. Я кое-что придумал.

Я тихонько замираю на самом краю болота, так, чтобы не упустить из вида опасное животное.

— «Ну, давай!» — кричу я на рысь.

Рысь, слегка ускорившись в коротком беге, отталкивается лапами и делает прыжок прямо в мою сторону.

— «Васудева, нет!» — Отец кричит изо всех сил.

Я резко отскакиваю в сторону, а рысь прыгает прямо в болото, поднимая фонтан грязных, вонючих брызг.

— «Ну что, котяра, получил? Будешь знать, как нападать на моего Папу!» — хвастливо восклицаю я.

Рысь жалобно замыкала, в её глазах можно прочесть абсолютно обычный страх за свою жизнь — так срабатывает инстинкт самосохранения, присущий любому живому существу. Отец схватил лежащую рядом деревянную палку и протянул, как смог, её в сторону животного.

— «Ну давай, злючка ты такая, цепляйся» — говорит Папа.

Глаза рыси хоть и полны страха за свою жизнь, но в них ещё можно прочесть и недоверие. Конечно, ведь с чего это вдруг её недавняя жертва, то есть мой Отец, пытается ей помочь. Может этой палкой он хочет и вовсе её шандарахнуть по голове, чтобы утопить в болоте окончательно. Често, я и сам не понимаю, зачем Папа это делает.

— «Пап, зачем ты её спасаешь, она же снова нападёт» — говорю я в недоумении.

— Тихо, сын, не волнуйся и не отвлекай меня. Ну давай, рыська, тянись, тянись лапами, давай, я не причиню тебе вреда.

Взгляд животного сменился на «доверие от безвыходного положения», тут сразу вспоминается старинная асийская поговорка «авось, пронесёт». И вот котяра цепляет палку правой лапой, выпустив когти, подтянув так же и левую.

— «Давай, давай, вот, молодец» — отец почти вытянул зверя наверх.

Блестящая золотистая шерсть рыси конечно почернела от грязи, но уже того злобного воинственного взгляда хищника у неё нет. Она смотрит благодарно на моего Папу, а на меня с лёгкой даже не злобой, а обидой, слегка рычит в мою сторону и убегает в глубину леса. Я стою в удивлении, не знаю, что сказать.

— «Вот, вот, сынок, даже лютый зверь понимает проявленное к нему сострадание» — решает вот так закончить сегодняшний урок мой Отец.

(Конец воспоминаний)

Вот мы и остались вдвоём с наивным любителем всего необычного, умеющим ценить, видимо, простые радости жизни, а именно с держателем голо — карты, остальные пошли путешествовать в поисках свободы посреди пустыни, я же решил её добиваться дальше через намеченный изначально путь. Не то что бы я был каким-то идиотом, упустившим возможность побега. Просто по-другому я не могу. Так было вложено мне моими предками, моим Отцом. Только есть один вопрос, а этот новоиспечённый «картограф» чего за мной увязался-то? Мне, конечно, лишняя помощь не помешает в спасении козлины Флора и того парня из наших, но, блин, как же этот мой единственный спутник выносит мозг.

— «Как тебя зовут, братан?» — вполне ожидаемо спрашивает он меня.

— Сто пятый.

— Ааааа молодец, не говоришь своего настоящего имени, как и все наши-молодца, я тоже вот молчу, я умею хранить секреты, знаешь. Я — Сто седьмой. Недалеко от тебя ушёл, судя по кличке, а ты отстаёшь, хе-хе. Но это не важно, а знаешь что важно?

— Нет, удиви меня.

— Важно хранить язык за зубами, не выдавать секретов, не болтать лишнего. Вот, например, я слышал, как одному зэку увеличили срок до пожизненного за то, что он подслушивал разговор Флора с каким — то важным дядькой, там тайна чуть ли не государственной важности, хотя официально осудили за попытку побега. Ну типа раз он не находился на общем двореке в положенное время-значит пытался бежать. Только ты никому не говори. Это тайна. Меня тоже просили не говорить. И ты не говори. Держи язык за зубами, вот как я.

— Ой, да куда мне до тебя?

— О, мы почти дошли!

Вот и пещера, представляющая из себя довольно крупное отверстие в небольшой горе.

— Слушай ээээ....

— Сто седьмой.

— Сто седьмой, послушай, тебе необязательно идти с мной. Я ценю, что ты пошёл с мной, хоть я до сих пор не знаю почему....

— Как не знаешь почему? Мы, фактически на вражеской территории, эти зброговцы сами нас с радостью завалят, если узнают, что мы из-за границы. Они чужаков не любят, особенно в последнее время почему-то. Прикинь, да, чем они лучше нас? У них тут каждый второй — отребье, как и у нас.

— Да, да ты прав.

— Ну, прикинь, да, верх наглости, вообще утырки. А этот Двухсотпятидесятый, или как его там, Двухсотый, да, так вот он — что не понимает всего этого до конца? А эти, что с ним пошли, а не с тобой, не понимают что ли?

— Так, послушай, Сто седьмой, я тебе просто предложил подождать тут, или вообще в итоге уйти, как это сделали остальные.

— Нееее, дружище, я с тобой пойду. Глядишь-помощь моя понадобится.

— Хорошо, пошли.

Мы стали спускаться в пещеру. Есть всётаки плюсы пребывания в пустыне, особенно, когда пытаешься спасти начальника той тюрьмы, где сидишь. Спуск сухой, песчаный, да

немного вязкий, но зато не подскользнёшься. Вот мы и спустились. Тут палящее Солнце уже светит гораздо меньше, тут усиливающийся мрак. А Сто седьмой не умолкает. Ну почему именно он согласился идти с мной?

— Жалко, что нет факелов горящих или типа того, чего нас не снабдили, зная, что мы будем опускаться в это тёмное царство. Кошмар, это ж ради Флора. Лучше сработаем мы-больше шансов у него.

— Так, я тебя прошу- заткнись. А то пробудешь местных жителей.

И тут земля пошла, как волнами.... Ну что это может быть? Конечно червь! Ну, Сто седьмой, если не червь, то я тебя прибью обязательно после всего.

- Хватай его за ноги!
- За какие ещё ноги?!
- За конечности, блин!
- Схватил одну! Что дальше?
- Ломай, дубина!

Сто седьмой ломает одну конечность гигантскому червю. Не сказать, что это как-то сильно помогло, но монстру явно неприятно, а значит у Сто седьмого шансов больше. Ах да, я забыл сказать, червь меня не схватил- я только отбиваюсь по пещере от его, как бы, «хвоста», а мой друг Сто седьмой был схвачен острыми, как бритва, конечностями монстра где-то посередине его продолговатого туловища. Честно, это похоже на карму, про неё мне говорил мой Отец, только карма настигает за плохие поступки, а тут Сто седьмого карма настигла за его глупость. Вот незачем было так громко говорить на вражеской территории, да ещё в логове песчаного червя. Итак, мне надоело смотреть на страдания моего спутника, тем более, что он досих пор сломал лишь две конечности у червя, но монстр ещё пока держится, и держит Сто седьмого. Я решаю пострелять из бластера четко по разным конечностям. «Бах! Бах!». Вот теперь слышно, как червь ревет от боли и готов отпустить моего друга.

- Сто седьмой! Просто отбивайся теперь! Он тебя отпустит!

Сто седьмой наносит мощный удар по туловищу червя перед собой и падает на землю. Червь, видимо, решает отступить и «ныряет» в песок. Я подбегаю к Сто седьмому, смотрю, в порядке ли он.

- «Вставай, симулянт» — говорю я.
- «Почему ты его не убил?» — запыханным голосом отвечает Сто седьмой.
- «Ну он тоже нас не убил, так что мы квиты» — даю я недвусмысленный ответ.

Сто седьмой смотрит на меня, хлопая глазами. Надеюсь он достаточно глуп, чтобы не начать задавать более углублённые вопросы, дабы мне не пришлось или выдумывать небылицы, или посвящать его в принципы ненасилия Азии. И Сто седьмой решает, видимо, меня не разочаровывать и выдаёт ту реакцию, о которой я могу только мечтать в этот момент: «Аааа, ага, я понял».

- «Давай, осмотрим тут всё» — говорю я.
- «Давай, осмотрим. Ух, какая пещера — то огромная. А снаружи не скажешь....» — начинает развёрнуто отвечать Сто седьмой.
- «Только молчи. А то червь может вернуться.» — прерываю я его.

Учитывая, что в пещере темно, искать Флора и нашего зэка приходится почти на ощупь. Ближе к входу, где мы сразились с червём было посветлее, но вот, когда заходишь дальше, то становится темно, как в старом добром карцере нашей тюрючки.

- «Сто пятый, а почему мы не натыкаемся на кости?» — спрашивает Сто седьмой.
- Слышу нотку разочарования в вопросе. Тебе так хочется на них наткнуться здесь?
- Нет, конечно. Я ж не дурак.

— Ммда, это уж точно.... Ну, насчёт костей тебе скажу, что песчаные черви их прекрасно переваривают, такая особенность их организма, если бы они любили питаться камнями или песком, то и их бы прекрасно переваривали.

— Вот здорово было бы, да? Если бы они песок ели, и нам бы не пришлось ходить еле-еле по этой зыбучей пустыне так долго, и нас бы черви не хотели бы есть, потому что были бы сытые.

— Ага, просто класс, супер.

— Да, классно, а ещё было бы классно, если бы знаешь....

— Тихо, ты слышал?

— Что?

— Кто — то стонет.

Не так далеко слышится лёгкий стон. Мы идём на ощупь. Дойдя до источника звука, мы натываемся в темноте на тело.

— «Это тот парень из наших, ну простой зэк, как и мы. Только чего он мычит так?» — спрашивает Сто седьмой.

— У него кляп во рту. Знаешь, что это значит?

— Что?

— Что мы не единственные «крутые парни» здесь.

— «Ахах, это точно, козлина! Оружие на землю!» — говорит злобный и ехидный голос сзади.

Я и Сто седьмой смотрим в пустоту, сзади нас где — то во тьме стоят лысые, беззубые утырки с пушками. Почему лысые и беззубые? Потому что по манере человека общаться я уже давно научился представлять его жизненный путь, который, в свою очередь, оставляет огромный отпечаток на внешности.

— «Не думайте, что нам не видно, что вы не подняли руки, у нас есть тепловизоры. Так что нам видно всё, козлы, хе-хе.» — говорит один из «утырков».

В этой ситуации лишь бы не заговорил Сто седьмой, что угодно, только не это.

— «Ребята, а мы просто гуляли» — всё-таки заговаривает Сто седьмой.

— Гуляли?

— Да, гуляли. Просто идём такие, и тут- бах, пещера, ну и подумали, мол, почему бы не зайти? Тем более, что тут водятся, вроде как, эти- песчаные черви. Интересно же на них посмотреть. Мы их просто никогда не видели.

Сто седьмой, я тебя прошу заткнись, ну что ты такое несёшь, ты нас погубишь.

— Значит вы, двое, червей никогда не видели?

— Да, не видели. Вот так живёшь в пустыне и червей не видишь пустынных. Но мы ребята храбрые и способные, одного уже победили прямо тут.

— Победили червя?

— Да, победили, но он правда убежал, но я к чему это.... Может вы, ребята, пойдёте дальше, ну, в смысле, выйдете из пещеры, а то тут опасно, вдруг ещё один вылезет червяк, а мы тут со Сто пятым, типа, дезинфекцию проведём.

Ну, блин, Сто седьмой, болтливый твой язык. Ну я тебе его вырву.

— Со Сто пятым? Зэки значит. Аха-ха. Так за беглецов будет хорошая награда. Кенни, давай свяжи им руки.

— «Эй, подожди, мы не беглецы! Мы....» — пытается возразить Сто седьмой.

— «Заткнись! У тебя солнечный удар, забыл? Несёшь всякий бред!» — я перебиваю Сто седьмого, придумывая на ходу маленькую ложь.

Возможно, где-то здесь ещё живой Флор, и, возможно, для местных утырков он лишь дешёвый пленник, пока они не знают, что он- «крупная птица», да к тому же из-за границы. В любом случае, надо держать язык за зубами, потому что последствия таких знаний могут быть плачевными и необратимыми.

Тут, явно, только один вариант. Жаль, что нет света. Да и стою я спиной к «утыркам». Что же делать?

(Воспоминания)

— Что мне делать, Папа?

— Как что тебе делать, Васудева? Лови камни, которые я в тебя бросаю.

— Но ты же мне глаза завязал? Как я их поймаю?

— Сердцем, сынок, сердцем.

— Это как?

— А вот так, чюх.

Отец кинул в меня мелкий камушек. Не сказал бы, что больно, но.... Неприятно.

— Ай! Папа!

— Сынок, не злись.

— Я не злюсь. Больно просто!

— Не злись, Васудева! Лови сердцем. Успокойся. Лови сердцем. Не пытайся ловить глазами. Не думай. Отдайся сердцу.

Я успокоил свои мысли и при этом сосредоточился. Я слышу дыхание Отца, его более учащённый пульс при замахивании руки. Он вдыхает, готовится бросить камень и.... выдох, камень летит в мою сторону, я ловлю его.

— Замечательно, сын! А теперь поворачивайся ко мне спиной. Усложним задачу, хе-хе.

— Ой-ой.

(Конец воспоминаний)

Дыхание «утырков» в темноте раздражает мою спину. Говорливый козлина, явно, меньше меня ростом, раз его дыхание доходит до моих лопаток. Нужен только повод для действия. Хмм.

— Так если вы, два дебила, не беглецы, то кто, а?

Вот и момент, теперь достаточно ответить на вопрос, как надо.

— Мы те, кто пересчитаем ваши рёбра через двадцать секунд.

— Чтоо?

— Что слышал, ослина!

— Ах ты....

Сердце «утырка» забилося, как бешеное, приклад его оружия замахнулся в сторону моей башки. Я резко делаю разворот туловищем назад, ловлю одной рукой оружие, а другой резко ребром ладони вдавливаю в локоть «смельчака», так, что тот орёт от боли. Выхватываю его оружие- это оказывается бластер. Палю по ногам остальным ошалённым «утыркам». Они падают, скорчившись от боли.

— «Ну что ж, вышло даже меньше- пятнадцать секунд. Я не хотел стрелять в вас. Убивать мы вас не будем.» — говорю я.

— «Почему не будем?» — возмутился Сто седьмой.

— Я сказал- не будем!

— Хорошо, хорошо!

— Так, нащупай у этих «героев» тепловизоры и одень!

— Ага, хорошо, так, что — то нащупал, так, о, я тебя вижу. Теперь что?

— Ну, не знаю, можешь станцевать. Посмотри вниз, чудак, и найди нашего товарища!

— А, понял. Так это разбойник, это разбойник, а это....

— Так, не ищи, я сам уже нащупал. Идём наружу.

Мы выходим из пещеры, и теперь можем видеть, что у нашего товарища гематома на глазу.

— «Вот блин! Они его били!» — отмечает Сто седьмой.

— Ага. Ну уж точно не гладили. Так, ты присмотри за ним, а я пойду поищу Флора.

— Ага, хорошо.

Песок начал содрагаться снова. Только не это. Прямо вверх, быстро, как выстрел лазером, поднимаются четыре песчаных червя. Ой- ой.

Итак, вот она перспектива, перспектива умереть уже.... В пятидесятый раз на моей памяти. Но вот такая перспектива- со слабоумным товарищем под боком.... Без обид, Сто седьмой, но ты реально тупой, я тебя знаю всего сутки, а уже этот факт для меня утвердился именно, как факт окончательно, но зато ты боевой отморозок, а ещё верный товарищ, что я ожидал видеть только в Азии.... Так вот, перспектива быть убитым четырьмя пустынными червями, слушая не эпично красивые слова перед воинской смертью от кого — либо, а что-то вроде «ааааай, блин!»- не особо хочется. Поэтому фиг вы меня слопаете! Понеслась! Я с криком стреляю из бластера по всем четырём целям. Одного червя кажется ранил, но не убил. Юркие, зараза! Извиваются быстро, неуловимо для моих лазеров, да и для атак Сто седьмого тоже. Он не отстаёт, стреляет и орёт, орёт и стреляет, будто берёт с меня пример, увидев в моём крике одобрение для своего. Мы всё фигачим и фигачим по монстрам, но пока что не очень-то успешно- как был один раненый, так и остался. Бац! У меня бластер перегрелся! Ой- ой! Один червь видит этот пробел в нашей атаке: как раз тот червь, в которого я попал, его слепая башка смотрит на меня, будто видит. Как такое может быть? Не все особенности поведения хищников можно предугадать заранее. Вот зрячую обиду у слепого червя я не думал, что увижу когда-нибудь. Уииииии! Он устремился в мою сторону. Уих! Я отпрыгиваю! Бах! Эта зараза ныряет в песок. Ой- ой! Решил накрыть меня моей же картой, атакой в темноте, слепоте, как угодно. Теперь я вместо слепого червя. Не вижу его. Даже волн в песке не вижу от его передвижений. Ааах! Червь резко из песка выныривает и обвивает моё туловище! Как же больно от его «ножек», режутся блин!

— «Почему ты не стреляешь! Я тут один отбиваюсь!» — не заметив моего положения, кричит Сто седьмой.

— «Слушай, я тут, ай! Я тут немного занят!» — кое- как пытаюсь набрать кислорода в грудь, отвечаю ему я.

— Аааа, ой! Сейчас помогу!

Бах! Сто седьмой стреляет в моего мучителя. Вроде пападает, не знаю. Бах! Её- моё!

— Ты мне в руку попал!

— Прости! Он такой быстрый! И они тоже! А ну, свалите, твари!

Блин! Чего- то как- то не прёт! Не уж то пустынная жара так повлияла. Нет, надо бороться, бороться! Бам! Наносу свободной рукой удар по твари. Вроде червя больно. Но и мне не меньше, ай! Помощь бы. Помощь.

— Блин! Сто седьмой! Помоги! Хоть раз попади по нему!

— Да подожди- я стараюсь!

Бах! Мощный выстрел червя в голову. Он рухнул. Сто седьмой! Молодец, брат!

— «Кажется кому — то крутому и благородному тут нужна помощь аморального отребья?» — знакомый голос прозвучал сзади.

Двухсотый! Он же ушёл с другими. Или нет? Не знаю.

— Не ждали? Ха-ха.

— «Мочи червей!» — грозный крик Сто седьмого раздаётся по пустыне.

Двухсотый оказался не один, остальные парни тоже были с ним, причём, все. Эта пустыня меня удивляет всё больше и больше. Но вот парни фигачат из бластеров по червям, не оставляя им шансов. «Удивительное спасение в последний момент», — вот такие ассоциации вызывает у меня это сражение. «Братан, отдохни, вот просто отдохни, мы всё сделаем», — будто именно это говорит своими действиями сейчас Двухсотый с парнями. Я же согнулся весь в крови, изрядно меня порезал червь. Добив монстров, ребята подошли к мне.

— «Паршиво выглядишь», — обратился ко мне Двухсотый.

— «Да ладно, царапина» — сказал я и регенирировал у всех на глазах.

Вот так вот, я могу и это, я, конечно, не бессмертный, но мои раны могут заживать, хоть и не мгновенно. Просто у других глубокие раны требуют посторонней медицинской помощи, а у меня нет. Главное, чтобы в момент заживления ничто не стремилось дать мне «остренькой добавки с кровью». Блин, главное не раскрываться, не говорить, что это асийское умение в мне.

— «Как ты это сделал? Раны затянулись. Ты — что типа неуязвимый?» — удивляется Сто седьмой.

— «А ты что, боишься, что на турнире, если встретимся, то будет трудно побить меня из-за этого? Хе-хе» — отвечаю я.

— Да нет, просто, ну как бы, ну вообще-то, да, немного боюсь.

— Не бойся, я заживаю не быстро, как видишь.

— «Знаешь, Сто пятый, я слышал о людях с одной далёкой планеты, которые могли так делать» — встревает в беседу Двухсотый.

— «Серьёзно? Ну как видишь, эти люди сейчас не на далёкой планете, а прямо перед тобой» — отвечаю я ему.

— «Хмм, есть только один интересный момент... Их цивилизация давно уничтожена, ещё в моём глубоком детстве. А сами они перестали появляться в каких-либо системах», — продолжает Двухсотый.

— «Я не понимаю, к чему ты клонишь?» — спрашиваю я.

— Я ни к чему не клоню. Тем более, что мы делили только что поле битвы вместе. Я тебя спас, между прочим. Я просто хочу знать, и наверное не только я, откуда у тебя есть способность к регенерации?

(воспоминания)

— Васудева, сынок, сегодня у нас особенная тренировка.

— Пап, по-моему все наши тренировки особенные.

— Да, но сегодня ты почувствуешь себя асом.

— Папа, но я и так ас.

— Ты знаешь, что ты ас, но теперь ты должен почувствовать. Идём.

Мы доходим с Отцом до горного обрыва: перед нами раскрывается невероятно красивый пейзаж Азии, сплошь зелёная даль, небольшие горы, покрытые джунглями, и всё это величаво освещает Солнце.

— Так, Васудева, Васудева, не спать и не мечтать, меня слушать.

— Извини, Папа, я засмотрелся на всё это....

— Хмм, понимаю, сын. В других мирах люди.... И не только люди

особо и не обращают внимания на родные красоты, потому что приедается то, что видишь постоянно, а красоты нашей Азии будто рождаются каждый день снова, будто мы здесь рождаемся каждый день, и каждый день радуемся этому прекрасному миру, который каждый раз для нас новый.

— Да, это точно.

Отец прислоняет свои руки к губам и издаёт специфический звук, похожий на птичий крик, только очень громкий. Вдруг снизу взмывает ввысь огромный грифон с белым оперением. Я немного вздрагиваю, но не от страха, а от эффекта неожиданности. В Азии грифоны не агрессивны за редким исключением. У нас они даже используются, как домашние животные.

— Сын, а теперь смотри внимательно. Видишь лианы, что свисают над обрывом?

— Да, Папа.

Отец снова издаёт почти тот же звук в сторону грифона, и тот отлетает от нас метров на пятнадцать. Отец отходит подальше от пропасти, становится в явно бегущую стойку. Что он делает? О, нет. Папа разгоняется, бежит и прыгает с обрыва на лиану, потом раскачавшись, перепрыгивает на другую, потом.... О, нет! Он срывается.

— «Папа!» — я кричу в жутком испуге.

Но вдруг снизу поднимается вверх тот же летающий грифон, а сверху сидит оседлавший его Отец.

— Ну что, сынок, испугался, ха-ха?

— Да, Папа, больше так не делай.

— Я-то не буду, сын, а вот ты будешь.

— Папа, ну, может не надо.

Отец на «грифоньем языке» отдаёт команду, видимо означающую- подлететь ближе к обрыву и прыгает ко мне.

— Сынок, это необходимо. Это и есть твоя тренировка.

— Хорошо, Папа.

— Молодец, сын. Значит, смотри, разгоняешься и бежишь, что есть сил. Добегаешь до обрыва и делаешь толчок ногами, понял?

— Да, Папа, я понял.

Я отхожу подальше от обрыва, готовлюсь стартануть и бегу, что есть сил до обрыва. Отталкиваюсь, цепляюсь за лиану, раскачиваюсь, прыгаю ещё на одну.

— Всё, сынок, теперь отпусти руки, не бойся!

Так, так, всё хорошо, я должен верить Отцу. Я отпускаю руки и.... лечу вниз! Лечу! А грифон не подлетает! Неужели это конец?! Нет! Но вдруг я падаю на какой- то уступ, примерно двадцати метров высотой. Ай! Как больно! Нога болит!

— Васудева! Сынок!

Отец подлетает на грифоне и спрыгивает. Я злюсь на Отца.

— Так, так, сынок, теперь послушай.

— Ничего я не буду слушать! Я мог разбиться, ты понимаешь?

— Тише, тише, не злись, это лишнее. Дай посмотрю на ногу. Ага, немножко погнута я б сказал, но не сломана, хе-хе.

— Это не смешно!

— Васудева, а сейчас слушай меня, повторяй: «У меня крепкая нога, у меня крепкая нога».

— Зачем мне это повторять!

— Тссс! Повторяй! Просто повторяй: «У меня крепкая нога».

— У- у- у- у меня к-крепкая нога.

— У меня крепкая нога.

Теперь мы с Отцом повторяем одновременно.

— У меня крепкая нога.

Где- то через пять минут я обнаруживаю, что моя нога абсолютно в порядке, не болит.

— Ну ка, Васудева, встань. Ага. Теперь пробежись.

Я делаю всё, что мне велит Отец. Ничего себе! Я как- то бегу даже быстрее, чем обычно. Как?

— А теперь видишь тот камень? Ударь по нему с ноги.

— Ага, Папа, сейчас разбежался я, как и с этим падением будет, да?

— Сынок, я тебе говорю, ударь!

— Хорошо.

Я подхожу к камню, отвожу назад «больную» ногу, бью по камню и он разбивается вдребезги.

— Папа, но как?

— Поздравляю, Васудева. Ты обрёл способность к регенирации. Ты слегка изменил материю своего тела в лучшую сторону силой убеждения. «У меня крепкая нога»- это была твоя сила убеждения.

— «Уменя крепкая нога», ха-ха.» — говорю я, слегка пританцовывая.

— У тебя крепкая нога, сынок! Ха-ха-ха, мой мальчик!

(конец воспоминаний)

— «Так, откуда?» — не перестаёт спрашивать Двухсотый.

— «Что откуда?» — отвечаю я вопросом, не сообразив о чём речь.

— Способность к регенерации!

— Ах, это? Дык, один старикан научил.

— Старикан?

— Старикан.

— Значит.... Старикан.

— Да, блин! Старикан! Я тебя разочаровал? Надо было сказать, что меня этому научил молодой салага?

— «Да не, не, всё нормально. Старикан, так старикан. Ты хотел бы, чтобы тебя обучил старикан регенерации? — обратился Двухсотый к одному из парней.

— «Чему? Деградации?» — переспрашивает тот.

— Да не деградации, а регенерации! Ну, то есть вот тому, что случилось только что с этим.....Сто пятым.

— А, да я хотел бы, чтобы меня обучил старикан регенедеграпации.

— Вот и я хотел бы. Все хотели бы, осталось только узнать, где такие старики водятся, не подскажешь, Сто пятый?

— «Послушай, я, конечно, благодарен, что вы нас не бросили, что ты нас не бросил, ну, со Сто седьмым, но твоё неожиданное благородство это не повод меня доставать и задерживать нашу миссию по спасению козлины Флора» — отвечаю я резко.

Двухсотому явно не по душе моя дерзость. Он подходит ко мне, смотрит мне в глаза с выражением лица типа «ну ладно, ладно, так уж и быть, я тебя понял, у всех свои секреты, ничего страшного».

— «Ну ладно, пошли за Флором, а то мы все так по нему соскучились» — говорит Двухсотый.

Несмотря на всё недовольство Двухсотого, на его вполне логичный, но неудобный для меня интерес к моей регенерации, я всё же не пойму- почему он вернулся, почему остальные вернулись?

— «Один вопрос, Двухсотый» — говорю я.

— Надо же? И какой?

— Почему вы вернулись к нам со Сто седьмым?

— «С тобой безопаснее, а с него обхохочешься» — показывает Двухсотый в сторону Сто седьмого и идёт в сторону пещеры.

Мы входим в пещеру, оставив Сто седьмого охранять освобождённого из плена, избитого нашего товарища. Внутри пещеры всё та же темень. Во мраке этой скалы стонут «утырки» с подстреленными мной ногами.

— «Кто это стонет?» — спрашивает Двухсотый.

— «Знакомьтесь, ребят, это подстреленные в ноги утырки» — говорю я.

— «Да пошёл ты!» — вскрикивает один из «лежащих».

— «Аааа, кто их так?» — спрашивает Двухсотый.

— «Это мы их так» — отвечаю я.

— В темноте?

— Ну, как видишь, не при свете.

— Видимо, это ещё одна твоя сверхспособность? Хоть и менее впечатляющая.

— Да нет, просто на ощупь. А чтобы у вас не было, как в моём стиле «на ощупь», возьмите у них тепловизоры.

Кое-как в темноте парни собирают с недовольных по понятной причине утырков их тепловизоры. Я, «прозревший» в этой темноте, благодаря надетому тепловизору, хватаю того самого лысого козла, что тыркал мне оружием в спину и начинаю допрашивать.

— «Говори, сколько пленных у вас было?» — спрашиваю я.

— «О чём ты вообще?» — козёл делает вид, что не понимает, о чём речь.

— Слушай- у нас при входе в твою пещеру лежит избитый товарищ.

— И что? Может ты его избил? Хе-хе.

— Хе-хе, хе-хе, ага.

Я давлю на рану лысого утырка. Он орёт от боли.

— Ай, что ж ты, тварь, делаешь- то, а?

— Кто? Я? Да ну, брось, это ты сам надавил, хе-хе. Короче, говори- сколько пленников было, а то я за себя, ой.... То есть за тебя не отвечаю, а то глядишь- снова на рану сам себе надавишь.

— Двое, двое.

— Ага, и где второй?

— Там, чуть дальше.

Мы проходим дальше вглубь и натываемся- таки на Флора.

— «Ты смотри- дышит зараза» — отмечает Двухсотый.

— «Ага, и без сознания» — говорю я.

Я бью по щекам Флора.

— «Флор! Флор!» — пытаюсь я его разбудить.

— «А! Кто это?! Где я?!» — вскрикнул очнувшийся Флор.

— «Не где, а с кем? Ты с теми, кто тебя спас, Флор! И это не твоя охрана, а вшивые ээки, которых ты вечно притесняешь. Вот же ирония судьбы, да?» — говорит Двухсотый.

— «Ааааа, привет де.....» — начал отвечать Флор.

— «А- а, нет, теперь никаких «девочек» в наш адрес» — говорю я.

Освободив Флора, мы выходим из пещеры. Сто седьмой охраняет нашего избитого товарища без всяких происшествий. Понимая, что Флор нам должен, я решаю поторговаться.

— Флор, этому парню нужна помощь, как видишь.

— Не беспокойся, на звёздном корабле есть медицинская капсула, если ты не заметил, когда летел к границе.

— «Флор, ты такой заботливый, аж слёзы наворачиваются» — отмечает с сарказмом Двухсотый.

— «Ха, вы тоже заботливые, зэки, которые спасли начальника своей тюрьмы.... Впечатляет» — говорит Флор.

— «Ну что сказать? Мы- те ещё бандиты» — говорит Двухсотый.

— «Ага. Те ещё бандиты» — подхватываю я.

Мы преодолеваем дальше долгий пустынный путь обратно к границе. Я несу на руках избитого товарища. Вероятно, я самый выносливый из всех здесь. Не то, чтобы я хвастаюсь, просто никто не хочет подменить меня уже как часа четыре, то есть с самого начала пути обратно.

— «Знаете, что самое странное и.... неправильное, на мой взгляд?» — задаюсь я вслух вопросом.

— «Что же, Сто пятый?» — спрашивает Флор.

— Мы даже не знаем его имени, ну.... Я по-крайней мере не знаю.

— «Да ну, у него наверняка очень интересное необычное имя, типа Сто девятый, Пятидесятый, а может он твой тёзка, Сто Пятый, а?» — не перестаёт язвить Двухсотый.

— «Его зовут Камиль!» — вдруг произносит Флор.

К слову, зэкам запрещено представляться своими именами по рождению, порой мы представляемся лагерными номерами даже, когда мы наедине и «большой брат» за нами не следит, но.... Кто знает? Стукачей никто не отменял. В любом случае Флор сейчас сам будто даёт добро на нарушение этого правила. Что его сподвигло? Благодарность за спасение? Что? Ммда, это тот ещё день.

— «Камиль? Эммм, а как же Пятисотый, Сто двадцать пятый....?» — недоумевает Двухсотый.

— «Лагерный номер Пятьдесят пятый, так его и зовите, по-крайней мере пока что» — с лёгкой долей ехидства отвечает Флор.

— «Ну что сказать, Флор, ты- тот ещё начальник» — произносит Двухсотый.

— «Тот ещё начальник» — подхватываю я.

Мы уже почти у границы. Все до сих пор не могут отойти от «обновлённого Флора». У некоторых явно присутствует ощущение, что его будто подменили. По-крайней мере, у меня такое ощущение присутствует. А может в нём живут двое, ну типа хороший Флор, плохой Флор. Надеюсь срединного Флора не будет, а то совсем будет трудно разобраться. Ай, о чём это я? Так вот, идём мы по пустыне, гало-карта в полном порядке, как ни странно. И это после всего нашего «веселья». В общем, Сто седьмой до сих пор является достойным «держателем карты», и Флор, как ни странно, опять же не против. Не забирает гало-карту сам, потому что не доверяет нам, даже просто не заикается на эту тему. Удивительно! Я, конечно же, жду подвоха. Ну, как и все присутствующие пустынные спасители начальника тюрьмы.

— «Мы уже почти дошли до границы» — объявляет Сто седьмой.

— «Какая радость! Снова в родную тюрячку, где классная жратва и шикарные апартаменты! Верно, начальник Флор?» — говорит Двухсотый.

— «Верно! И знаешь почему?» — спрашивает Флор.

— Почему?

— Потому что, когда тебя Стром взял в бойцы турнира, то тебе предоставили совсем другие условия, Двухсотый, ты теперь живёшь в шикарных апартаментах, вип-зэк, можно сказать.

— Вип-зэк? Из твоих уст это, как комплимент. Тебе там в пещере ничего не подсыпали? А то ты какой-то не такой.

— Наслаждайся, пока я не такой.

Нет, ну точно его подменили. Пора уже сделать хронологическую шкалу типа Флор-до и Флор-после.

— «Вот теперь мы точно дошли!» — радостно восклицает Сто седьмой.

— «Ураа!»- подхватывает с сарказмом Двухсотый.

Вдруг над нами происходит какой-то толчок в воздухе, вроде ударной волны. Мы от него отлетаем в разные стороны. До этого бывший без сознания Камиль, он же Пятьдесят пятый, резко приходит в себя. Над нами появился звёздный истребитель без опознавательных знаков.

— «Флор, что это?» — в недоумении спрашиваю я.

— Я откуда знаю!

— Это ведь не наш звездолёт, верно?

— Верно! Погоди! Что-то тикает у меня в кармане!

Флор из лежачего положения, преодолевая сильный напор воздушных масс, создаваемых нависшим над нами звездолётом, лезет рукой в карман своих штанов и достаёт оттуда трекер слежения.

— «Твою так-то за ногу, а! Трекер слежения! Они следили за нами всё это время!» — кричит Флор.

— «Что будем делать? Командуй, начальник!» — произносит Двухсотый.

— «Что будем делать, Флор?!» — повторяет вопрос Двухсотый.

— «Я, я с ними поговорю» — неуверенно отвечает Флор.

— «Послушай, Флор, я может и не спец в дипломатии, но лучше, что бы они не знали, кто ты», — говорю я.

— Да, Сто пятый, ты прав, ты не силен в дипломатии, поэтому давай я всё сам разрулю.

Флор подходит ближе к нависшему звездолёту, при этом он размахивает поднятыми вверх руками в разные стороны, намекая на «переговоры». Это- явно плохая идея. Вот прям чувствую.

— «Послушайте меня! Я начальник межпланетной колонии, находящейся под юрисдикцией планеты X-134. Это здесь прямо за границей!» — пытается что-то выдать из себя Флор.

— «Правительство Зброга не признаёт X-134!» — вдруг зазвучал «микрофонный» голос из звездолёта.

— «Да, мы понимаем позицию вашего правительства, но я не думаю, что вам нужен скандал из-за гибели такой важной персоны, как я, на вашей территории!» — продолжает говорить Флор.

— «X-134 не существует для Зброга, а значит и должности начальника межпланетной колонии, находящейся под юрисдикцией несуществующей планеты X-134, также не существует» — продолжает говорить голос из корабля.

— «Понял, Флор? Тебя не существует. Нашей тюрьмы, по ходу тоже нет, вообще, всё это сон. Я сейчас лежу с двумя красотками в какой-нибудь самой прекрасной из всех задниц нашего космоса, а это мне снится» — язвительно заявляет Двухсотый.

Флор не отводит теперь уже сердитый взгляд от звездолёта. Его задевает то, что несёт этот «микрофон» с носа корабля.

— «Послушайте, наше правительство также не признаёт Зброг. Так что вы...» — Флор начал на эмоциях говорить лишние слова.

— «Ребят, мужики, послушайте, нас не существует для вас, вас не существует для нас. Поэтому давайте мирно разойдёмся, или разлетимся в вашем случае, каждый уйдёт в свой несущетвующий мирок! Хорошо?!» — решает как — то всё уладить Двухсотый.

— «Нет! Не существует только X-134, значит и тюрьмы нет, значит начальника этой тюрьмы нет, вас нет, а значит вы обычные бандиты, коих надо ликвидировать. Атакуй!» — командует «голос» кому-то внутри корабля, и начинается лазерная атака по прямой линии.

Мы все разбегаемся в разные стороны, отпрыгиваем кто куда. По нам продолжают палить.

— «Ну что, Флор, показал чудо дипломатии!?» — убегая, кричит Двухсотый.

— «Да и ты не добился успеха, Двухсотый!» — также убегая, отвечает ему Флор.

— «Ладно, ерунда это всё, делать- то что будем?!» — кричу я.

— «Алё! Флор! Что будем делать!?» — кричит Двухсотый.

— «Не знаю!» — довольно эмоционально отвечает Флор.

— Как понять- не знаю?!

— Да вот как хочешь, так и понимай!

— Ну что тогда кому- то другому придётся взять командование на себя в данной ситуации. Слышь, Сто пятый!

— «Что?» — отвечаю я.

— «Сыграем в «камень, ножницы, бумага»? Кто победит- тот и станет временным командиром в этой ситуации!» — говорит Двухсотый.

— «А может проведём голосование?! Ну вдруг кто ещё хочет в командиры?!» — в ответ предлагаю я.

— «Дружище, если ты не заметил, то по нам стреляет здоровенный космический корабль! Как ты себе голосование представляешь? Типа, братан, ты ещё жив, руки не отстрелены? Можешь хотя бы одну на бегу поднять, если ты «за»?!» — кричит Двухсотый.

— «За, это за что?!» — спрашиваю я.

— «Нуу, за то, чтобы меня назначить главным!» — отвечает Двухсотый.

— «Неее, давай лучше «камень, ножницы, бумага» — предлагаю вариант Двухсотого.

— «Давай! Раз, два, три! У меня бумага, а у тебя что?!» — спрашивает Двухсотый.

— «У меня это каааа.....ножницы!» — отвечаю я.

— «Ка...ножницы??? Ты меня за кого принимаешь!?» — недоумевает в этой суматохе Двухсотый.

— «Давай тогда сначала!» — предлагаю я.

— «Тихо! Прекратите, дебилы!» — останавливает нас Флор.

Флор явно озадачен. Пытаясь преодолеть чувство адреналина, которое на него свалилось, он пытается ещё и думать. Ну и... не попасть под выстрелы с звездолёта.

— «Так, значит вон холмы!» — кричит Флор.

— «Какие холмы!?» — спрашивает на бегу Двухсотый.

— «Вон те!» — Флор на бегу показывает реально большие два каменных холма.

— «До них бежать метров двадцать по песку!» — отвечает Двухсотый.

— «Выхода нет!» — отвечает Флор.

— Твоя правда, начальник! Сто пятый, Сто седьмой, ребята, драпаем туда, в сторону тех холмов!

Мы кое- как добегаем до больших холмов, обошлось без жертв. Видимо на этом звездолёте сидит далеко не профессионал. Мы прячемся за холмами. И тут тишина. Звуки выстрелов прекращаются. На лице у Флора появляется наивная улыбка после пережитого стресса.

— «Ну что, похоже оторвались?» — говорит Флор.

Вдруг именно после фразы Флора перед нашим взором разворачивается этот звездолёт и нависает.

— «Сдайтесь по — хорошему!» — звучит голос из корабля.

— «Ага. Больше ничего не хочешь?! Блин, ну не хотел до этого доводить.» — произносит Флор.

Флор достаёт из кармана что-то вроде сигналки и нажимает на неё.

— «Последнее предупреждение! Сдай...» — не успевает договорить голос, как корабль разносит вдребезги летящей в него ракетой.

Подлает тот самый звездолёт, на котором мы и подлетели близко к границе. Корабль приземляется на относительно безопасное место, открывается дверь, оттуда выходит тот самый охранник Флора.

— «Начальник Флор! Садитесь! Нам надо улетать поскорее, пока другие не появились!» — произносит охранник.

Мы летим обратно в тюрьку. Интересное получилось приключение. Не смотря на то, что был огромный риск для жизни, я увидел много необычного, я бы даже сказал странного. Зачем Двухсотый, который меня знать не знает, вернулся спасать по факту, будто чувствовал, что мы со Сто седьмым были в опасности. Да если бы и чувствовал, то какое ему дело до нас? Ему и остальным. Они могли бы уйти навстречу свободе. Да, скорее всего в Зброге они облажались бы и их уже не было в живых в худшем случае, а в лучшем- их подвергли бы пыткам в застенках Зброговской полиции, как тех, кто припёрся с вражеской территории, но когда у тебя шанс на долгожданную свободу, то твои мозги отключаются, логика особо не работает, ты просто превращаешься в наивного ребёнка. Мы и так ээки, как наивные дети, нас всех содержит тюрьма, кормит, сами мы не самостоятельные, ха-ха. Иногда нас даже наказывают за какие- то проступки. В нашем случае Флор- большой любитель мучить карцером. Флор, Флор, ха, Флор меня тоже удивляет. Что- то с ним не то. Какой — то он больно добрый был во время нашего задания. В чём подвох? Я давно перестал доверять людям. Последние кому я доверял остались в Азии- те, кто мог прикрыть в трудный момент, те, кто могли помочь просто так из сострадания, даже без сострадания, просто помочь. Такого я не видел больше. До сего дня, снова. В чём подвох? В чём подвох?

— «Сто пятый! Глушняк! Уже пятый раз кричу!» — прорезается вдруг мне в ухо голос Двухсотого.

— Ага, да, что?

— Что? Что? Прилетели. Или ты хочешь тут остаться? Я конечно понимаю, тут классно, над пустыней бороздить или среди звёзд, вообще красота, но по-моему у тебя нет квалификации тюремного пилота, поэтому пошли домой, дружище.

— Ага, надеюсь во временное «домой».

— Я уже лет сто надеюсь, брат, ха-ха. Пошли. Надо готовится к турниру.

— Пошли.

Итак, мы готовимся к турниру. Я особо не тренируюсь, как остальные. Я делаю свою волевою гимнастику воина. Ей меня научил Отец. Никто не делает то же, что и я, ну ещё бы, это асийская система. Единственное, что я делаю, как и остальные, это спарринги и бег. Во время спаррингов стараюсь не навредить партнёрам. В результате чего они думают, что я вполне себе равный соперник... отмечают себе на будущее. Но я ведь знаю, что «Успех в конкурентной борьбе приходит, когда конкурент не знает твоих сильных сторон». Этому меня также учил мой Отец.

(воспоминания)

— Васудева, сегодня ты мне должен помочь в одном важном деле.

— В каком, Пап?

— Да тут одного грифона хочу приручить, а он не поддаётся, зараза, ведёт себя агрессивно.

— Так у тебя и так есть грифон.

— Ну не всё время же он должен служить мне, он должен отдыхать, ему нужен сменщик.

— Ну, постарайся приручить другого.

— Нет, сынок, мне нужен именно этот. Пошли.

Мы идём через джунгли к чудесной поляне- такая гладкая, ровная земля, поросшая небольшой травкой. Прямо посередине поляны спит грифон.

— Удачно мы на него вышли, а сын? Ха-ха.

— Что теперь, Пап?

— Ты это.... Просто седи, подстрахуй на тот случай, если кто из его собратьев, ну или там «сосестёр» появится.

— Аааа, хорошо.

— Ну, понеслась! Аааааа!

Отец бежит, как ошалевший прямо на грифона, который естественно проснулся от этих Папиных криков. Вообще странное поведение у Отца, он никогда бы не был таким неосторожным, никогда не рисковал бы, а тут он ведёт себя так, как.....ну, как вёл бы себя я.

— Ааааа! Давай, крылатый, давай!

— «Аарггх!» — грифону явно не нравится, что мой Отец его разбудил.

Отец очень сильно провоцирует крылатое чудище. Грифон делает рывок вперёд. Отец совершает кувырок. Потом грифон взлетает вверх и резко пикирует, как звездолёт при приземлении, в сторону Отца. Странно, что Папа не делает кувырок или не убегает, например. Он просто ждёт, пока этот монстр врежется в него своим гиганским клювом, тем самым отбросив его.

— «Папа!» — я кричу от испуга за Отца.

Грифон поднимается ввысь снова. Отец лежит обессиленный. Я подбегаю быстро к нему, хочу помочь встать, но Папа делает отрицательный жест головой.

— «Тихо, не волнуйся, просто смотри» — говорит Отец.

Грифон пикирует сверху прямо на нас. Вдруг Отец резко прыгает вверх на высоту пикирующего грифона и наносит ему резко удар кулаком по голове сверху. Грифон падает в

нокауте.

— «Вот так, сынок, вот тебе урок: «Успех в конкуретной борьбе приходит, когда конкурент не знает твоих сильных сторон».

— «Ааа- а, эммм» — я остолбенел.

— Не мычи, хе-хе, а лучше помоги привести его в чувство, а то надо же попросить прощения у нашего брата меньшего и приютить.

(конец воспоминаний)

И так вот он, турнир Лотара Сторма, ежегодно тысячи зрителей собираются посмотреть на это насилие. Всем хочется крови и зрелищ. Была бы их воля, бои можно было бы проводить с возможностью фактического убийства на ринге, но огромное спасибо межпланетному капитализму, благодаря которому такие, как Сторм понимают, что иметь убитых зэков на ринге далеко не выгодно, потому что боец может ещё послужить- а значит: на нём ещё можно заработать, а так, если бы постоянно кто- то да умирал, то многие зэки стали бы отказываться от боёв, даже при давлении администрации. Такая мини-революция в сознании была бы вполне возможна.

Итак, турнир. Огромный зал на сорок тысяч пар глаз, жаждущих крови. Ринг освящается лазерными прожекторами. На трибунах темно конечно же, иногда лёгкая цвето-музыка падает на людей. Мы: я, а ещё «Двухсотый и компания» следим за всем этим из первых рядов. Такая честь, как участников, прям распирает от гордости. В центр ринга выходит мужик с прилизанными красными волосами, на нём повязанный светло-коричневый халат, который принято носить в здешних краях.

— «Гляди, сейчас объявит первую пару бойцов» — говорит Двухсотый.

— «Не переживай, брат, это будем не мы» — говорю я.

— А если мы, будешь сильно меня бить?

— Постараюсь- нет. А ты меня?

— Постараюсь- да.

— В смысле? Почему?

— А чтобы тебе жизнь мёдом не казалась, регениратор ты наш.

— Ха-ха.

— Слушай, слушай, начинает говорить.

— «Дамы и господа! Сегодня мы собрались, чтобы стать свидетелями настоящей войны! Ежегодный турнир Лотара Сторма!» — объявляет мужик.

— «Уоу! Уху!» — радостно ликует публика.

— Сильнейшие бойцы галактики! Из разных исправительных учреждений готовы порадовать вас не только своим брутальным видом, своими мускулами, но и готовы показать свои воинские умения, способности, которыми обладает лишь малое количество жителей нашей галактики, поэтому может и справедливо, что они ютятся в тюремных камерах подальше от нас, обычных людей, ха-ха!

— «Вот же козлина! Засунуть бы его «ха-ха» ему в зад!» — возмущается Двухсотый.

— «Ага, брат, золотые слова» — подтверждаю я справедливость этой мысли.

— Итак! Первая пара бойцов! Бой в супер-лёгком весе! Оба новички, не знающие поражений! Боец из красного угла ринга, вес 60 килограмм, ему 90 лет! Его стиль — ударная техника! Заключённый колонии Чора, по имени «Принцесса»- встречайте!

— «Принцесса, парня назвали Принцесса, и явно не родители, ему дали такое имя в колонии» — мыслю я вслух.

— «Ага, а нам Флор даёт номера, да он душка по сравнению с их начальником» — говорит Двухсотый.

На ринг выходит маленького роста, жилистый парнишка в бойцовских красных шортах. В глазах читается ярость и испуг. Парень полон кипящей крови, и не знает, чего хочет от

этого поединка.

— «И боец из синего угла! Молодой боец, не знающий поражений, боец из колонии Магора, встречайте- Мастер диареии!» — ведущий объявляет второго бойца.

— «А вот по сравнению с их начальником, Флор просто ангел во плоти» — говорит Двухсотый.

— «Ага, брат, нам просто невероятно повезло с Флором» — подтверждаю я.

— «Итак, Принцесса наносит хай кик в голову, но Мастер диареи ставит блок!» — возле ринга горлопанит спортивный комментатор.

— «Ты посмотри. какой этот Принцесса яростный, он явно слабее этого Проктолога» — говорит Двухсотый.

— «Мастера диареи» — поправляю я.

— Да какая разница?

— Может и никакой.

— Может быть. Ты посмотри- какой он яростный.

— Да не яростный он, он напуган. Он удары эти сразу наносит от отчаяния, надеясь на авось. Новички часто бывают напуганы, от того у них весь план на бой улетает в трубу.

— Но, погоди, этот тоже новичок. А двигается профессионально.

— Может у них там в Магоре супер — пупер — тренера.

— Ага, или они не тратят там время на спасение начальников своей зоны.

— Ты что намекаешь на то, что мы с тобой плохо подготовленные бойцы?

— А если и намекаю, то что?

— То.... В случае встречи у нас будет взаимно корявый непрофессиональный бой.

— Ага, или взаимно корявый непрофессиональный нокаут.

— Или так.

— Воу! Воу! Ты посмотри только!

Мастер диареи наносит мощный удар Принцессе в печень, от чего тот скорчился от боли, и явно старается не закричать.

— «И правда- Мастер диареи» — подмечает Двухсотый.

Боец Принцесса прижат к канатам, Мастер диареи метелит его на чём свет стоит. Принцесса явно проигрывает. А Мастер диареи явно устаёт, хмм. «Бам!» — Принцесса проводит апперкот, и его визави падает.

— «Проктолог в нокауте от психолога.... Вот так его надо было назвать» — говорит Двухсотый.

— «Почему психолога?» — спрашиваю я.

— Ну, надо залезть в голову сопернику, чтобы просчитать вот так его действия.

— Да нееее, тут скорее другое.

— И что же?

— Страх сменился на ярость.

— «Ну что же, дамы и господа, вы увидели неожиданный исход поединка, и Принцесса выходит во второй тур! А теперь пришла очередь поприветствовать нас местным талантам по зубдробительному, рёбробробительному, черепо-дробительному искусству!» — объявляет дальше ведущий.

— «Ещё забыл сказать носо-дробительному, глазо-выбивательному иухо-ломательному искусству» — говорит Двухсотый.

— «Встречайте- бойцы колонии X-134!» — объявляет ведущий.

— «О! Это ж мы» — говорит Двухсотый.

— «Так- то да.» — подтверждаю я.

— «Представляю вам бой в тяжёлом весе! Уникальное противостояние двух частей одной планеты! Два кусочка одного мира, расколотого пополам!» — ведущий начал объявлять новую пару бойцов.

— «О- оу. Неужели он сейчас объявит...» — предполагает Двухсотый.

— «О, да. Объявит, и ещё как!» — соглашаюсь я.

— Бойцы колоний X-134 и Зорга!

— «Погоди, погоди, в начале он объявил о том, что будут мяситься именно наши бойцы, а тут выясняется, что дерётся один из X-134, а другой из Зорга. Что за политическая безграмотность? Или географическая?» — замечает Двухсотый.

— «А может, ведущий, как и я, уже запутался в этих границах? Что чему принадлежит, что в чей состав входит. Нынче география у каждого своя» — говорю я.

— Это- аргумент, брат.

— То — то же.

— «Встречайте, боец из красного угла! Вес сто десять килограмм, его стиль — борьба! Прошедший через шесть поединков, не знающий ни одного поражения! Пурпур!» — ведущий объявляет первого бойца.

— «Ого! Почти, как Принцесса!» — язвительно замечает Двухсотый.

— «Да, прекращай ты, ха-ха» — рассмеявшись с шутки друга, говорю я.

— «Итак, его соперник, местный обитатель, весом в сто двадцать килограмм, не знающий поражений лишь по той причине, что ни одного боя не провёл, ха-ха! Боец из синего угла! Сорок пятый!» — ведущий объявляет второго бойца.

— «О! Посмотри! Это ж наш любитель армейского столового мороженого!» — замечает Двухсотый.

На ринг выходит наш товарищ по спасению Флора в пустыне, здоровенный лысый парень, рассказавший забавную историю о том, как в открытую зашёл поесть в армейскую столовую, будучи в розыске. Крупный, как кабан, он крупнее своего соперника, но опыта, блин, мало, хотя порой опыт вне ринга бывает лучше спортивного, зажатого в рамки правил.

— «Бойцы! К бою!» — ведущий объявляет начало поединка.

Боец из соседнего Зорга начинает работать первым номером, он атакует. Наш брат чувствует себя, как не в своей тарелке, он пытается отвечать размашистыми ударами, их ещё называют колхозки, но замах виден уже за пару секунд, тем более опытному бойцу.

— «Пурпур атакует, попадает точно в цель! Сорок пятый чувствует себя неуверенно. Ему явно не хватает опыта, он как будто не знает, что делать!» — говорит комментатор.

— «Слушай, наш проигрывает» — говорю я.

— «Может и к лучшему?» — неожиданно говорит Двухсотый.

— Ну, а тебе хочется потом выходить биться со своим? Или мне?

— Не хочется, конечно. Но свои- есть свои.

— «Итак! Конец первого раунда! На удивление Сорок Пятый ещё стоит на ногах!» — комментатор объявляет о завершении раунда.

— «Ты посмотри. Новичок, а ещё держится» — замечает Двухсотый.

— «Надо к нему подойти, пока перерыв между раундами» — говорю я.

— Ты чего? Не надо, зачем?

— Надо!

— Ну, блин, ладно.

Мы подбираемся ближе к рингу, прямо к углу Сорок пятого. Вроде никто нас не останавливает, значит, можно.

— «Эй, Сорок пятый, здоровяк, это мы» — говорю я.

— «Ааааа, привет, ребята» — отвечает Сорок пятый.

— «Ну как ты?» — спрашиваю я.

— «Больно, он меня бьёт, сильно бьёт» — отвечает Сорок пятый.

— «Братан, держись, давай, из последних сил, если придётся» — говорю я.

— «Погоди, из каких последних сил? Не мели чушь» — вдруг говорит Двухсотый.

— «Ладно, молчу» — соглашаюсь я.

— «Сорок пятый, здоровяк, скажи, чего бы тебе сейчас хотелось?» — спрашивает Двухсотый.

— Ну не знаю.

— Помнишь ты говорил про то мороженое в армейской столовой?

— Да, да помню.

— Так вот, представь себе, что вот он, твой соперник, украл у тебя то самое мороженое и не хочет отдавать.

— Украл моё мороженое? Я никому не позволю украсть моё мороженое. Он пожалеет, что украл мороженое!

— Да, украл твоё мороженое! Он украл его!

— «Эй ты! Ты украл моё мороженое! Верни его!» — Сорок пятый крикнул в сторону своего визави.

— «Что ты несёшь, придурок?» — отвечает противник Сорок пятого.

— «Итак! Второй раунд!» — объявляет комментатор.

— «Ты украл мороженое!» — Сорок пятый резко обхватывает руками Пурпура и сжимает ими, как песчаный червь, а то и крепче.

Сопернику уже как будто нечем дышать, он и ни одного удара нанести не может. В Сорок пятом проснулась какая-то невероятная сила. Он всё кричит «Мороженое! Отдай мороженое!».

— «Что творится?! В этот бой должны вмешаться! Пурпур сейчас задохнётся!» — говорит эмоционально комментатор.

— «Бой окончен!» — говорит сидящий возле ринга судья.

— «Вот так. Теперь они ему должны мороженое, ха-ха» — с радостью замечает Двухсотый.

— «А ведь часть победы твоя, брат» — говорю я.

— Да неужели? Я- то думал: победил повар той столовой, где готовят отменное мороженое!

Ведущий объявил перерыв. Как раз кстати, так как мы сильно проголодались.

— «Перерыв? Это- как антракт? Можно покушать?» — спрашивает Сорок пятый, сверкая голодными глазами.

— «Ух, не знаю, дружище. Сейчас узнаем у кого-нибудь» — говорю я.

Я начинаю искать глазами хоть кого-то из администрации тюрьки или какое-то связующее звено между нами, «рабами» и той же администрацией. О, нашёл! Это же мой «тренер» Жак!

— «О! Жак!» — кричу я.

— «Какой Жак?»-спрашивает Двухсотый.

— «Тебя не тренировали что ли?» — спрашиваю я.

— «Меня тренировала галактика, как и тебя, брат» — ответил, хлопнув меня по плечу, Двухсотый.

— «Это понятно. А...Жак?» — всё ещё спрашиваю я.

— «Да какой Жак? Чего ты пристал ко мне с каким-то Жаком?» — недоумевает Двухсотый.

— «Да вот, этот Жак!» — говорю я чуток на эмоциях, показывая пальцем на маленького, худенького Жака, стоящего в толпе вместе с Лотаром Стормом.

— «Вот это Жак?» — спрашивает Двухсотый.

— «Да, вот этот» — отвечаю я.

— И что?

— Он тренер.

— Он тренер?

— Не просто тренер, а наш тренер.

— Наш тренер?

— Да! И мой и твой тренер. Общий.

— Это мой тренер?

— Да! Твой тренер!

— И твой тренер!?

— Да! И мой тренер!

— Наш тренер!?

— Да!

— Общий тренер!?

— Да, блин, общий тренер!

— Тренер Жак!?

— Да!

— Наш общий, твой и мой, тренер Жак?!

— Да! Блин! Ты достал! И мой и твой наш общий тренер Жак! Ну, не только мой и твой....

— Погоди, а чей ещё!?

— Общий! Общий! Что непонятного!? Общий тренер! Тренер всех бойцов из нашей зоны!

— «Ребята, о чём так жарко спорите?» — Жак подошёл к нам сам, сразу как заметил.

— «А! Да так, ни о чём. Просто вот объясню твоему ученику Двухсотому огромную значимость твоей тренерской работы, а он пока что не в силах переварить» — отвечаю я.

— «Да, я не в силах переварить, просто эта значимость настолько огромна, что переварить и правда затруднительно» — подхватывает Двухсотый.

— «О! Ребята! Я польщён! Вы знаете, я очень горжусь Сорок Пятым! Вот, классно себя показал- мужик! На характере!» — говорит Жак.

— «Спасибо, тренер» — отвечает Сорок Пятый.

— «И знаешь что, Сорок пятый? Следующий бой будь повнимательнее, потому что...ой!» — было начал говорить «напутствующие» вещи Жак, как его оттолкнул невероятных размеров лысый «бычара» с кучей шрамов на торсе.

— «Слышь!...» — начал кричать Двухсотый вслед «гиганту», но Жак его резко прервал.

— «Не надо! Не надо! Всё хорошо, я в порядке, не стоит.» — говорит слишком нервный Жак.

— «Что значит- не надо. Ты же наш тренер?» — спрашивает Двухсотый.

— «Да» — отвечает Жак.

— Наш тренер?

— Ну...да.

— Наш общий тренер?

— Да.

— И мой, и его, и всех бойцов в нашей тюрючке общий тренер?

— Да! Ну что такое?

— «А раз ты наш тренер, то этот песчаный кабан и нас тоже оскорбил этим жестом. Слышь, ты!» — кричит уже ушедшему в другой конец зала «гиганту».

— «Ну не надо, прошу тебя, не надо!» — продолжает бояться Жак.

— «Но почему?!» — и я и Двухсотый спросили в один голос.

— «Потому что это — «Разрушитель!»» — отвечает Жак.

— «Погоди- Разрушитель, победитель всех турниров?» — спрашивает Двухсотый.

— «Да» — отвечает Жак.

— «Тот самый Разрушитель, который живёт в тюрьме Зорга лучше, чем начальник той самой тюрьмы?» — снова спрашивает Двухсотый.

— «Да, блин, он самый!» — отвечает Жак.

— «Ну, а я не знаю, кто это» — говорю я.

— «Братишка, лучше тебе и не знать. Если Разрушитель каким-то волшебным образом травмируется, вообще по какой-либо причине не сможет драться на этом турнире, то я буду вне себя от счастья» — отвечает Двухсотый.

— «Это почему ещё?» — спрашиваю я.

— «Да, потому что перед тобой- потолок любого бойца, недостижимая высота, фактически несменяемый долгое время король всего этого спорта» — говорит теперь уже немного напуганный Двухсотый и смотрит в сторону Разрушителя, глядящего на ринг холодным взглядом.

— «Слушайте, да ладно вам, прям уж такой он этот Разрушитель мега, супер, классный и непобедимый» — говорю я с сарказмом.

— «Ну, вообще- то да, прямо в точку» — говорит Жак.

— «Да ладно, сколько мы ломали таких, вот наша вылазка в тот недодворец-полусарай. Там были серьёзные ребята. Да и в пещере, когда Флора вытаскивали, тоже было жарковато.... И я имею ввиду не пустыню, а обстановку и «горячих» соперников» — возмущаюсь я.

Тут Двухсотый подходит ко мне с пока ещё напуганным взглядом, смотрит мне в глаза и кладёт одну руку на моё плечо.

— «Сто пятый, братишка, этот.... недодворец, как ты говоришь, ты один освобождал от тех дебилов?» — спрашивает Двухсотый.

— «Насколько я помню- нет» — отвечаю я.

— Вот, видишь?

— Что я должен увидеть?

И тут Двухсотый делает такое выражение лица, будто собирается с мыслями, будто думает как бы донести до меня сугубо важную мысль.

— «Сто пятый, братишка, понимаешь, ходят слухи, что Rrrr....» — Двухсотый начал заикаться от волнения.

— «Робот?» — спрашиваю я.

— Да какой на хрен робот?! Рразрушитель! В общем, ходят слухи, что он это.... в общем, он....

— Так, так, отдышись, успокойся, Двухсотый, так вдох-выдох, вдох-выдох, ха-ха.

— Дурак ты Сто пятый, если бы ты знал, всё, что знают многие про него, то не был бы таким спокойным. Тут, по ходу, все уже на взводе, кроме тебя, как увидели Rrrr....

— Я понял, понял, в общем, что за слухи там про него, не томи.

— Он один спаррингуется с несколькими. И спаррингом, если честно, это трудно назвать, скорее это избиение или недоубийство. Сначала, когда его ещё недооценивали, то спарринговались, как обычно один на один, но когда было видно, что каждый спарринг-партнёр не просто от него отлетает, а отлетает в нокаут и в больницу, то стали ставить против него двоих, но и в таком количестве против него не было ни одного шанса.... Мало того, что он всегда был сильнее, так ещё и бил их так, будто ему это нравилось, садист хренов.... Так вот, количество партнёров по спаррингу дошло до девяти, понимаешь, девяти?!

— Да успокойся ты, брат.

— Короче, и эти девять надевают защитные шлемы, с металлической защитой, блин, и руки с ногами у них все в защите, как говорится. Но вот только всё равно он всех ломает.

— Понятно.

— Ну? Теперь ты нервничаешь, как я?

Двухсотый продолжает смотреть на меня очень испуганным взглядом. Я же задумался после его слов, просто задумался.

— «А теперь, дамы и господа, тот самый момент, которого мы так давно ждали.... Вы чувствуете этот запах? Чувствуете? Это запах войны, ну или убийства, если хотите, ха-ха. О нет, нет, не подумайте, на наших турнирах никто никого не убивает, я говорю убийство в том смысле, что вряд ли можно противостоять тому, кто скоро выйдет на этот ринг, а значит.... будет что-то вроде убийства, если конечно соперник этого бойца не сдастся в самом начале, просто увидев его напротив себя, ха-ха. Поэтому мы думали по началу, что стоит сначала объявить соперника, а потом уже его», — ведущий объявляет новую пару бойцов.

— «Слушай, как же этот слащавый клоун напрягает», — говорю я Двухсотому о ведущем.

Двухсотый будто меня не слышит. Он смотрит на ведущего так, как будто ждёт от него чего-то невероятного и пугающего, например, прыжка через весь ринг в нашу сторону.

— Итак, дамы и господа, в красный угол ринга приглашается тот самый неумолимый, жестокий, не знающий поражений, но не от того, что никогда не бился, как некоторые бойцы этого турнира, а потому что его невозможно победить.... Встречайте, боец, представляющий колонию Зорга! Тяжеловес массой Сто семь килограмм! Разрушитель!!

— «Ну, Сто семь кило.... да фигня, ноль проблем — я считаю» — говорю я.

— «Ага» — реагирует с сарказмом, не сводящий испуг со своего лица, Двухсотый.

И вот, выходит он, от чьего взгляда у всех присутствующих сводит скулы, у.... почти всех, скажем так. У меня не сводит. Может из-за того, что я о Разрушителе особо не слышал, а может потому что я считаю, что бессмысленно кого — то или чего-то бояться. Не знаю даже. Ну так вот, он выходит, такой весь с горящими глазами, да, убийцы, и да, садиста, но с явной долей того, что где-то там в нём присутствует — таки страх, может, это страх проиграть, а может, страх того, что однажды он проведёт не слишком яркий поединок. Опять же не знаю. Его внешность конечно может напугать: огромная бычья шея, большие руки, мощный рельефный и при этом большой массивный торс. Глядя на него, есть впечатление будто его подзаряжают чем-то перед боем. Конечно, нет смысла надеяться на то, что некоторым бойцам тут не вкалывают адреналина перед боем. Я просто слышал о таком. Но остаётся надеяться, что раскрученный на всю галактику турнир Сторма остаётся чистым в этом смысле.

— «А теперь его соперник из синего угла, прилетевший на эту прекрасную планету из Эннира, весом 115 килограмм, также не знающий поражений, но тоже не из-за отсутствия боёв — он провёл 15 поединков и во всех одержал победу! Встречайте, Великан!» — ведущий объявляет второго бойца.

— «Великан — классное имя, не находишь? Их начальник тоже гуманист по части награждения именами, как и наш Флор», — замечаю я.

— «Ага», — всё так же еле реагирует Двухсотый.

— «Слушай, да успокойся ты уже, а!» — пытаюсь я привести Двухсотого в чувства.

— «А, да, да, нормально всё» — отвечает Двухсотый.

И тут на ринг выходит боец, который явно больше, выше и тяжелее Разрушителя. Казалось бы, уверенность, хотя бы из-за преимущества в габаритах, должна быть запредельная. Но нет. Великан явно нервничает. Запредельно нервничает. Глаза выдают всех.

— «Бойцы! На середину ринга!» — даёт команду ведущий.

Разрушитель и великан становятся друг напротив друга. Великан протягивает руку Разрушителю в знак уважения. Тот игнорирует, сменив на секунду взгляд агрессии на лёгкую усмешку над своим визави. Вот же ж козёл!

— «Бой!» — объявляется начало поединка.

Они начинают присмартиваться друг к другу. Великан стоит в напряжённой стойке, сжав кулаки. Он уже заранее, без единого по себе удара, вооружившись всем, чем только можно. Во взгляде прям будто и читается: «Только не бей меня сильно». Что до Разрушителя, то он даже руки не поднимает, ходит перед Великаном как хищник перед незащитной жертвой, и от испуга этой жертвы получающий максимум морального удовольствия. Великан решается нанести первый удар хуком справа по лицу Разрушителя. Того даже не зашатало. Он повернулся после удара и ехидно улыбнулся, будто сказав: «И это всё?». Разрушитель спокойно замахивается, будто зная, что этот его удар и так будет виден Великану. А он и вправду виден. Великан блокирует удар рукой и... тут же кричит от боли. От боли? Заблокировав удар? Разрушитель что- сломал ему руку? Далее тут же летит удар второй рукой от Разрушителя в физиономию Великана, тот не успевает заблокировать и падает в глухой нокаут. Бой окончен!

— «Ну? Теперь, что скажешь? Сто семь кило, фигня?» — говорит мне Двухсотый.

— «Что я скажу? Да ничего особенного, братишка. Проще к жизни относись» — отвечаю я с улыбкой.

Вот в этот момент у Двухсотого пропадает всё внимание к глухому нокауту от Разрушителя и уже всё внимание он переводит на меня, предварительно отсвесив свою челюсть от удивлённой реакции на мой ответ.

Проходит пара дней кровавых боёв турнира Лотара Сторма: разбитые носы, поломанные рёбра, поломанные надежды на свободу- и это самое главное разочарование. И вот снова клоунообразный ведущий объявляет начало очередного мордобоя.

— «Дамы и господа! Следующий бой особо не отличается от остальных!» — начал говорить ведущий.

— «Ага, «умеет» он бои продать. Кто его ведущим поставил?» — говорит Двухсотый.

— Встречайте, боец из синего угла! Не знающий поражений и прошедший через четыре нелёгких боя! Тяжеловес массой сто два килограмма!

— «Ого! Один в один я!» — замечает Двухсотый.

— «Боец, представляющий X-134» — продолжает объявлять ведущий.

— «Ого! Ещё и здешний? Да с тобой сидит брат-близнец, не иначе» — подкалываю я Двухсотого.

— Встречайте! Двухсотый!

— «Ну давай, брат, удачи, не посрами честь начальника Флора» — продолжаю стебаться я.

— «Издеваешься? Может мне сразу бой с тобой попросить у Сторма? После таких пожеланий будет не жалко тебе чердак сносить!» — возмущается в ответ Двухсотый.

— «Ахах! Всею своё время, братишка! Иди, дерись за всех нас!» — говорю я.

— Вот это другое дело. Мотивация- что надо! Ну-с, расступитесь, дамы и господа, выходит тот самый Двухсотыйыыый!

Двухсотый на абсолютном веселе выходит на ринг, слегка растолкав всех этих жаждущих жести зевак.

— «И в красном углу ринга-боец, поставивший рекорд — семь побед и ни одного поражения! Боец, представляющий колонию Зорга! Снова, как видите, извечное противостояние двух соседей, аха-ха!» — объявляет ведущий.

— «Аха- ха- ха, очень смешно, обхохочешься, давай уже объявляй, кто там на съедение у меня!» — решил подерзнуть в сторону ведущего Двухсотый.

В этот момент публика захотала, что явно не нравится ведущему, принявшему это на свой счёт.

— «Терпение, Двухсотый, терпение, сейчас узнаешь. Итак, боец весом сто пять килограмм! Ломатель!» — объявляет наконец ведущий.

Какой-то лысый боец подходит к Разрушителю и обнимает его по-дружески. Неужели это тот самый Ломатель, который сейчас выйдет на ринг? Да, это он, он выходит на ринг. Но вот что с моим другом Двухсотым? Он поменялся в лице, после того как увидел своего соперника на равных с Разрушителем в общении.

— «Братан! Ты как?! Всё нормально?!» — кричу я Двухсотому.

Двухсотый поворачивается ко мне с взволнованным выражением лица, натянуто улыбается и показывает большой палец, типа всё в ажуре.

— «И так...к бою!» — объявляет ведущий.

Двухсотый и Ломатель начинают ходить друг вокруг друга, вернее мой кореш Двухсотый явно нервничает и присматривается к своему визави, а тот довольно — таки спокойно себя чувствует, руки не держит наготове, колени слегка согнуты, по языку тела можно прочесть что-то вроде «а я пришёл поигратсья». Начало поединка мне напоминает бой Разрушителя. Ха! Бой Разрушителя! Я даже не вспоминаю, как зовут другого соперника потому что весь ринг будто принадлежал одному лишь Разрушителю во время этого боя. Сопернику будто суждено было выйти и лечь, просто очередная пометочка. К слову о Разрушителе, он сейчас внимательно и одновременно спокойно следит за движениями своего приятеля Ломателя, будто уверен в его победе на все сто. Надо обломать его. Двухсотый, давай, дружище, не дрейфь.

— «Ну что, Ломатель? Ломать будем или как?» — неожиданно смело говорит Двухсотый.

— «Ну если ты так настаиваешь....» — отвечает ему Ломатель.

Протеже Разрушителя наносит удар ногой с вертухи, но Двухсотый успевает отклониться назад.

— «А ты ловкий гадёныш, может покажешь чего можешь? А то скучно как — то» — говорит Ломатель.

— «После тебя, ты ж у нас Ломатель, ну вот и докажи» — отвечает Двухсотый.

— У вас? Не у вас — это точно, пронумерованных козлов.

— Оооо, да ты шовинист?

Ломатель делает вид, что наносит удар с правой руки, но сам пытается пройти в ноги, в ответ на это натывается на колено Двухсотого. После этого удара Двухсотый будто немного похрамывает, а на лице Ломателя лёгкая царапина на носу. Ломатель ехидно улыбается и снова проходит в ноги, на этот раз удачно. В партере начинается долгая возня и контроль над Двухсотым. Хорошо, что мой друган держится, не даёт себя поймать ни на удушающий приём, ни на болевой. Внимательно наблюдающий за всем этим Разрушитель постепенно сменяет маску лица на недовольство. Его братишка- то не такой уж и Ломатель, каким казался. Итак, звучит гонг.

— «Бойцы, по углам!» — объявляет ведущий, стоящий возле ринга.

— «Жак, не хочешь какой-нибудь совет Двухсотому дать, пока мы между раундами как бы...?» — обращаюсь я к «тренеру» Жаку.

— «Ну я это....» — отвечает он неразборчиво.

— «Ага, понятно» — говорю я и двигаю к отдыхающему Двухсотому со своими подсказками.

Я подхожу к рингу, там сидит на стуле весь потный Двухсотый и пьёт воду из бутылки, которую ему сразу приподнёс специальный человек.

— «Дружище, ну как ты нормально?» — спрашиваю я.

— «Ага, после этого самого.... После того, как увидел, чей он кореш, думал будет сложнее» — отвечает Двухсотый.

— «Да, и Ломатель из него никудышный, да? Ха- ха» — говорю я.

— Ну, я бы так не сказал: у меня и руки, и ноги, и шея болят от него.

— Послушай, ты изрядно измотал его в борьбе, а это, судя по всему, его козырь, раз он полез к тебе в ноги во второй раз, после твоего удара с колена к тому же, теперь попробуй вырубить его, ты сможешь, только главное- уклоняйся от его ударов, у тебя реакция молниеносная, ты сможешь. Всё давай иди!

— «Объявляется второй раунд!» — кричит ведущий.

Ломатель снова хочет пройти в ноги, но безуспешно, опять удар коленом от Двухсотого. Ломателя это явно злит. И не только его.... Разрушитель очень недовольно следит за происходящим. Ломатель в ярости наносит удар с правой руки и промахивается, с левой руки сразу же, и тот же результат, замахивается с ноги, но Двухсотый блокирует этот удар одной рукой, а другой сам наносит удар прям в рыло Ломателя. Теперь Ломателю можно дать кличку Ломанный. Ломанный Ломатель хватается за свой сломанный нос и с криком отчаяния летит на моего друга, как простой колхозник, за что получает с вертухи.

— «Нокаут!» — кричит ведущий.

— «Братан, красавчик!» — кричу я.

— «Как два пальца!» — кричит в ответ Двухсотый и показывает большой палец- типа всё в ажуре.

— «Ну что, брат, как ощущения от победы над корешом этого, как его... Разрыхрителя?» — спрашиваю я у Двухсотого.

— «Разрушителя!» — отвечает слегка запыханный Двухсотый.

— Да какая разница?

— Ага, знаешь, разница есть, посмотри, как он на меня смотрит.

Я смотрю в сторону Разрушителя через канаты ринга и вижу, что он смотрит на нас очень злобно. Я это замечаю, но друга хочу приободрить.

— «Да ладно, это он просто типа... в туалет хочет» — говорю я с юмором.

— «В туалет?» — спрашивает Двухсотый.

— Ну да, прикинь, он теперь, наверное, чуть не уписался от страха, глядя как ты его друга размазывал.

— Ха-ха, умеешь ты подбодрить, у других из здешних урок не хватило бы фантазии на подобные слова.

— Ну что сказать, брат, мы те ещё бандиты.

— Те ещё бандиты.

На ринг снова выходит ведущий.

— «А теперь, снова поприветствуем новую кровь! Однако, лишь с одной стороны! Другой боец — заслуженный ветеран этого спорта! Имеющий поражения- да, но на фоне сорока побед! Сорок побед и пять поражений! Встречайте, в красном углу ринга! Ещё один боец, представляющий Зорг! Вес — сто девять килограмм! Истребитель!» — объявляет ведущий.

К рингу движется мускулистый крепыш ростом метр девяносто примерно с двумя механическими руками серебристого цвета.

— «Блин! Да это нечестно! У чувака стальные руки!» — кричит вечный бунтарь Двухсотый.

Ведущий явно услышал это замечание моего друга, но проигнорировал. Видимо уже относится к Двухсотому, как к местному «тюремному сумасшедшему». А Истребитель тем временем проходит мимо Разрушителя и пытается как-то ли руку ему пожать, то ли ещё что, но это в итоге не важно, потому что Разрушитель даёт ему смачного подзатыльника и толкает вперёд, попутно сказав что-то ему вслед. Наверное, это было что-то вроде «Только попробуй меня подвести» или «Только попробуй опозориться».

— «А теперь- неизвестный боец из синего угла. Чувствую, ему явно не повезёт, ведь ему предстоит справляться с ветераном тюремных боёв! Итак, встречайте! Не знающий поражений, опять же по причине отсутствия опыта, представляющий X-134, боец весом сто пять килограмм и, по иронии судьбы, носящий аналогичное имя, Сто пятый!» — ведущий объявляет мой выход.

— «Ого, ну давай, покажи, чего могёшь» — говорит Двухсотый.

Я выхожу, иду через толпу, скандирующую имя моего соперника. Светит яркий свет- свет прожекторов. Во мне ни капли волнения. Я ни разу не дрался на ринге, но это легче чем сражаться со львом, ха-ха.

— «Итак, бойцы, на середину ринга!» — командует ведущий.

Я подхожу к этому Истребителю, а он ко мне. Я смотрю в его глаза, полные

уверенности, что я чего-то боюсь. И чего же я боюсь? Ага. Его смертоносных механических рук. Поэтому я смотрю ещё и на них. Ну, ничего особенного. А теперь я снова смотрю ему в глаза. Ну что, видишь, что я не боюсь твоего «мега-супер-пупер-оружия»? Видишь...поэтому у тебя пропала уверенность только что?

— «К бою!» — объявляет ведущий.

Я протягиваю руку в знак приветствия Истребителю. Тут мало кто кого приветствует перед боем, как я заметил. Но я решил всё-таки поприветствовать. Истребитель решает этим воспользоваться, чтобы доказать мне, что его механические две хрени-суть неоспоримая жесть, и пытается сразу нанести подлый боковой удар правой рукой мне в лицо. Я ставлю блок рукой и ни капли не испытываю боли, какого то «вау» от его механической руки. Его это расстраивает, возможно доводит до истерики. Хотя, почему возможно? Реально доводит. Он наносит тут же удар другой механической рукой, мол, мало ли, вдруг хотя бы эта удивит? Но нет. Он даже попадает мне в лицо. От удара меня даже не пошатнуло, а просто «отвернуло» моё лицо. А когда я его повернул, то улыбнулся своему визави. У того уже гнев от отсутствия у меня страха сменился на тревогу. Я наношу ему удар свободной рукой в живот. Он аж сторбился. Затем я хватаю его за голову и бью по ней с колена. Всё, бой окончен.

Я скромно принимаю победу, публика же явно не скупится на культ моей личности: «Сто пятый! Сто пятый!».

— «Да ты новый герой, братиш!» — кричит мне Двухсотый снизу ринга.

— «Эй, Сто пятый!» — окликает кто то меня.

Я поворачиваю голову и вижу Флора. Он смотрит на меня и показывает большой палец. Не каждый день услышишь похвалу от начальника тюрьмы. «Тренер» Жак просто стоит в шоке, видимо, я только что «снял с него розовые очки» в плане непобедимости всяких там рейтинговых опытных бойцов, все наши парни радуются от души моей победе, все те, кто были в пустыне на задании. Но тут я останавливаю взгляд на Разрушителе, он- то точно не рад моей победе, смотрит на меня так, будто знает давно, и знает не с лучшей стороны. Да и хрен с ним! Надо слезать вниз с ринга.

— «Ну ты, брат, даёшь!» — говорит мне Двухсотый и обнимает по-братски.

— «Вот видишь! А что я сделаю с тобой, если встретимся, аха?» — подкалываю я его.

— Ага, сделаешь, со своим кишечником, когда я по печени тебе вмажу, придётся мне менять кликуху на этого, который тут выступал, на проктолога.

— На Мастера диареи!

— Какая разница?

— «Объявляется перерыв!» — кричит ведущий.

— «О! Мне как раз отлить надо!» — говорит Двухсотый.

Мы пошли до туалета. Двухсотый вошёл в кабинку, сделал свои дела. Я же стою жду его у выхода. Периодически на меня обращают внимание зеваки, подходят и просят сфоткаться со мной на фото-плазмер, видимо, на память, и, видимо, из-за моего супер-боя, вероятно этот супер-бой стал резко популярным, а значит-это я стал резко популярным, а значит...ой, тьфу, размечтался.

— «Мммм, а ты интересный экземпляр» — произносит нежный женский голос.

Я смотрю на неё и вижу обворожительную девушку в чёрном платье, у неё длинные чёрные волосы, большие зелёные глаза и пухлые губы. Она очень стройная, но она-типа бизнес-леди, это сразу видно, такая схавает конкурента целиком и не подавится.

— «Я представляю колонию Банара, меня зовут Энн» — представляется она.

— «Очень приятно, Энн. Но я не думаю, что нам стоит общаться сейчас» — говорю я.

— «Обалдеть. Впервые мужчина меня отшивает. Да ещё на первых секундах знакомства. Обычно это делаю я» — говорит она, ехидно улыбаясь.

— «Энн, это хоть мой дебют в боях, но всё же я знаю, как нас «голодных» зэков, участвующих в боях, обычно нейтрализуют конкуренты прямо во время турнира» — с улыбкой говорю я.

— И как же? Просвети меня.

— Ох-ох. Делаешь вид, что не понимаешь, о чём я. Ну ладно, уже опытные разбогатевшие конкурентны-бойцы подсылают девушек, красивых, уверенных в себе, с подвешенным языком, чтобы те их соблазнили, переспали с ними, тем самым лишив так необходимой им энергии. А бойцы — сидельцы после этого будут думать только о том, мол, как бы повторить. Уже нет мыслей ни о предстоящем бое, ни о мотивации.

— Ага, да ты ещё и умный, мне это нравится, и я не прочь бы тебя соблазнить поэтому,

но нет, я хочу предложить сотрудничество.

— Сотрудничество?

— Да. Как ты думаешь: длинноволосый воин, начальник твоей тюрьмы, как его там, Флор, даст тебе то, что ты хочешь в случае твоей победы на турнире?

— Я надеюсь на его честность.

— Честность? Ха-ха. Только потому, что он тебя похвалил после боя? Не будь наивным.

Энн проводит своим пальчиком с длинным ноготком по моему прессу. Знает приёмчики эти, зараза.

— «Я могу дать тебе сто процентов то, что ты хочешь. Любое условие, только выиграй от имени нашей колонии» — говорит она.

— Ну, во-первых, я не брошу товарищей, а, во-вторых, ты- хищница, явная хищница, с чего бы мне тебе доверять, ты съешь меня с потрохами, как только я закончу дело.

— Ты можешь мне не верить на слово, просто поспрашивай о том, как относится колония Банара к своим заключённым или про Великого короля, слышал про такого?

— Нет.

— Это победитель лишь одного турнира ещё в эпоху до того, как чемпионом стал Разрушитель. Просто поспрашивай тут у всяких урок о том, где он сейчас, всего лишь благодаря одному выигранному турниру однажды. Позже дашь ответ, только не затягивай, малыш. Поспрашивай, красавчик, у вас у зэков же так узнают о правдивости информации.

Энн подмигивает мне и идёт сногшибательной походкой от бедра вглубь зала.

— «Ой, ну ни хрена себе, что это за краля?» — спрашивает вышедший из туалета Двухсотый.

— «Это, это Энн» — отвечаю я.

— Энн? Пого....стой, ты с ней познакомился?

— Да

— Ииии?

— Ничего.

— Ничего? Как это ничего? Ну если у тебя ничего, то у меня с ней будет ОГОГО! Энн Энн!

— Да тихо ты, не надо её звать.

— Почему это?

— Поверь это не та краля, с которой нужно делать ОГОГО! Совсем не та, друг.

— «А какая эта краля?» — недоумевает Двухсотый по поводу Энн.

— «Та, которая может обгадить твою жизнь» — говорю я ему.

— Ага, а так наша жизнь здесь блестит и пестрит яркими красками и пахнет утренней росой, как на некоторых планетах.

— Ну, эмммм.....

— То- то и оно мой друг, то- то и оно. Пойду- ка я искать малышку Энн.

— Да подожди ты, Двухсотый! Она мне кое — что предложила.

— И ты отказался??

— Нуу....да.

— Над тобой, что Флор незаконные эксперименты по стерилизации проводил, или как оно там называется?

— Да не от того я отказался! Она предложила выступ за колонию Банара, а я отказался.

— Хмммм, ну ты и идиот.

— В смысле? Мне надо было предать тебя, предать остальных парней?

— Да нет, просто ты мог её это, ну обвести вокруг пальца.

— Это как?

— Ну, поставить условие сделать совместное «ОГОГО» а потом, когда она попросит тебя зарегистрироваться в качестве их собственности, то типа «ОЙ», ну типа «Энн, ты пойми, я не такой, я думал у нас по любви, а ты такая жестокая- всё ради выгоды, уйди, я не хочу тебя видеть».

— Ахаха, заткнись.

— В общем ты идиот.

— А ты фантазёр.

— Как скажешь....идиот.

— Кхе, кхе, о! Ведущий выходит объявлять новый мордобой!

— «Дамы и господа! Пришло время объявить следующий поединок! Выходит боец, не нуждающийся в представлении, однако его персону подразумевает под собой словесное раскрытие её величия! Невероятный, непобедимый, устрашающий и сам, при этом, бесстрашный, представляющий Зорг! Разрушитель!» — объявляет ведущий.

— «О! Великий представитель соседней колонии, получающей сегодня звездюлей в тылу у врага!» — стебусь я.

— «Ага! Только вот он может дать звездюлей за всю свою колонию абсолютно один» — говорит Двухсотый.

— «А теперь его соперник! Он уже выступал сегодня и показал хороший бой, так сказать, проявил себя против товарища великого Разрушителя! Встречайте: местный боец, представляющий X — 134! Двухсотый!» — объявляет ведущий.

У моего друга резко выступил пот на лбу. Он будто хочет, как ученик планетарной гимназии, не выучивший предмет, просто не выйти перед классом, сказать, что не готов, забыл выучить, и так далее, получить плохую отметку и успокоиться, но тут такое не прокнает, здесь цена не низкая оценка, а намного выше, если не будешь готов.

— «Успокойся, брат, главное успокойся, останься в этом спокойствии и иди» — говорю я Двухсотому.

— «Я спокоен, я спокоен, я мега-супер-я спокоен, блин! Сто пятый, братан, мне страшно», — говорит взволнованный Двухсотый.

— «Непобедимых не бывает, брат. Вот сейчас вбей себе это в голову и иди!» — говорю я Двухсотому и толкаю его в сторону ринга.

Разрушитель уже стоит на ринге, смотрит, ухмыляясь на Двухсотого, как на лёгкую добычу. Мой братан Двухсотый выходит на ринг, как на убой. Давай же сосредоточься, не всё так печально, как кажется, и не всё так ужасно, как рисуют другие.

— «Бойцы! На середину ринга!» — командует ведущий.

Разрушитель и Двухсотый подходят друг к другу. Мой друг, к сожалению, уже заранее смотрит, как проигравший. Слишком много лучей бойцовской славы лилось на Разрушителя, слишком долго это продолжалось. Так и будет до тех пор, пока он не встретится с тем, кто никогда не придавал большого значения его персоне или просто не знал о нём.

— «К бою!» — командует ведущий и уходит с ринга.

И вот начинается снова.... Этот Разрушитель ходит вальяжной походкой вокруг Двухсотого, а что же мой друган? Он стоит в бойцовской стойке, подняв руки, еле сдерживая свою трясучку от страха перед этим непобедимым козлом. Разрушитель ещё иногда делает пугающие жесты типа «Бу!» в сторону Двухсотого. Для меня это конечно смешно, но вот Двухсотому явно не до смеха. Он вздрагивает от каждого такого «Бу!». Нервная трясучка уже не сдерживается, она видна во всю. Толпа начинает скандировать: «Разрушитель! Разрушитель!».

— «Ты слышишь? Они хотят увидеть меня в деле снова, аха ха. Так что ты извини, я нанесу первый удар» — говорит Разрушитель Двухсотому.

Ну всё- Двухсотый задрожал ещё больше обычного. Разрушитель наносит удар ногой с разворота, однако....Двухсотый пригибается.

— «Аааа- ха- ха, молодец» — хвалит Разрушитель Двухсотого.

Разрушитель замахивается правой рукой, будто хочет, чтобы Двухсотый видел этот удар. Ну, конечно, он же его не уважает, как соперника. Двухсотый уворачивается от этого удара и попутно бьёт Разрушителя в пресс со всей дури. Разрушитель, слегка пошатнувшись и немного стиснув зубы, отходит назад. Публика в шоке. Это что в первый раз ему больно? Но теперь он не будет играть с Двухсотым. Разрушитель наносит ещё удар с правой руки, почти такой же, Двухсотый снова уворачивается, наносит удар в торец, но тут же получает коленом в голову. Моего друга сильно зашатало. Разрушитель берёт одной рукой Двухсотого за голову, а другой наносит нокаутирующий удар по носу. Двухсотый в нокауте.

— «Двухсотый, братишка, как ты?!» — кричу я в сторону ринга.

Мой друг, ставший лучшим другом, наверное, на данный момент, лежит без сознания. Я не нахожу себе места. Я сбиваю толпу зевак и выбегаю на ринг. Тут же к Двухсотому на ринг залезают какие-то люди, наверное, врачи. Они проверяют его пульс и пытаются привести в чувство.

— «Криокамеру! Быстро!» — вдруг кричит один из врачей.

— «Послушайте! Он как? Нормально?» — спрашиваю я у них.

— «А ты- вон с ринга! Уйди!» — кричат они мне.

— «Слышь, ты!» — кричу я в сторону Разрушителя.

— «Это ты мне?» — спрашивает он.

— «Да, ты, лысый козлина!» — отвечаю я.

Разрушитель сильно нахмурился. В зале лютый восторг. Конечно! Ведь это, своего рода, раскрутка поединка. Только вот я ничего не раскручиваю, я хочу порвать его, разгромно порвать, чтобы он это запомнил!

— «Ты хочешь лежать так же, как он?!» — гневно спрашивает у меня Разрушитель.

— «Нет, лысик разрыхритель, я собираюсь проломить твою бесполезную башку!» — кричу я в ответ.

— «Аааа!» — взбешённый Разрушитель летит на меня, что есть дури.

Я используя все свои способности, подпрыгиваю вверх, как только Разрушитель оказывается достаточно близко, делаю сальто вперёд и, ещё оставаясь в воздухе, наношу не очень уважительный удар пяткой в лысый затылок обидчику моего друга. В зале некоторые засмеялись. Разрушитель приземляется на колени, сильно пошатнувшись. Его взор резко обращается в сторону публики, он сразу замечает эти редкие смешки в его сторону, и ему от этого больно, даже страшновато. Заметив это, он резко вскакивает, разворачивается в мою сторону, смотрит на меня просто суперненавидящим взглядом, снова орёт и бежит на меня, но охрана, выбежавшая на ринг, кое-как его останавливает.

— «Сторм! Слышишь! Мне нужен он! Сделай так, чтобы он дошёл до финального боя с тобой! Ты слышишь?! Сторм!» — орёт Разрушитель в состоянии невероятного аффекта.

Ну а я, унизив этого гада хотя бы чуть-чуть, хотя для него это явно не «чуть-чуть», пытаюсь пройти к Двухсотому, пока идёт суета на ринге.

— «Братишка, как ты?» — спрашиваю я, подойдя к нему.

— «Не ссы», — открыв глаза, еле говорит Двухсотый, слегка при этом улыбаясь.

— «Ах-ах! Ну ты и козёл. Заставил меня понервничать!» — говорю я ему.

— «Так! Отойди! Нам в криокамеру его надо!» — отпихивают меня врачи.

Двухсотого берут за ноги и за руки, выносят с ринга и кладут в специально открывшуюся крио-камеру.

Я стою возле входа в наш лазарет. Пытаюсь попасть к Двухсотому, и не только я...вся команда наших парней хочет увидеть его.

— «Слышь, ну пропусти а, ну пока перерыв, а то вдруг мне биться следующему» — говорю я охраннику у дверей.

— «Вот именно, иди готовься, а то вдруг ты улетишь, как твой приятель» — дерзко отвечает он, попутно «сыпанув соль на рану».

— «Чего ты там вякнула, а?!» — говорю я эмоционально, толкнув слегка охранника в грудь.

— «Тихо, тихо, мальчики, не ссорьтесь. Слушай, пропусти хотя бы его одного» — вдруг нарисовалась красотка Энн.

— «Послушайте, я выполняю только приказы начальника Флора» — отвечает ей охранник.

— «Флора? Хммм. А ты в курсе- насколько важным является этот турнир для Флора? И ты в курсе- насколько важными для самого турнира являются вот эти сильные мальчики? Особенно этот красавчик с длинными волосами» — говорит Энн, подмигивая в мою сторону.

— «Аааа, эммм» — всё что может выдать из себя охранник в ответ.

— А ещё ты в курсе, что если боец не выйдет на ринг в тот момент, когда его объявят, то произойдёт срочная замена на другого бойца? Нет? И то, что такая ненадёжность может сказаться на репутации самого турнира, ты тоже не в курсе? А ещё то, что эти сильные мальчики, опять же, важные для турнира не уйдут отсюда, пока не узнают о состоянии своего друга, ты тоже видимо не в курсе?

— А, ну...это.

— «Вы ведь не уйдёте отсюда, ребята, я правильно говорю?» — спрашивает у нас у всех Энн.

— «Да, да правильно!» — отвечаем мы все хором, попутно охренев от неожиданного заступничества Энн, ну и заодно от её соблазнительного бюста.

— «Так вот, дорогой мой преставитель низшего сословия, проведём с тобой логическую цепь....это бойцы турнира, которые очень важны для него и которые должны выйти на следующие бои, которые начнутся после окончания перерыва, они никуда не уйдут отсюда от этой двери, даже если придётся из-за этого пропустить свой же поединок. Но если они это сделают, то есть пропустят каждый свой поединок, то это не понравится зрителям, не понравится главе турнира Сторму и твоему начальнику Флору, потому что будет подорвана ещё и его репутация, так как эти сильные мальчики, опять же, очень важные для турнира, являются обитателями его прекрасной тюрьмы. А теперь скажи мне, почему эти мальчики здесь стоят?

— Ну, потому что....

— Почемууу? «Рожай» мысль быстрее, мой хороший.

— Потому что хотят навестить друга.

— Молодец. А кто им не даёт навестить друга?

— Эээ, я.

— Так значит- кто будет виноват, в случае неяви этих красивых мальчиков, опять же,

очень важных для турнира, на свои бои?

— Я! Я! Я буду виноват! Понял я всё. Может пройти один, он выйдет и скажет остальным о состоянии их товарища.

— «Ээээ, так не честно, должны все пройти!» — возмущались все парни, кроме меня.

— «Да ладно, парни, давайте я пройду, не тратьте время, не стойте тут, я скажу потом, как он там» — встречаю я.

— «Ну ладно, Сто пятый, брат, ты уж там скажи ему слова утешения, чтоб не унывал» — сказал один из парней.

— «Уныние и Двухсотый — вещи несовместимые. Хотя ворчливость- это его второе я» — отвечаю я парням.

— «Ахах, точно, брат, ну мы пошли» — говорят ребята.

— «Спасибо, Энн» — говорю я моей неожиданной заступнице, посмотрев в её большие зелёные глаза.

— «Не за что, красавчик, будешь должен» — сказала Энн, игриво подмигнув.

Передо мной открывается автоматическая дверь в лазарет, а я смотрю вслед уходящей в толпу Энн, блин, какая же она красивая зараза.

— «Ну ты будешь заходить или как?» — охранник резко отрывает меня от романтических мыслей.

— «А, да, да, захожу» — отвечаю я.

Я ловлю первого попавшегося санитаря.

— «Где лежит Двухсотый, не подскажете?» — спрашиваю я.

— «Какой ещё Двухсотый?» — недоумевает санитар.

— «Тот, который последний бой проводил» — уточняю я.

— А тот самый, который от Разрушителя...ахах...проводил, не проводил, а отлетел, пролетел можно сказать, а я так не хило взлетел, наоборот на ставках, благодаря его отлёту аха-ха.

Я резко прижимаю «азартного шутника» к стене и зажимаю ладонью его болтливый рот за его «болтливые шуточки», разумеется.

— «Послушай, я сейчас уберу руку от твоего рта и ты мне просто скажешь- где лежит Двухсотый. А теперь кивни головой, если понял» — говорю я.

Напуганный санитар кивает головой.

— «Вот и славно. Я убираю руку. Итак, начнём сначала. Где лежит Двухсотый?» — спрашиваю я.

— В Двухсотой палате. Аха, прикольное совпадение, да?

— А ведь знаешь, я могу избавить тебя от постоянной нужды говорить.

— Н-не надо.

— Тогда говори в меру.

— Х-хорошо.

Пройдя чутка по коридору, я вижу металлическую дверь с надписью «Двести». Я захожу в палату. Двухсотый лежит в открытой крио-камере. В принципе, выглядит ничего так. Всего лишь нос сломан.

— «Эй, братишка» — обращаюсь я к Двухсотому.

— «Дружище...я проиграл» — почти со слезами на глазах отвечает он мне.

— Эй, ты чего? Ты проиграл, но с тобой всё в порядке, ты ж бился с самим этим, как его, Разрыхрителем.

— Разрушителем!

— Да, да! Разрушителем, вечно забываю кликуху этого козла.

— Неужели ты ничего не боишься, Сто пятый? Ты не помнишь имя самого жёсткого, самого сильного ублюдка на этом турнире. Все прямо под него готовились, считай. И не только в нашей колонии, а везде.

— Хммм, знаешь, браток, а ведь тебе тоже не стоило его бояться.

— В смысле? Почему?

— Как я и сказал, с тобой всё в порядке. Ты жив. А если верить всем рассказам про этого Разрыхро-Разрушителя, так там вообще можно умереть от одного удара. Но ведь с тобой всё в порядке.

В этот момент Двухсотый начал смотреть на меня очень внимательно и задумчиво, будто мои слова уже дают «пищу для размышлений».

— «Ты пойми: ты выходил заранее напряжённым, скованным, ты его боялся с самого начала, а он тебя- нет. Поэтому он и выиграл. Не потому что он сильнее, нет, а потому что он смелее и наглее», — говорю дальше я.

— «Ага, ты меня прям сейчас успокоил. Проиграть Разрушителю непобедимому не

обидно, знаешь ли, а проиграть Разрушителю, в котором нет ничего особенного, просто он типа наглый, самоуверенный хрен, это уже обидно» — говорит Двухсотый.

— «Тебе не угодишь. Я хочу сказать, что я покажу тебе пример», — говорю я.

— «Какой пример?» — спрашивает Двухсотый.

— «Как не бояться того, кто убедил всех, что его стоит бояться», — отвечаю я.

— «Погоди. Нет, нет, нет, не надо с ним драться», — начинает уговаривать меня Двухсотый.

— Почему это не надо?

— Потому что на меня посмотри! Я живое доказательство того, что не стоит с ним биться!

— Живое! Ключевое слово — живое! Ты жив, брат! Насколько я знаю, у тебя сломан всего лишь нос. Для нас, для бойцов, для таких, как мы, это царапина.

— Я не о своём физическом состоянии тебе говорю, дурень, а о том, что я только вот запорол свою свободу! Понимаешь? Свободу! И я не хочу, чтоб ты её запорол. Притворись, что сломал ногу или типа того. Ты уже становишься любимцем публики. Тебе простят, а там глядишь...ну, кто-нибудь да вырубит этого Разрыхлителя.

— Разрушителя.

— А я как сказал?

Эта шутливая перемена резко заставляет нас с Двухсотым улыбнуться.

— В общем, притворяться я не буду. Я выйду и надеру ему зад, а затем ты выйдешь из этой помойки, ты и другие наши парни.

— Ага, и как же интересно? По истечению срока заключения? Ну да.

— Нет. Намного раньше. Увидишь.

Проходит время, проходят дни, я выступаю на ринге, ломаю носы, ломаю ребра, я никогда не был столь агрессивен, надо сбавить обороты. Я ведь всё равно побеждаю. А Разрушитель всё смотрит из зала, и смотрит, смотрит на мои победы. Я знаю ты боишься, козлина. Не сильно пока что, но боишься, я это чувствую. Ты прошёл через много боёв, я это говорю не по возносящим тебя слухам, я просто это вижу. Твои отточенные движения, твои приёмы, дошедшие до отсебяческого театрального представления как, например, с этим парнем, с которым ты сейчас «дерёшься», а точнее- которого ты вышел просто вырубить на раз. Вот он стоит в стойке, пытающийся показать тебе, что он готов ко всему, но каждый раз эти парни не могут понять, что нельзя быть готовым к импровизации, а я могу, ха-ха, я могу, и ты это почувствуешь. Тогда твой лёгкий мандраж превратится в панику, Разрыхритель, ой, прости, Разрушитель. Ну так вот, этот парень с планеты Богачо весь такой прям супер техничный, а ты ну как всегда ходишь такой вальяжный весь из себя, типа спокойный. А он со своим мандражом и показывает будто, мол, «вот, вот, я сейчас попытаюсь нанести удар справа, а ты, о, великий, возьми заблокируй его и отправь в нокаут меня по-быстрому, только очень по-быстрому и не больно, хорошо?». Вот он и наносит этот удар справа, который ты, понятное дело, останавливаешь и, понятное дело, наносишь удар своей правой рукой, которую твой визави даже блокировать, видимо, боится. Наш гость и Богачо падает. Но я не упаду, Разрушитель, я не упаду, и тебя это очень напугает.

Я спускаюсь с ринга после очередной победы. Как-то легко всё даётся. Я бы даже сказал слишком легко. И тут стоит в толпе она, плутовка из бойцовского бизнеса, я конкретно не знаю, чем она занимается, но это самая настоящая бизнес-леди, хищница Энн. Я подхожу к ней, чтобы поговорить.

— «Поздравляю с победой» — говорит она.

— «Спасибо и спасибо ещё раз, что помогла с охранником в лазарет» — говорю я.

— «Я бы предпочла другое спасибо» — хитро улыбаясь, говорит Энн.

— Что? Ах, точно. Всё было ради того, чтобы я выступил за вашу грёбаную тюрячку.

— А ты как думал?

— Я думал у нас взаимопонимание.

— Оно у нас будет, милый, ровно через пару минут, может раньше. Только дай мне сказать.

— Говори, конечно.

— Ты ведь помнишь, как я сказала, что колония Банара выполнит любое твоё условие в случае победы?...от имени колонии Банара, разумеется.

— Конечно, Энн, я это помню.

— Ну так вот, ты видел, как благодаря мне, ты попал к своему другу в лазарет? Там сработало не только моё искусство убеждать охранников на дверях, но и сила колонии Банара. Мы имеем большой авторитет в этой галактике. Другой человек, если бы подошёл к этому охраннику, вряд ли имел бы успех в этих «переговорах», просто потому что не представлял бы Банару.

— Что ж это за потаённое лидерство такое?

— Дослушай меня, дорогой. Мы можем сделать так, что исполнится не только твоё желание в случае победы за нас, но и желание твоих здешних друзей, твоего лежащего в лазарете друга, а я вижу, что он тебе, как брат.

— Это что-то вообще нереальное.

— Нереальное? Ха, смотри....

Энн идёт в сторону ринга к первому ряду сидящих зрителей, где сидит и наблюдает затурниром начальник Флор. В это время ведущий выходит на ринг объявлять очередную пару бойцов.

— «Итак, дамы и господа! Пришло время объявить новую пару смельчаков! Приветствуйте- в красном углу ринга боец с двумя поражениями на прошлых турнирах, тем не менее, ему чуть-чуть не хватило до чемпионского боя! Об этом говорит его послужной список из сорока побед! Встречайте, весом девяносто килограмм, боец, представляющий Араир! Великий Франк!» — объявляет ведущий.

Издали видно, как расступается толпа. Видимо, выходит этот Великий Франк. Энн, подошедшая к Флору, что — то шепчет ему на ухо. Флор, молча, кивает. Потом делает жест щелчка пальцами в сторону ведущего на ринг, как бы приглашая на разговор. Что-то странное. Флор встаёт, подходит вплотную к рингу, а ведущий, подойдя к канатам, к Флору, наклоняется к нему. Наш «мега-крутой» начальник что-то шепчет ведущему, тот кивает. Очевидно, высказав всю информацию ведущему, Флор усаживается обратно на место. Энн идёт обратно ко мне.

— «Ну и что это было?» — спрашиваю я у Энн.

— «Сейчас увидишь» — отвечает она.

Ведущий подходит к центру ринга и начинает снова говорить.

— «Дамы и господа! Вышла лёгкая неурядица. Великий Франк подрался с охраной, были нанесены тяжёлые увечья с его стороны, а потому он отстранён от этого боя и будет направлен в карцер. Охрана проводите в карцер Великого Франка!» — объявляет ведущий.

— «Что? Я не понял! Какого хрена!» — кричит почти дошедший до ринга Великий Франк из зала.

Трое охранников подходят к нему, берут под руки и уводят.

— «Вот видишь? Делай выводы. Только быстрее» — говорит Энн, подмигивая.

Моя челюсть от удивления распрощалась с верхней частью головы. Блин, а ведь Энн только, только начала мне нравиться.

Проходит ещё время, я так же ломаю носы, челюсти, иногда уши, но мне всё равно далеко до Разрушителя, ломающего вообще всё, видимо, он получает от этого удовольствие, у меня же перед глазами просто стоит цель, когда я кому-то что — то ломаю на этом ринге. Но факт есть факт, мы ломаем части тела, и делаем это оба, приближаясь друг к другу. Лишь один финал у всего этого — наша встреча. Вот он ломает очередного «несчастливого» броском назад, показав тем самым, что в борьбе он неплох.

— «Ты мой!» — кричит Разрушитель с ринга в мою сторону и показывает жест большим пальцем поперёк горла.

Я никак на это не реагирую. Я всё знаю, всё понимаю, я задел его самолюбие. А теперь заставлю усомниться в своей несокрушимости. В отсутствии у себя хоть какой то конкуренции я уже заставил его усомниться, осталось ему усомниться в остальном.

(воспоминания)

— «Сынок, у нас сегодня по плану...» — Отец застыл, видимо, в ожидании моей реакции.

— «Что, Папа, скажи, скажи?» — нетерпеливо спрашиваю я, стремясь побыстрее в очередной раз проявить себя.

— «Нам надо спасти прайд мега-львов» — говорит Папа.

— «От кого?» — спрашиваю я.

— «От Армаха» — отвечает Отец.

— «А кто это?» — спрашиваю я.

Мама на кухне готовит нам завтрак и всё слышит.

— «Дорогой, может не надо? Ему пока рано это, да и тебе, по большому счёту, не надо этим заниматься» — говорит Мама, выйдя к нам с кухни.

— «А кто, если не я? Кто, если не мы?» — говорит Папа.

— «Кто такой Армах?» — задаю я вопрос.

Мама с Папой, которые явно знают о чём речь, будто и не слышат моего вопроса, погрузившись в дискуссию.

— «Но ведь даже мега-львы не могут ничего сделать» — говорит Мама.

— «Потому их вожак и обратился ко мне за помощью» — говорит Отец.

— «Кто такой Армах?» — повторяю я свой вопрос.

— «Оран обратился к тебе за помощью? Почему именно к тебе?» — спрашивает Мама у Отца.

— «Потому что я единственный из всех ближайших асов, кто понимает язык мега-львов» — говорит Папа.

— «Ты понимаешь язык мега-львов? Кто такой Армах?» — продолжаю я спрашивать.

— «Но, послушай, Армах опасен и безумен» — говорит Мама.

— «Теперь он ещё безумнее» — говорит Отец.

— «Кто такой Армах?» — спрашиваю я.

— «Что он сделал на этот раз?» — спрашивает Мама.

— «Подрал гриву своего же сородича, его выгнали теперь уже «официально» из прайда, и теперь он угрожает «вернуться» в прайд, но не для возвращения, а... ну ты понимаешь» — говорит Отец.

— «Кто такой Армах?!» — спрашиваю я чуть более эмоционально.

— «Тем более это опасно, по крайней мере, не бери с собой Васудеву» — говорит

Мама.

— «Он...просто посмотрит» — говорит Папа.

— «Мам! Пап!» — уже кричу я.

Мама и Папа наконец- то обратили на меня внимание.

— «Кто такой Армах?» — повторяю я вопрос.

— «Увидишь, сын» — сказал Отец, хитро улыбнувшись.

(конец воспоминаний)

— «Дамы и господа! Приближается тот самый час, когда произойдёт главное событие всего турнира великого Лотара Сторма! Мы видели разных бойцов, готовых на всё ради победы! Видели тех, кто сражался до последнего и тех, кто сдался очень быстро на милость своим визави! Но в итоге должен остаться только чемпион! Таковы правила! И для этого нужны лишь двое! И у нас есть два таких воина! Смелый претендент из этой колонии! Из Х-134! Сто пятый! Ну и конечно же великий и ужасный действующий чемпион всех весовых категорий турнира Лотара Сторма- Разрушитель!» — громко говорит ведущий.

Всё изменилось. Теперь зрители скандируют от радости и мой «цифровое имя» тоже, не только Разрушителя. Ему от этого не по себе. Я как чувствую это.

— «Итак, дамы и господа! По традиции к такому поединку необходимо подготовиться! В первую очередь это касается наших бойцов! А вы...готовьте ваши ставки!! Не скупитесь, дамы и господа! Такое событие не терпит жадности!» — заканчивает свою речь ведущий.

Ну что ж, вот он час, уже завтра есть шанс, уже завтра есть надежда. Разумеется- Энн меня найдёт уже сегодня для очень серьёзного разговора. Ах, вот и она.

— «Приветики, серьёзный парень» — говорит подошедшая ко мне Энн.

— «Привет, мастерица фокусов» — говорю я в ответ.

— «Мда, в комплиментах ты не силён, в отличие от боёв» — говорит Энн.

— «Зато ты сильна во всём. Это меня и пугает» — говорю я.

— «Тебя что- то пугает? Не может быть» — говорит Энн.

— «В данном случае не что, а кто» — говорю я.

— «Ну «кто» — это я, это понятно, а что напугало во мне?» — спрашивает Энн.

— «Твои фокусы. Я же сказал, что ты мастерица фокусов» — отвечаю я.

— «Каких фокусов?» — спрашивает Энн.

— «Фокусов с ведущим, Флором и тем парнем, как его, Великим...» — говорю я.

— «Великим Франком» — уточняет Энн.

— «Да, Великим Франком. Вдруг ты меня также в карцер отправишь» — говорю я.

— «Ах-ах, милый, не претворяйся, что ты не понял, для чего я это продемонстрировала» — смеюсь, говорит Энн.

— «Я понял, что ты из очень крутой сильной организации, которая обожает всё и всех тайно контролировать. И ещё я заметил то, что ты любишь периодически выводить этот контроль в свет из тени, чтобы другие понимали, где их место на самом деле» — говорю я.

— «Хмм, если ты такой умный, то и комплимент мог бы подобрать покрасивее из своего богатого словарного запаса» — говорит Энн, приближаясь ко мне.

— «Ты пойми- я не желаю быть чьей то игрушкой. Я согласился на этот турнир, только для того, чтобы перестать быть игрушкой в этой долбаной колонии, которую я хорошо знаю. А уж быть игрушкой в руках не пойми кого, да ещё тех, кто страшнее, могущественнее этого места, я точно не хочу» — говорю я.

— «В моих руках тебе точно будет хорошо, они принадлежат тому, кто покрасивее, а не страшнее» — сказала Энн, приблизившись ко мне вплотную.

— «Нет» — сказал я и слегка отодвинул руками от себя Энн.

— «Сто пятый, послушай, если ты побьёшь Разрушителя, то будешь свободен и, как следствие, не будешь принадлежать ни одной из колоний, ни нашей, ни этой, ни какой —

либо ещё» — говорит Энн слегка взволнованно.

— «А в чём тогда ваша выгода? Объясни» — спрашиваю я.

— «Те, кого я представляю...в общем, они верят в твою победу, и если ты реально выиграешь, то ты будешь первым, кто побьёт Разрушителя, и ты будешь представлять колонию Банара. Это огромное финансирование и большой пиар. Ну...реклама проще говоря» — говорит Энн.

— «Я знаю, что такое пиар» — говорю я.

— «У нас есть реальные возможности соблюсти твой договор с Стормом. Мы можем даже договориться об освобождении твоих друзей, твоих товарищей» — неожиданно заявляет Энн.

В этот момент у меня будто пропадает дар речи. Энн либо так увлекает путём вранья, либо даже на такое способна.

— «Помнишь, я сказала, что мы можем исполнить не только твоё желание? Вот это я и имела ввиду» — говорит Энн.

— «То есть, если я побью эту лысую «легенду», то буду свободен я, будет свободен Двухсотый и все остальные тоже?» — спрашиваю я.

— «Все на кого ты укажешь, в рамках разумного, конечно. Всю колонию освободить не получится» — уточняет Энн.

— «Хах, да, конечно, я понял. Ну, хорошо, я согласен» — решаюсь я.

Вот и настал этот день, день правосудия, надеюсь, что и день свободы тоже... Я в сомнениях из-за того, что согласился с предложением Энн выступить за колонию Банара, но оно того стоит!? Надеюсь, что стоит. Надеюсь, что это дарует мне то, чего я хочу уже много лет, надеюсь и на помощь моим братьям, именно братьям, особенно это касается ворчуна Двухсотого. Ммда, я слишком доверился Энн. Может она просто мне нравится? Может я настолько долго не был с женщиной, что любое благородство от женщины в мою сторону оценивается мной неверно, и неверно, в первую очередь, про мои чувства. Любовь?! Ой, надо заткнуть свои мысли, а то несу уже ахинею. Но, тем не менее, она ведь помогла, и мне это понравилось, и сейчас нравится, пока что, надеюсь, что она всё ещё помогает. Только вот, что я скажу своим парням? Флор будет в ярости. Да ладно, Флор. Всё — таки парням-что я скажу? Или Энн взмахом своей золотой ручки может сделать так, что они все будут в восторге от моего решения? Блин, не знаю. Двухсотый рассуждает так, как я, это точно, он может не сказать это вслух, но внутри он понимает, что мы лишь расходный материал для всех колоний, не важно, вообще- для всех. Хмм, ни одно из этих мест не похоже на Асию даже близко.

— «Эй, братишка, ну чего ещё не здрейфил?» — неожиданно звучит голос Двухсотого.

— «О! Ты меня напугал! Дай-ка я тебя обниму, брат!» — отвечаю я ему.

— «Двухсотый! Братишка, как ты!?» — заметили Двухсотого остальные наши ребята.

— «Да нормально, парни, подлечили очень хорошо на удивление, так, наверное, только Строма могут лечить а-ха» — говорит Двухсотый.

— «Строма- не знаю, а вот Флора лечили наверное так, как тебя, лови информацию из первых уст» — говорю я.

— «Ты лечил Флора?» — спрашивает у меня здоровяк Сорок пятый, один из наших парней.

— «Нет, мой уплотнённый друг, я скорее стал причиной его лечения» — отвечаю я.

Сорок пятый делает озадаченное лицо с выпученными глазами, явно задумавшись над моими словами, но затем к нему приходит озарение, и он улыбается во весь рот.

— «Ага, ага, ха-ха, понял, смешно, ага» — искренне радуется своей «сообразительности» Сорок пятый.

— «О! Смотри! Началось. Ведущий выходит. Братишка, я не знаю, выиграешь ты или проиграешь, но почему — то мне кажется, что ты, именно ты- всё изменишь после этого боя, я чувствую. Ты уже изменил репутацию Разрушителя. Тут уже некоторые говорят, что этот бой он запомнит» — говорит Двухсотый.

— «Просто запомнит, брат? А то, что он ляжет не говорят? Или что он, лёжа в лазарете, будет вспоминать не говорят? Аха-ха!» — веселюсь я.

Двухсотый смотрит на меня с удивлением и лёгким недоверием к моим словам. Парни также в ступоре.

— «Ну, брат, удивляешь уже который раз, ещё даже бой не начался. Сто пятый! Сто пятый!» — Двухсотый скандирует мою кличку, глядя на парней, намекая им на то, что они должны его поддержать.

— «Сто пятый! Сто пятый!» — все наши парни скандируют мою кличку.

— «Дамы и господа! Вот и настал тот день, тот час, когда мы узнаем настоящего лидера

в мире единоборств, того, кто должен носить корону! Того, кто достоин! Бой за звание чемпиона турнира Лотара Сторма! Бой, право на который досталось двум воинам! Двум бесстрашным! Один из них внушал страх и ужас у всех своих соперников и продолжает внушать с тех пор, как зарекомендовал себя в качестве непобедимого чемпиона! Его имя говорит само за себя! Не нуждающийся в представлении- Разрушитель!» — объявляет ведущий.

Весь свет направляется в сторону какой то мини-арки, оттуда выходит Разрушитель со всей своей «свитой». Играет хреновая музыка. Боги, ну и музыкальный вкус. Вообще, всё это похоже на то, что он готовил этот выход. Всё это время выходы были поспокойнее, в том числе и его. Вобщем мы сейчас наблюдаем шоу.

— «Разрушитель! Мы тебя любим!» — публика скандирует имя Разрушителя.

Вот Разрушитель поднимается на ринг, поднимает руки в знак приветствия публики.

— «Разрушитель! Разрушитель!» — публика не успокаивается.

Запах лютого адреналина стоит в воздухе, здесь очень жарко, но никто не вялый, все накачены этим адреналином до состояния психоза. Лишь я спокоен, хотя и должно быть наоборот. Мои парни тоже слегка успокоились, я внушил им это.

— «А теперь! Тёмная лошадка! Боец — новичок! Чьё восхождение на пьедестал, чей вызов устрашающему чемпиону отличается от остальных! Впервые на турнире и без единого поражения он добрался до вершины горы и теперь поборется за право находиться здесь! Встречайте! Представлявший в предыдущих боях X — 134, но теперь представляющий колонию Банара- Сто пятый!» — объявляет ведущий.

— «Что? Какого хрена!?! Она тебя всё- таки склонила» — возмущается Двухсотый.

— «Это во благо всех, верь мне, брат, вы все мне верьте» — обращаюсь я к Двухсотому и ко всем остальным парням.

Ребята смотрят на меня с лёгким недоверием, но и одновременно с надеждой на то, что я знаю, что делаю.

— «Сто пятый! Сто пятый!» — толпа скандирует.

Я иду на ринг. Кто то похлопывает меня по плечу из толпы, кто то в открытую заявляет о своём негативном отношении ко мне.

— «Ты ляжешь! Даже не сомневайся!» — кто — то кричит из толпы.

Я, спокойный, поднимаюсь на ринг. Смотрю в сторону своего соперника, который смотрит на меня голодными глазами зверя, зверя, которого я заставил усомниться в том, что он зверь, и вселил мысль, что он лишь человек, а для человека быть уязвимым- это вполне нормально. Теперь я перевожу взгляд на зал и вижу Энн, которая что- то говорит недовольному на вид Флору. Она снова говорит ему что-то «волшебное» и он, как бы, «успокаивается». Потом Энн отходит чуть в сторону и смотрит на ринг, смотрит на меня, смотрит и подмигивает. Я улыбаюсь ей в ответ.

— «Бойцы, на середину ринга!» — командует ведущий.

Я и Разрушитель подходим друг к другу. Он зол, слишком зол и из-за этого неспокоен. Он смотрит на меня, не отрываясь, будто уже до боя выслеживает каждое моё движение, даже то, как я на него гляжу. Его покрасневшие голубые глаза будто не закрывались этой ночью. Нервничал, видимо, думал о предстоящем бое. Ещё бы.

— «Бой!» — ушедший с ринга ведущий объявил начало противостояния.

— «Аааа!» — озверевший Разрушитель накидывается на меня с ударом с правой руки.
(воспоминания)

— «Сынок, смотри- зверь окопался там» — Отец показывает на тёмную пещеру, недалеко от зарослей, в которых мы сидим.

— «Пап, Мама говорила, что этот Армах опасен» — говорю я.

— «Да, сынок, опасен. Тебе страшно?» — спрашивает Отец.

— «Нет, Папа, ты что? Я...я не боюсь» — говорю я.

— «Ха, Васудева, сколько раз я говорил- бояться не стыдно, иногда твой страх может быть оружием» — говорит Отец.

— Оружием?

— Да, оружием.

(конец воспоминаний)

Я резко отскакиваю от удара Разрушителя. Он смотрит на меня ещё более сосредоточенно, чем в начале. Он пытается нанести ещё такой же удар, но я опять отскакиваю.

— «Дерись! Или ты боишься? Ха-ха!» — говорит разъярённый Разрушитель.

Мой соперник наносит ещё удар, только слева.

— «Да, боюсь! И мне не стыдно признаться в этом!»- выкрикиваю я, резко присаживаясь, и нанося удар с правой руки в его «каменный» пресс, выскочив как бы сбоку за него и оказавшись у Разрушителя за спиной.

— «Трус!» — крикнул злой Разрушитель, испытав явный дискомфорт от моего удара.

— «Разрушитель! Разрушитель!» — кричит толпа.

— «Видишь! Хочешь, чтоб твоё имя скандировали? Дерись! Аааах!» — кричит Разрушитель и наносит удар с ноги с разворота.

Я присаживаюсь вниз и выбиваю с ноги крепко стоящую ногу Разрушителя, из-за чего он падает. Теперь он пытается схватить меня, вероятно думая, что затащит в партерную борьбу. Но нет, я вскакиваю.

— «Дерись! Дерись!» — кричит разъярённый, злой Разрушитель, всё пытаюсь и пытаюсь наносить удары.

Каждый удар этого чемпиона уходит впустую, и в каждый удар он вкладывает огромное количество сил. Ещё бы! Он хочет поскорее вырубить меня. Но не учитывает он одно: каждая безуспешная попытка побороться, каждая безуспешная попытка мне врезать- это плюс к усталости, к его усталости, не моей. Я спокоен, теперь спокоен, вначале боялся немного, но боялся вполне осмысленно, не хотел и вправду лежать в нокауте от Разрушителя, дав ему возможность «починить» свою подпорченную гордыню. Итак, я удачно использовал свой страх, как оружие в начале боя, теперь следующее оружие —

спокойствие.

(воспоминания)

— «Сынок, мы сейчас войдём в эту пещеру, и ты будь внимателен, а перед этим успокойся, успокойся, как я тебя всегда учил, думай об Азийском океане» — говорит Отец, стоя перед входом в пещеру, где скорее всего находится устрашающий мега-лев Армах.

— «Ах-ах, хорошо, Папа» — сказал я, при этом явно слишком громко посмеявшись.

— «Тихо, сын» — делает замечание Отец.

— «Прости, Папа» — отвечаю я.

Мы заходим в эту тёмную пещеру, уже при входе мне не по себе. Здесь пахнет смертью, не то, чтобы неприятный запах, хотя и это тоже, но плохая энегррия- её запах.

— «Васудева, я ощущаю твои чувства. Азийский океан. Азийский океан» — успокаивает меня Отец.

— «Да, Папа, Азийский океан» — пытаюсь я успокаиваться.

Мы проходим дальше. В пещере очень темно. Отец включает неоновые фонари. Голубой свет освещает все вокруг. Пройдя ещё немного, я наткнулся на что-то. Посветив фонарём вниз, я увидел груды костей. Мои руки задрожали от страха. Папа не успокаивает меня. Он будто сам в шоке. Но тут же его лицо принимает спокойный вид.

— «Спокойно, сынок, мы ведь ожидали это увидеть. Это кости мега-львов. Величайшее преступление среди них. Мега-лев убивает мега-львов» — говорит Отец.

— «Аааа, он здесь?» — спрашиваю я.

— «Кто?» — в ответ спрашивает Отец.

— «Ну, Армах» — отвечаю я, слегка заикаясь.

— «Ну, нет, наверное» — отвечает Отец, поведя лучом от фонарика по стенам пещеры и потолку.

— «Ээээхуд!» — грозно на всю пещеру звучит голос на мега-львином языке.

— «Армах, гун бутэл аман» — отвечает мой Отец на голос и светит в его сторону фонарём.

Издали видна огромная фигура льва с чёрной гривой и красным телом. Медленно, не торопясь, он приближается к нам, негромко рыча. У меня трясутся ноги и руки, я в ужасе.

— «Давай не будем пугать моего сына. Я знаю- ты можешь говорить по-человечески, по-азийски» — говорит Отец.

— «Что ты здесь забыл, человек?» — спрашивает Армах.

— «Тебя, Армах» — отвечает Отец.

— «Меня? Ха! Архх. В итоге ты можешь забыть самого себя и своего отпрыска» — с угрозой в голосе отвечает мега-лев.

— «Я пришёл не сражаться, Армах» — говорит Отец.

— «Сражаться? Ты, я и этот моллюск? Аха-ха! Разве что среди людей появились самоубийцы, как ты» — говорит Армах.

Мега-лев ходит из стороны в сторону, не отводя от нас взгляда, наполненного кровью, гордыней и ненавистью.

— «Самоубийцей можешь стать только ты, мега-лев» — говорит мой Отец.

— «Это почему же?» — спрашивает Армах.

— «Потому что только таков финал выбранного тобою пути. Разве нет?» — говорит Отец.

После сказанного моим Отцом, глаза Армаха неожиданно наполнились грустью, или

даже печалью, но всего на какой-то миг, а затем снова злобно засверкали.

— «Зря ты пришёл сюда, человек!» — кричит Армах.

— «Не зря, ты можешь всё исправить» — говорит Папа.

— «Ничего уже не исправишь!» — выкрикнул лев, не переставая метаться из стороны в сторону, как будто в поисках какого-нибудь спасительного выхода.

— «Мы в Азии, Армах, мы — не демонический мир, а наоборот. Здесь умеют прощать, но и умеют не сеять хаос» — говорит Отец.

Армах ходит и ходит из стороны в сторону- будто сильно озадачен.

— «Ты должен перестать сеять хаос и должен вернуться к своим» — продолжает говорить Отец.

— «И что дальше? Попросить прощения у них?» — спрашивает Армах.

— «Ну, наверное, как минимум, ты убивал и съедал их родных, и своих заодно, значит» — отвечает Папа.

— «Как минимум? Тогда ты, как минимум, пожертвуешь своей семьёй, человечек» — говорит Армах.

Свирепый мега-лев прыгает на нас молниеносно. Я не успеваю среагировать. Всё, что я успеваю увидеть во время его прыжка — это сверкающие кровавые глаза и клыки, будто созданные для того, чтобы причинять боль. Мне страшно, жутко страшно, долгое время сохранял спокойствие, как учил Отец, но сейчас я боюсь. Папе....менее страшно, чем мне, он хотя бы сражается.

— «Ну давай Армах, давай!» — кричит мой Отец, отбиваясь свето-мечом.

— «Аааарх! Аааа!» — ярости Армаха нет предела.

Лев ловкий и быстрый, как ветер. У меня реально начинает складываться впечатление, что он тот, с кем мой Отец ещё не сражался. Мне больно это видеть, мне страшно, я не могу пошевелиться, я в ужасе от того, что Отец может проиграть, тот, кого я считаю своим примером и защитником.

— «Аааргх! Слабеешь, человечек! Устаёшь! Твоё бессмертие тебе не поможет! Никому из вас не поможет! Ааарх!» — лев набрасывается на Отца и Папа не успевают среагировать.

Неужели конец? Нет, этого быть не может.

— «Папа! Папа!» — кричу я Отцу.

Отец лежит в крови, его шея подрана, рана начинает регенирировать, но лев сразу наносит по ней удар когтями.

— «Ааа!» — Отец кричит от боли.

— «Бессмертные тоже умирают» — говорит Армах уже тихим, но обезумевшим голосом.

— «Не трогай его» — кричу я, неожиданно осмелев.

— «Решил стать героем? Храбрым? Аргх, аха! Думаешь тебе это поможет?» — спрашивает Армах.

Лев отходит от лежащего Отца и приближается ко мне уверенной походкой, как к лёгкой жертве. Меня охватывает неуправляемый ужас.

— «Сын! Настало время спокойствия! Новое оружие! Успокойся, Васудева!» — кричит мне лежащий Отец.

— «Твой старик безумнее меня. Ах-ах! Что он несёт? Успокоиться? Успокойся, мальш, успокойся» — говорит Армах, глядя на меня голодными глазами.

— «Давай, сынок, ты сможешь» — говорит Отец.

Мега-лев прыгает на меня, но в этот момент я осознаю всю глупость страха, то, что нет смысла бояться, зачем творить плохое будущее? Я в силах сотворить победу, не одержать, а сотворить. Я обретаю спокойствие в круговороте событий, вокруг ужас, а я спокоен. У меня получается, Папа, получается. Я резко отпрыгиваю, даже быстрее, чем совершает прыжок Армах. Он не успевает сообразить, по инерции поворачивается, а я ему выкальываю светомечом глаз.

— «Ааааргх аааарррх!» — лев рычит от боли.

Он ищет меня через боль. Яростно рычит и стучит по земле лапами. В это время у Отца до конца заживает рана, он резко вскакивает и наносит нокаутирующий удар по Армаму. Лев падает в отруб.

— «Папа!» — я радостно обнимаю Отца.

— «Всё хорошо, сынок! Всё нормально! Давай я ему введу дозу снотворного, и мы пойдём отсюда» — говорит Отец, слегка запыхавшись.

(конец воспоминаний)

— «Конец первого раунда! Невероятно! Никто ещё не выдерживал столько времени против Разрушителя!» — объявляет ведущий.

Я иду в свой угол, сажусь на стул. Я не вспотел, как Разрушитель. А он уже дышит. Ко мне на ринг подбегает, так называемый, тренер Жак.

— «Так, слушай, Сто пятый, в принципе, невозможное ты уже сделал, молодец, может это...ляжешь? Ну как бы это...» — говорит Жак.

— «Что?! А больше ты ничего не хочешь?» — возмущаюсь я в ответ.

— «Да, Жак, ты ничего себе лишнего не позволяешь? Его соперник уже воздухом питается. Верь в чудеса в этом бизнесе» — говорит подошедшая к нам Энн.

— «А, Энн? Здравствуй. Я пекусь о здоровье своего спортсмена» — отвечает Жак.

— «Твоего спортсмена? Насколько я знаю, он тренировался сам» — говорит Энн.

— «Всё- то ты знаешь» — говорю я Энн, слегка улыбнувшись.

— «Второй раунд!» — объявляет ведущий.

Я встаю со своего места и иду на середину ринга. Попутно смотрю в сторону своих ребят. Видно, что они за меня переживают, но и злятся за то, что выступаю не под нашим общим «флагом». Разрушитель в этот момент замечает, что я даже не на него смотрю, а в другую сторону и это после раунда с ним? Да, как я посмел?! Ха-ха. Но не надо его недооценивать.

— «Никто не выживал больше раунда, Сто пятый! Значит пора баиньки!» — говорит Разрушитель, злобно улыбнувшись.

— «К бою!» — объявляет ведущий.

Разрушитель теперь присматривается ко мне, не летит с ударами сразу. Он так ходит в боевой стойке несколько секунд, но тут решает нанести удар с правой руки. Банально-думаю я, и снова приседаю, чтобы поработать по его корпусу, а он резко хватает меня и переводит дело в борьбу.

— «Ууууу!» — гудит недовольная публика, не особо уважающая эту возню на земле.

— «Вот видишь! Они не довольны тобой! Что будешь делать, Разрыхритель?» — говорю я, слегка задыхаясь в силовых объятиях своего визави.

— «Как ты меня назвал, волосатик?» — спрашивает Разрушитель, прибавив к заламыванию моей шеи ещё и удары в корпус.

Уже трудно дышать, надо как — то вырваться. Я отталкиваюсь ногами от ринга и

оказываюсь сверху Разрушителя в контролирующей позиции, бью сверху, но чую-контролировать ногами его трудно. Он наносит мощный удар с позиции лёжа, да такой, что я отлетаю. Блин! Он силён! Сильнее, чем другие, явно.

В этом раунде он умнее. Давно, видимо, не применял весь свой арсенал навыков, а тут приходится. Он уже по мне и попадает, теперь инициатива у него. И вот уже конец второго раунда. Я иду, сажусь на стул. Жак подбегает и снова предлагает лечь ради моего же блага. Энн уже не возникает на это. А я просто ничего не отвечаю. Встаю и иду снова на войну. дерусь, проливаю кровь и проигрываю по ходу боя. Что не так? Вот уже и этот раунд кончается и следующий, публика мной восхищается, ведь я держусь против Разрушителя. Но я не горжусь собой, я держусь, а должен держаться он или лежать. Моя цель не продержаться, а победить. И вот уже последний пятнадцатый раунд.

— «Сто пятый! Разрушитель!» — скандирует разделённая, благодаря нашему бою, публика.

Мы подходим друг к другу на середину ринга. Разрушитель весь потный, уставший смотрит на меня, будто спрашивая- мол, когда ж я лягу в отруб?

— «К бою!» — объявляет ведущий.

Разрушитель наносит уже не акцентированные удары, которые легко заранее предвидеть, но мне от этого не легче, я устал больше чем он, потому что проигрываю, и это очевидно. Проигрываю, проигрываю и от этого страшно. Разрушитель наносит удар с ноги мне в голову и я падаю. Публика замирает. Ведущий за рингом начинает счёт.

— «Раз, два, три, четыре» — считает ведущий.

Я поднимаю голову, смотрю на публику, на Энн, на своих друзей, они все гордятся мной, хоть я и почти проиграл, но не их взгляда я ищу, и тут я вижу- стоит Отец. Отец? Откуда он тут?

— «Сын! Страх, как оружие, закончился! Используй спокойствие! Ты сможешь!» — говорит Отец.

И вот я поднимаюсь до конца счёта. Разрушитель уже поднимает руки, как победитель.

— «Разрыхлитель! Или как там тебя?! Скажи мне одно! Это всё что ты можешь?» — спрашиваю я.

Глаза Разрушителя наполняются невероятным испугом и одновременно яростью на самого себя, видимо за то, что не всё сделал, что нужно для победы.

— «Аааа!» — Разрушитель, крича, летит на меня с кулаками прямо, как в начале боя.

Я очень бодро уворачиваюсь от всех ударов своего соперника, и в итоге при очередной его попытке вмазать мне с правой руки, я отвожу его удар, оказываюсь со спины и бью его в голову, он зашатался, поворачивается ко мне передом, и я наношу справа, с руки, удар ему в лицо, и он падает.

— «Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять. Бой окончен! Сто пятый победил! Он совершил невероятное!» — кричит ведущий.

Все зрители в зале- в полнейшем изумлении. Все скандируют лишь моё тюремное имя, разумеется, про Разрушителя уже и забыли, он лежит на ринге и не встаёт, хотя с ним всё в порядке, просто не хочет вставать, не хочет быть пораженческой частью всего происходящего, он привык находиться со стороны победы, но сегодня всё по-другому, сегодня победитель-я, зэк, который впервые принял участие в турнире Лотара Сторма и выиграл. Ведущий выходит на ринг. Одевает золотой пояс на мою талию, такой тяжёлый, хорошо, что тут не корону на голову одевают, а то по моей башке и так «Разрушительных» ударов нанесли в прямом смысле этого слова. Выбегают мои парни на ринг: Двухсотый, Сорок пятый, все ребята.

— «Слушай, ну после такого боя ты просто обязан выйти на свободу!» — громко говорит мне, улыбаясь, Двухсотый.

— «Не только я один, аха!» — отвечаю я ему.

Ребята поднимают меня вверх, усадив на свои плечи. Я поднимаю руки, я улыбаюсь, улыбаюсь всем, улыбаюсь этой публике, улыбаюсь не только тем, кто ко мне был добр, но и Сторму, Флору, даже самой тюрьме я улыбаюсь, улыбаюсь тому моменту, тому месту, когда я обрёл долгожданную свободу. Я вижу среди публики Энн. Она улыбается мне, улыбается нежно, искренне, по-настоящему, не так по-деловому, по-стервозному, как всегда было, а с добротой....как же она прекрасна, она снова мне нравится.

— «А теперь минуту внимания, дамы и господа! Турнир Лотара Сторма закончен! А значит, необходимо передать слово тому человеку, благодаря которому этот турнир радует зрителей уже очень долгое время! Встречайте! Лотар Сторм!» — объявляет ведущий.

На ринг выходит Сторм, довольный бизнесмен, понимающий, что на этом турнире он заработал и ещё заработает самую крупную сумму в своей жизни, да что там сумму? Огромную славу. Больше, чем обычно.

— «Дамы и господа! Уважаемые зрители! Уважаемые бойцы, воины, участвовавшие в этом чуде из чудес без всякого сомнения. Даже те из вас, кто не дошёл до конца, до финишной прямой, под которой я подразумеваю чемпионский бой между Сто пятым и Разрушителем, всё равно прикоснулись к величию, так как были участниками, и даже зрители, которые смотрели, делали ставки, также стали свидетелями исторического события! Этот турнир не забудут никогда! Я вас уверяю! А если и забудут, то мы пошлём к ним наших бойцов, и, в первую очередь, нового чемпиона, чтобы освежить память, аха-ха! Шучу, конечно! Шучу, потому что невозможно забыть момент смены эпох! Момент, когда меняется абсолютно всё! Дамы и господа! Абсолютно всё только что поменялось на ваших глазах!» — толкает речь Сторм.

Публика аплодирует этому говоруну, ну и оратор.

— «Знаешь, если б я обладал таким же ораторским искусством, быть может я и так безо всякого турнира вышел бы раньше срока!» — говорит мне Двухсотый.

— «Это как?» — спрашиваю я.

— «Как? Как? Да по-разному! Например, наплёл бы Флору чего-нибудь, да и вышел» — отвечает Двухсотый.

— «И что бы ты такого наплёл, чтобы он тебя вдруг отпустил?» — спрашиваю я.

— «В том- то и дело, что не знаю, ибо я не обладаю ораторским искусством, опять же,

эхх» — отвечает Двухсотый.

— «А теперь хочу поблагодарить хозяина данного, так сказать, начальника Флора! Поаплодируем ему! Без него это легендарное событие точно не состоялось бы!» — продолжает говорить Сторм.

Весь зал аплодирует.

— «А сейчас хотелось бы попросить нашего чемпиона и всех бойцов нашего турнира, пройти в спортзал. Это касается только меня, начальника Флора и наших бойцов! Извините, разговор будет сугубо конфиденциальным!» — заканчивает свою речь Сторм.

— «Ого! Что он задумал? Неужели всех освободят? Тогда уж точно это легендарный турнир» — говорит Двухсотый.

Я смотрю на Двухсотого с саркастичным выражением лица после его слов. Он понимает- почему.

— «Ну это, я имею ввиду...ну, твой бой, без сомнения, легендарен, братан, просто ну...» — говорит запинаясь Двухсотый.

Я продолжаю смотреть на своего лучшего друга, еле сдерживая смех, но это явно у меня больше не выходит.

— «Ах-ах! Хорош трепаться! Пошли уже!» — говорю я через смех.

— «Блин, уже не терпится, гы-гы, видимо, что то хорошее нам скажут» — говорит с лицом счастливого ребёнка Сорок Пятый.

— «Погоди, дружок, не хвали пальму, пока не поймёшь что это не мираж» — говорит Двухсотый.

— «Не будь пессимистом» — говорю я.

— «Какая пальма? Нам подарят по пальме? А мороженое?» — говорит Сорок Пятый.

— «Это выражение такое, но тебе- да, может мороженого и хватит, а я предпочту прохладную компанию на берегу океана подальше от этой дыры» — говорит непримиримый Двухсотый.

Мой друг, мой брат, как я теперь могу назвать его, Двухсотый явно не будет согласен услышать сейчас от Флора или Сторма, что- то кроме фразы: «Вы все свободны». Сейчас он непримирим. Он скептик по натуре, но при этом больший бунтарь, чем я, в разы. Мы подходим к спортзалу, нас ведут охранники- их меньше, чем нас, но в руках те самые волшебные пультачки, способные расщепить нас на мелкие частицы. Эх, если бы не эти пультачки, мы все были бы уже свободны. Какая — то жалкая пикалка является препятствием между нами и свободой. Вот мы уже внутри. На тренировочном ринге стоят Флор и Сторм в окружении громил из охраны. Флор чего- то нервничает, аж вспотел бедняга. Чего так- то? Жарко? Сомневаюсь, что дело в этом. Сторм спокоен в отличие от нашего начальника. Возле ринга стоит Энн- стоит счастливая, улыбается, блин, какая же хорошая. Но ладно, надо слушать, что они там скажут. Обстановка такая, будто будет очередной бой, если честно. Не знаю почему, но предчувствие не очень.

— «Итак, бойцы, вы хорошо провели лагерь, и теперь....пора приступить к реальному делу» — начинает говорить Сторм.

— «Реальному делу? А все эти дни мы чем занимались? Отдыхали тихонько?» — спрашивает возмущённым голосом Двухсотый.

— «Ну ты же в лазарете отдыхал» — ляпает очередную глупость Сорок Пятый.

Около пяти секунд мы смотрим на Сорок Пятого осуждающим взглядом. При низком уровне интеллекта он таки понимая, что сказал полную хрень, опускает глаза вниз.

— «Вообщем, ребята, реальное дело это то, что угрожает нашему дому» — продолжает говорить Сторм.

— «Какому ещё дому?» — говорю я шёпотом, будто сам себе.

— «Поступила информация, что зорговцы идут!» — громко объявляет Сторм.

— «Зорговцы идут? Ну они и так тут. Разрушитель, наверное, в лазарете отдыхает» — говорит Двухсотый.

Все собравшиеся зэки смеются во весь рот после шутки Двухсотого.

— «Зорговцы идут! Это значит- что вот- вот начнётся война нас с ними!» — говорит ещё громче Сторм.

В воздухе полнейшая тишина, весёлые лица зэков сменились на грустные физиономии, и не только зэков, у Энн не то, чтобы грустное лицо, но неприятно удивлённое, она будто сама не была в курсе всего этого. Флор, ха-ха, гадкий Флор, поэтому он такой нервный.

— «Погоди, а почему ты об этом говоришь? Флор! Это твоя территория. Подобная речь должна принадлежать тебе, а не Сторму! Разве нет?» — спрашиваю я.

— «Эмм, Сто Пятый, во-первых, успокойся, все успокойтесь, п-просто Сторм присутствовал при этом сообщении мне о грядущем нападении и, это самое, согласился помочь, в-выступить, так сказать, чтобы вы не подумали, что это моя выдумка» — говорит, заикаясь, Флор.

— «Парни, ваш начальник надеется на вас, помогите ему, помогите своему дому, который может пострадать» — говорит Сторм.

— «Предательство» — говорю я шёпотом.

(воспоминания)

Раздаётся стук в нашу дверь, Мама идёт открывать. После нажатия на кнопку открывается дверь, и за ней стоит дядя Абхай, один из старейшин Асов, весь такой длинноротый, серьёзный, просто так он бы не пришёл.

— «Приветствую тебя, Нейса. Вивек дома?» — спрашивает у Мама Абхай.

— «Приветствую, Абхай. Да, он дома. Сейчас позову» — отвечает Мама.

— «Приветствую, дядя Абхай» — здороваюсь я с дядей Абхаем.

— «Приветствую, Васудева. Как поживаешь? Как тренировки? Слышал, как ты справился со страшным мега-львом. Можно сказать, что ты нас всех спас» — говорит дядя Абхай.

— «Кого всех?» — спрашиваю я.

— «Асов, конечно» — отвечает дядя Абхай.

— «Но это всего лишь один мега-лев, хоть и очень сильный» — говорю я.

— «Васудева, мальчик мой, один камень может преломить свет, а что может гора таких камней?» — говорит дядя Абхай.

— «И что это значит?» — спрашиваю я, не поняв смысла слов дяди Абхая.

— «Ты спас свет Азии от горы камней, убрав первый камень из этой горы» — отвечает дядя Абхай.

Я смотрю на дядю Абхая, улыбаясь неловко, притворяясь, что понял его более развёрнутый ответ.

— «Абхай! Друг мой! Не рановато ли для философии?» — мой Отец заходит в гостевую комнату и обнимает в приветствии дядю Абхая.

— «Вивек! Мой брат!» — обнимает моего Отца в ответ дядя Абхай.

Отец замечает слегка встревоженное лицо у дяди Абхая. Мы Асы, вообще в целом сострадательны, и замечаем сразу переживания других и, в особенности, друг друга.

— «У тебя слегка встревоженный взгляд. Что-то случилось?» — спрашивает Папа.

— «Надеюсь, что это ерунда, но звоночек не очень» — говорит дядя Абхай.

— «Ну так говори. Что случилось?» — спрашивает Отец.

— «Вивек, мы должны появиться в Сияющем Дворце» — отвечает Дядя Абхай.

— «Когда?» — спрашивает Отец.

— «Сейчас» — отвечает дядя Абхай.

Лицо моего Отца принимает тот же озадаченный облик, что и у нашего гостя. Он должен появиться в Сияющем Дворце, а это происходит только в экстренных случаях, случаях угрозы безопасности для Азии.

(конец воспоминаний)

— «Погоди! Сторм! Мы тут при чём?!» — недоумевает Двухсотый.

— «В смысле, Двухсотый?!» — спрашивает Сторм.

— «Это не наша война! Мы просто зэки! Заключённые этой клоаки! Каждого из нас, за редким исключением, привезли сюда! Привезли насильно, между прочим, так как, повторяюсь, мы зэки, а не туристы!» — отвечает Двухсотый.

— «Послушайте, все! Вы- под ударом так же, как и все мы! Так что, будьте добры, не возмущайтесь! В первую очередь это тебя касается, Двухсотый! Тем более, что ты проиграл! Ты не победитель турнира! И поэтому сиди, молчи и смирись!» — дерзко заявляет Сторм.

Глаза Двухсотого наливаются лютой злостью. Он уже готовится выдать словесную порцию и Сторму и Флору. Однако я его опережаю.

— «Ну а я- чемпион! Я победил того, кого все боялись! Разве не так?» — спрашиваю я у толпы собравшихся зэков.

— «Дааа! Сто пятый! Сто пятый!» — зэки скандируют моё «тюремное имя».

— «И я говорю, что полностью солидарен с своим другом Двухсотым. Он сказал только что- то, что у всех присутствующих на уме, причём, не только у зэков. И у тебя, Сторм! И у тебя, Флор, ха, начальник Флор! Это же как получилось, что ты перестал быть начальником! Ты так гордился, что ты хотя бы тут, в этой клоаке, являешься главным! А тут Сторм будто командует вместо тебя!» — говорю я.

— «Заткнись! Ты!» — кричит на меня разъярённый Флор.

Взгляд Флора примерно такой же гневный, как и у Двухсотого, а вот Сторм смотрит просто изучающе на всех нас, и на Флора тоже.

— «Я защищал вас всех до этого момента, в том числе и уговаривал вашего многоуважаемого мной начальника Флора быть помягче с вами, ублюдками, но теперь я сам предлагаю! Начальник Флор! Нажмите хотя бы на один пульт! Расщепите парочку этих отбросов!» — говорит Сторм.

Все наши зэки вдруг притихли, как будто растерялись. С одной стороны- желание разорвать всю эту шоблу зажавшихся руководителей, а с другой стороны- страх быть расщеплёнными на атомы. Тем временем Флор обвел нас внимательным спокойным взглядом. Было похоже, что он пытался внутренне успокоить самого себя, чтобы удержаться от опрометчивого поступка. С чего вдруг?

— «Не надо, Сторм! Не надо! У меня идея получше! Охрана! Отвести их всех в лазерные камеры! А кто будет рыпаться, пульт вам в помощь, сразу!» — говорит Флор.

— «Вот же гадство, а! Блин! Твари! Козлы!» — Двухсотый не успокаивается, не успев облюбовать свою новую супер-камеру.

— «Успокойся! Так делу не поможешь!» — говорю я Двухсотому.

— «Делу? Какому делу, Сто пятый? У тебя есть план на дело? И на какое дело?» — не успокаивается Двухсотый.

— «Делу, ну, в смысле, ситуации, в смысле- всем нам, в целом нервной системе не помочь!»- говорю я чуть раздражённо.

— «Послушай! Мы напрягались! Дрались! Ты так вообще выиграл! Сделал невозможное! Нам пообещали свободу... и кинули! Тебя это не волнует?!» — спрашивает Двухсотый.

— «Ты знаешь, что волнует» — говорю я более спокойно.

— «А ты взял и повёлся на обаяние красотки, взял и ушёл выступать за других!» — продолжает не без должной причины ворчать Двухсотый.

— «Сто пятый!» — звучит знакомый приятный, но теперь презируемый голос.

— «Оооо! Ты посмотри- твоя подружка нарисовалась! Видимо, жить без тебя не может! Поэтому ты тут чалиться и остался, чтобы она тебя могла видеть!» — язвит уже не на шутку Двухсотый.

— «Слушай, прекращай, а!» — говорю я Двухсотому.

Энн стоит и смотрит на меня жалобными глазами, как на домашнюю зверушку через лазерную стену, разделяющую мою камеру и коридор. В соседней камере Двухсотый, по бокам и сверху все наши парни, а ещё зэки из других колоний, которые тоже участвовали в турнире.

— «Что тебе нужно, Энн?» — спрашиваю я спокойным пофигистским голосом.

— «Послушай! Я не знала, я правда ничего не знала. Всё было под контролем, под моим» — оправдывается Энн.

— «О да! Конечно! А может ты так думала, что под твоим контролем? Может ты — чья-то пешка? А, может ты меня разводишь всё это время, а?» — гневно спрашиваю я у неё.

— «Ага! И меня тоже ты развела!» — встревает в разговор Двухсотый.

— «Ага! И меня!» — подхватывает Сорок пятый.

— «И меня! И меня!» — подхватывают остальные из наших.

— «Да, замолчите вы все!» — кричу я.

— «Ты пойми я...я...» — Энн говорит сквозь слёзы.

В воздухе абсолютная тишина. Энн меня удивляет, приятно удивляет. Может я и наивный, может и тупой, но после явного предательства с её стороны или по крайней мере несдержанного обещания, я смотрю на её неожиданные слёзы и испытываю что-то, не знаю, такое чувство, если бы не эта лазерная прозрачная стена, то я бы обнял её, не потому, что она женщина, а я мужчина, а потому, что мне будто бы её жалко, хотя в этой ситуации жалеть надо меня.

— «Знаешь, если кто и должен лить слёзы, то это я и остальные парни. Но мы этого не делаем, как видишь...» — начинаю я говорить.

— «Аааа хнык хнык аааа, я думал...выйду и...аааа будет много мороженого» — вдруг «плачет» здоровяк Сорок пятый.

— «Ну, большинство из нас не плачет- я имею ввиду. Поэтому, если хочешь реально помочь, чтобы я тебе верил, просто вытащи нас всех отсюда, Энн. Это единственный путь к моему доверию» — говорю я Энн жёстким голосом.

Энн принимает своё привычное стервозное выражение лица, молча поворачивается в профиль и уходит.

— «Знаешь, что-то мне подсказывает, что она этого делать не будет. Зачем ты ей вообще это условие поставил?» — спрашивает Двухсотый.

— «Знаешь, я не говорю, что я уверен в её помощи, особенно после случившегося, но попытка не пытка. Тем более, что мы ничего не теряем. Мы и так уже на краю. Мы и так очень нужны всем им: Флору, Сторму, а может кому и покрупнее. Мы же — те ещё бандиты» — говорю я.

— «Те ещё бандиты» — повторяет Двухсотый.

Я смотрю на ничем не примечательный тюремный коридор и у меня отсутствуют мысли. Просто тупо уставился в одну точку. Я устал думать. И при этом хочу получить хотя бы одну благословенную мысль, которая будет стоить тысяч других.

— «Слушай, нам нужен свой план побега» — вдруг выдаёт Двухсотый.

— «И какой план?» — спрашиваю я.

— «Ну, я пока не знаю, но главное- это держаться вместе» — отвечает Двухсотый.

— «Ага, гениально» — отвечаю я с сарказмом.

— «Может я могу что-то придумать» — вдруг откуда- то звучит знакомый голос.

И в камере, расположенной прямо напротив камеры Двухсотого, включается свет, и появляется здоровенная фигура моего соперника- Разрушителя. Мы смотрим на него, и у нас буквально отвисают челюсти.

— «Одно условие- если я помогу с планом, то вы возьмёте меня с собой» — произносит Разрушитель.

В коридоре тишина. В воздухе так и висит ощущение того, что все уставились на камеру Разрушителя. Всё дело в том, что, когда нас привели в эти дурацкие камеры, там уже были другие зэки из разных колоний. О них как-то особо никто и не думал, тем более о том, что среди нас окажется такой товарищ по несчастью, как Разрушитель.

— «Ну и чего молчите? Скажите что-нибудь» — говорит Разрушитель.

— «Это же Раззззззз...» — пытается выговорить Сорок Пятый.

— «Да, Сорок пятый, это- Разрушитель» — говорю я.

— «А как он, ккак...» — пытается спросить Сорок пятый.

— «Как? Как? Меня развели, как и вас. Вот как» — говорит с саркастической улыбкой Разрушитель.

— «Так, а как ты собрался нам помогать валить отсюда, если ты сам в пролёте?» — спрашиваю я у Разрушителя.

— «У меня есть связи» — отвечает Разрушитель.

— «Ага, а у нас есть Энн» — говорит, не думая, Двухсотый.

— «Двухсотый, заткнись» — говорю я Двухсотому.

— «У меня тоже есть Энн» — неожиданно говорит Разрушитель.

— «В смысле- у тебя есть Энн?» — спрашиваю я Разрушителя.

— «Ну Энн, моя Энн, в смысле есть у меня» — говорит Разрушитель.

— «Аха-ха. Ты понял- твоя Энн это не твоя Энн, а его Энн, догоняешь?» — смеётся надо мной Двухсотый.

— «Погоди: то есть моя Энн, которая приходила сюда, она типа твоя на самом деле?» — уточняю я у Разрушителя.

— «Ну она моя...блин, что ты от меня хочешь?» — недоумевают Разрушитель.

— «Чего она к тебе не подошла, а ко мне, если она твоя?» — спрашиваю я Разрушителя.

— «Не знаю. Ты ж победитель, может, поэтому и подошла» — говорит Разрушитель.

— «Так, ладно, погоди, а она тебе что-то предлагала?» — спрашиваю я.

— «Ага, того, чего не предложила тебе, ахаха» — продолжает люто ржать Двухсотый.

— «Блин, Двухсотый, выйдем отсюда, и я тебе накостыляю» — говорю я Двухсотому.

— «Ага, и я добавлю, а то твой смех раздражает» — говорит Разрушитель.

— «Всё, молчу» — наконец доходит до Двухсотого.

— «Так, ты не отвлекайся, что она тебе обещала?» — спрашиваю я.

— «Ну дык это...свободу» — отвечает Разрушитель.

— «И всё????» — спрашиваю я.

— «И всё. Что ты докапываешься?» — спрашивает Разрушитель.

— «Ничего. Так. Интересуюсь просто» — говорю я.

Вот мы сидим: каждый в своём тюремном уголке, и в голову ничего не приходит. Будто все эти слова про побег были лишь понтом, что с моей стороны, что со стороны Двухсотого, что от Разрушителя.

— «Вообще, вся эта ситуация странная» — вдруг говорит Двухсотый.

— «Ты о чём?» — спрашиваю его я.

— «Ну я об этой войне, обо всём об этом, пахнет всё это гнилью» — говорит Двухсотый.

— «Ага, открыл межзвёздную систему Кинавра. Это и так понятно, что тут не война за родные земли. Хотя...кому как» — говорю я.

— «Что кому как?» — спрашивает Двухсотый.

— «Да так, неважно» — отвечаю я.

— «Разрушитель, послушай, а тебя тоже на войну подрядили?» — спрашивает Двухсотый у Разрушителя.

— «Ага» — немногословно отвечает Разрушитель.

— «И что ты ответил?» — спрашивает Двухсотый.

— «А ты как думаешь? Если я тут, значит что??» — спрашивает Разрушитель.

— «Что?» — тупит Двухсотый.

— «Что что?» — теперь тормозит Разрушитель.

— «Что ммм... что? Что?» — мега-тупит Двухсотый.

— «Что! Что! Что! Что! Ещё раз скажите- что!» — не выдерживаю я.

— «Эмм, чего?» — спрашивает Разрушитель.

— «Фухх, не важно...вообще-то- важно, Двухсотого возмущает или смущает, удивляет, не знаю, что ты из Зорга» — говорю я.

— «Из Зорга, ииии? Вы тоже из Зорга» — говорит Разрушитель.

— «А- а, нет! Мы из X — 134!» — говорит Двухсотый.

— «Это по-вашему вы с x, y или ещё какой буквы с цифрами, а по-нашему вы зорговцы, которые забыли...» — говорит Разрушитель.

— «Чего мы забыли? У меня с памятью всё в порядке, я ничего не забываю» — говорит Двухсотый.

— «Забыли, что вы зорговцы!» — говорит эмоционально Разрушитель.

— «Ой, давай без вашей этой завоевательной зорговской хрени. Вся галактика вам не принадлежит!» — возражает Двухсотый.

— «Принадлежит, не принадлежит, не в этом дело, Двухсотый. Мы вообще зэки просто на этой X — 134 или на Зорге, ну, с точки зрения зорговцев из того Зорга, который Зорг с точки зрения всех миров, ну вы меня поняли. Поэтому о чём тут говорить? Это всё не наша ситуация. И ты Разрушитель отказался ведь от предложения быть пушечным мясом» — говорю я.

— «Ну да» — говорит Разрушитель.

— «Вот именно, ну да, лозунги мы все громко кричим, а жить при этом так хотим ещё громче!» — говорю я.

Мы сидим, молча: каждый в своей камере. Только вот моё молчание отличается от молчания моих соседей, я сижу и раздумываю, как дать дёру с тюрячки, да не только, чтобы я один это сделал, тем более, что все мы — зэки планеты X-134 или же блудливого куска Зорга, как говорят сами зорговцы, должны уже быть на свободе! Уже! Флор, блин! Начальник Флор! А я уж было решил, что он честный дядька. Но нет! Короче: я думаю об этом самом, о побеге, а остальные парни задумались о моих словах, ну о том, что кричать лозунги может каждый, но не каждый пойдёт помирать за эти самые лозунги. Опаньки! Вдруг наша тишина нарушается. Раздаётся звук открываемой двери. О! Флор! Наш родной начальник! Проходит по коридору между нами и подходит к камере Разрушителя.

— Чего тебе? — спрашивает у Флора Разрушитель.

— Это самое, Разрушитель, меня просили передать, что ну....» — начинает говорить Флор.

— Что ну? — спрашивает Разрушитель.

— Ну...ты, короче, этот, как он называется? Военнопленный — выговаривает Флор.

— Ха-ха! — язвительно ржёт во всё горло Двухсотый в своей камере, находящейся напротив камеры Разрушителя.

— Чего? Кто я? — с удивлением спрашивает Разрушитель.

— Пленник! Пленник! Ха-ха! А что это значит?! — продолжает насмеяться Двухсотый.

— Это значит, что я тебе снова башку отобью, если не заткнёшься! — обратил-таки внимание Разрушитель на Двухсотого.

Двухсотый замолкает мгновенно, будто помнит, как это было больно получать люлей от Разрушителя на ринге.

— Ты пленник, Разрушитель. Это значит, что ты не можешь вернуться обратно в Зорг. Это значит — ты предатель для Зорга. А для тебя лучше быть пленником у нас, чем предателем там. Надеюсь, ты это понимаешь? — говорит Флор.

— Ох, если б не лазерка между нами, я б тебе башку открутил, директор хренов! Ни директор, а шестёрка — говорит Разрушитель.

После этих слов Разрушителя, все зэки в камерах, в том числе я, начали издавать дикий хохот. Флор замер, его лицо искажено злобой.

— Флор, с последними его словами вынужден стократно согласиться, уж прости начальник. Ха-ха! — говорю я.

— А вы все зря смеётесь! Вас могут объявить предателями здесь, в X-134! Если согласитесь все дружно воевать, то у вас появится шанс стать героями! А если нет! То вы предатели! Тогда уж точно отсюда не выйдете! — выкрикнул Флор.

— Ага! А если на фронте в червяков без конечностей превратимся, то всё, да? Типа, свобода? — спрашивает Двухсотый.

— Да! Двухсотый! Да! Свобода! — кричит в ответ Флор.

— Где-то я уже это слышал, причём, недавно — говорит Двухсотый.

— Послушайте! Вы всё равно рассчитывали на свободу перед тем, как биться. Это почти тоже самое! Там тоже риск! Риск остаться без здоровья! Эммм, риск умереть! Да! — пытается очень нелепо убедить нас Флор.

— Ага! Когда кого-то убивали на ринге! Даже Разрушитель, по-моему, никого не

убил! — говорит Двухсотый.

Разрушитель, напротив Двухсотого, останавливает свой суровый взгляд на нём.

— «Эммм или ннет?» — смущённо спрашивает у Разрушителя Двухсотый.

— Ты знаешь, наверное, нет, но ты можешь стать первым, гы-гы — отвечает Разрушитель.

Двухсотый нервно и многозначительно замолкает.

— А тебе, Разрушитель, кстати, выпадает честь быть героем за место пленника — говорит Флор.

— Но не вместо предателя! Я понял, что ты имеешь ввиду. Чтобы я воевал за ваш этот несуществующий X-134. Да пошёл ты! — отвечает Разрушитель.

— Послушай, Флор! Я соглашался на бои, потому что это бои! Это шутейка для меня, для нас многих! Но убивать людей, да ещё за чьи то интересы...избавь меня от такой «радости — говорю я.

— Я всё сказал вам, отбросы! У вас время до завтрашнего утра! Не примите условия, вас, скорее всего расщепят на атомы! Выбирайте! — говорит Флор.

— Вас расщепят на атомыыыы, расщепяяяят на атомы, расщепят вас всех, уроды, зэки паршивыыыые, — Двухсотый напевает слова Флора, адресованные всем нам.

— Может ты заткнёшься, а? И без тебя тошно — говорит Двухсотому Разрушитель.

— Послушай ты, Разрыхритель.... — неожиданно проявляет дерзость Двухсотый по отношению к Разрушителю.

Разрушитель аж встаёт со своей койки и подходит к лазерной плёнке, преграждающей ему доступ в коридор из камеры. Ну конечно, ведь он очень не любит, когда коверкают его боевую кличку, особенно в моём стиле, который теперь подхватывает и мой братан Двухсотый.

— Знаешь, что- можешь сверлить меня взглядом всё время, всё равно жить нам осталось ровно сутки — говорит Двухсотый.

— Ага, значит плана у вас никакого нет, ссыкуны! Знаете что? Мы могли бы все обмануть этого вашего Флора, взять, согласиться на эту войнушку, а потом просто свалить в пустыню — выдаёт «идею» Разрушитель.

Все молчат ровно секунд пять, а потом раздаётся дикий хохот из всех камер.

— Как ты свалишь- то? Ха-ха! Тебя расщепят за пару мгновений и пикнуть не успеешь, ничего не поймёшь. Эхххх, может и к лучшему, расщепление это ж не больно, клик и всё, тебя нет. Меньше секунды даже, — говорит Двухсотый.

— Что значит, как я свалю? Врезать паре, тройке «тварищей по оружию», решивших здохнуть за ваш этот X — 134 и свалить! А эти пультики — они у особо избранных только типа Флора — говорит Разрушитель.

— В этой ситуации, в военной ситуации, пульта будут и у командиров взвода тоже, скорее всего, поэтому если увидят беглецов, то всё, привет и прощай, — говорю я.

— Ну и что ты предлагаешь, помереть на ровном месте? Я не согласен! Не согласен! — кричит аж в надрыв Разрушитель.

Все снова молчат, но не для того чтобы поржать через пару секунд над Разрушителем, а просто потому, что сильный кумир многих становится человечнее, он может бояться, как и все.

— А может нам, это самое, пойти воевать? — вдруг прерывает молчание Сорок пятый.

— О! Сорок пятый, дружище! Ты — живой! То молчал, а то вдруг выдал «гениальную» мысль! В принципе, не удивительно. Удивительно, что ты вообще выдал какую-то мысль — говорит, издеваясь, Двухсотый.

— Хорош стебаться! Пускай скажет. Сорок пятый! Почему нам стоит воевать? — спрашиваю я.

— Ну, мы же боимся все этой, как её, смерти, а вдруг в сражении мы не погибнем, — говорит Сорок пятый.

— Мысль здравая, дружище, частично здравая. Однако, ты не учёл следующее...а если другие погибнут? — спрашиваю я.

— Кто? — спрашивает Сорок пятый.

— Те, в кого ты будешь стрелять — отвечаю я.

— Ииии? Главное у нас шанс есть! Тут твой кореш намекал на то, что этот парень тупой, так нет, по сравнению с тобой он гений видимо! Мы останемся в живых, понимаешь?

Мы! — встревает в разговор Разрушитель.

— Ооо, мы останемся в живых? А на противников плевать? Хммм, интересно. А где же твой Зорговский патриотизм? Уже готов в своих стрелять? Так быстро сменил «родину»? — спрашиваю я.

— Ха. Ну ты и рассуждаешь, ну ты может правильно рассуждаешь, но странно как-то — говорит Разрушитель.

— Все эти вещи возвращаются бумерангом. Мне ли не знать, — говорю я.

— В смысле? — спрашивает Разрушитель.

— Я так потерял свой дом, — говорю я.

— Тут все потеряли свой дом, я вот, вообще, так на вражеской территории — говорит Разрушитель.

— Сочувствую, братан, ох, как сочувствую — говорит, стебаясь, Двухсотый.

— Ух, заткнись уже! — кричит на Двухсотого Разрушитель.

— Вы потеряли дома, да, но не так, как я — говорю я.

— А как же? Ты забыл координаты своего мира? Это не страшно, на космической попутке, глядишь, доберёшься, ха-ха — говорит Разрушитель.

— Тебе смешно? Тебе весело? — спрашиваю я не без раздражения.

— Конечно, смешно. Смешно, что ты считаешь свою проблему выше проблем остальных. Я, так вообще, не могу вернуться, скорее всего, возможно, буду предателем для Зорга. Вот так, а это тяжело, знаешь ли, осознавать, что до дома рукой подать, но там ты уже не свой, а значит: и это не твой дом больше, не твоя родина. Так решили за тебя — говорит Разрушитель.

— Ха, ты трезвеешь на глазах, начал кое- что осознавать, я вижу — говорю я.

— Иногда быть опьянённым лучше. Легче так жить — вдруг говорит Двухсотый.

— О! А кто был пьяный? — вдруг подаёт голос недалёкий Сорок пятый.

— Да вот, Разрыхритель — шутит над кличкой Разрушителя Двухсотый.

— Ну, ты у меня схлопочешь, дружище — весело говорит Разрушитель.

— Ладно, ладно, Разрушитель, Разрушитель, ха-ха — отвечает Двухсотый.

— Так это. А что ты пил? — спрашивает у Разрушителя Сорок пятый.

Наступает тотальное молчание во всех камерах. Все, конечно, понимают, что Сорок пятый это- та ещё неуклюжая личность, но чтобы не понять такую простую метафору...это выше всей нашей серьёзности и даже серьёзности той ситуации, в которой мы оказались.

— Аха-ха-ха! — раздаётся дикий хохот, после молчания, по всему коридору.

— Яяяя выпил зорговского вина — говорит Разрушитель, стебаясь над Сорок пятым.

— Ого! А где ты его достал? — спрашивает, не понимающий, что над ним шутят, Сорок пятый.

— У охраны. Перед завтрашним днём специально мне дал. Ну, знаешь, для храбрости, чтобы не обделаться в сражении от страха — говорит Разрушитель.

— Ахахаха! — все смеются ещё хлеще.

— Ты тоже можешь у охраны попросить — продолжает стебаться Разрушитель.

— Ахахахаха! — хохот раздаётся аж за пределы блока.

— Что вы ржёте? Заткнитесь уже! — кричит нам из-за входной двери охранник.

— Да так, ничего, над тобой смеёмся! Ахах — кричит охраннику Двухсотый.

— Слышь! Я сейчас зайду, и ты так посмеёшься у меня! — говорит охранник.

— Конечно, посмеюсь, имею право до завтрашнего дня! Тем более, что ты даёшь повод! — говорит Двухсотый.

— Что ты несёшь, утырок?! — спрашивает охранник.

— Да это не я несу, а ты...зорговское вино несёшь! — говорит Двухсотый.

— Ахахаха! — все ржут без исключения.

— Что ты несёшь? Вам тупым зэкам завтра преподадут урок. Клик, и вас нет! — кричит охранник.

— Твоя правда, скотина — говорит уже тихим голосом Двухсотый.

— Сто пятый! Так ты говорил про свой дом. Что там с ним? — спрашивает у меня

Разрушитель.

— Ты не захочешь этого знать — отвечаю я.

— Почему это не захочу? Я же спрашиваю. Значит...уже захотел, ахах — говорит

Разрушитель.

— Я рад, что у тебя, наконец, прорезалось чувство юмора, но...это и, правда, лучше никому не знать — говорю я.

— Сто пятый, брат, да ладно тебе, а вдруг эта история про твой дом как-то нам поможет, мы завтра, типа, не жильцы, если откажемся стать пушечным мясом. Но и в этом случае, возможно, не жильцы. Поэтому третий, более оптимистичный вариант был бы кстати — говорит Двухсотый.

— А с чего ты взял, что моя история поможет? — спрашиваю я.

— Ну, ты так говорил Разрушителю, будто из твоей истории можно извлечь какой-то урок для нашего положения — говорит Двухсотый.

— Ну, вообще-то да, можно — говорю я.

— Ну так...рассказывай — говорит Разрушитель.

— Да, рассказывай — подхватывает Сорок пятый.

— Остальные тоже хотят, чтобы он рассказал?! — обращается Двухсотый ко всем остальным зэкам.

— Рассказывай! — отвечают все хором.

— Ну хорошо! Хорошо! Вообще, мой мир...его уже нет — говорю я.

— Это как? — спрашивает Разрушитель.

— Его уничтожили — отвечаю я.

— Последний раз миры уничтожали...тысячи лет назад — говорит Разрушитель.

— Ну да, это правда — говорю я.

Жаль, что я из камеры не вижу выражения лиц всех своих друзей, но вот Разрушитель смотрит с недоверием и непониманием, непониманием того, зачем мне врать, если я это придумал.

— Ну хорошо, а...как назывался твой мир? — спрашивает решивший притвориться, что он поверил, Разрушитель.

Я думаю- сказать ли мне правду, или соврать. Про мой мир много нехороших, лживых легенд, легенд, оболгавших мою землю. Но я выбираю правду. На лжи далеко не уедешь.

— Асия! — произношу я.

Тотальная тишина наполняет блок. Теперь назад дороги нет. Я должен рассказать правду этим людям. Они — моя семья. Стали семьёй, и должны поверить мне. По-другому никак.

— Асия? Да что ты лечишь? — спрашивает недоверчиво Разрушитель.

— Да, Сто пятый, что ты лечишь? Может ты ещё того, этого....от боя не отошёл ещё? — спрашивает Двухсотый.

— Я говорю правду, и ты, Двухсотый, это знаешь — говорю я.

— Ага, блин, знаю! Я знаю одно....Асы были злобными существами, это были не люди, а демоны во плоти, их, вообще, нельзя было убить! Нельзя было....убить, — задумчиво заканчивает свою «тираду» Двухсотый.

— Ага — Произношу я многозначительно.

— То есть,...та рана в пустыне, что у тебя зажила....нееее, нееее, бред....Асов истребили! Всех! И очень давно! Их уже нет! — аж кричит Двухсотый.

— Эй вы, заткнитесь, на хрен! — подаёт голос за главной дверью охранник.

— То есть ты хочешь сказать, что тебе сколько? Две тысячи лет? — спрашивает Двухсотый.

— Пять тысяч, если быть точнее — отвечаю я.

Тишина снова окутала все камеры. В это нелёгкое время люди живут не более полутора тысяч лет, но это не Асия, ой, не Асия. В моем родном мире живут вечно, никто не умирал, никогда, никогда.....до того дня.

(воспоминания)

Мы с Отцом приближаемся к Сияющему дворцу. Это- повисший в облаках Азии белый, прекрасный замок. Поэтому мы добираемся до него на грифоне. Как всё красиво. Ни одни из обитателей огромной Вселенной не ценят красоту своего края, как мы, Асы. Невозможно не влюбиться в эти зелёные горы внизу, в эти песчаные пляжи, в этот безграничный океан, в это небо, в эти облака. Невозможно не влюбиться в нашу культуру, в наш кодекс чести, в стремление жить по совести, то, что мы передали многим народам Вселенной, и продолжаем передавать. На нас вся Вселенная держится- так говорит Папа. Но вот мы у подножия дворца. Посадочная полоса, вся сделанная из золота, встречает нас. Здесь много народу. Что за тревожные вести?

— Вивек! Здравствуй, дорогой! — Дядя Абхай зовёт Папу.

— Абхай! Здравствуй, дружище! Давно ты прибыл? — Папа отвечает на приветствие, обняв Дядю Абхая.

— Да только что. Прибыли все старейшины Азии, по всей видимости, — говорит Дядя Абхай.

— У меня дурное предчувствие — говорит Папа.

— Ты не одинок в своих чувствах, друг, возможно, у тебя большая компания по дурным предчувствиям сегодня — говорит Дядя Абхай.

— Ах-ах, это точно — говорит Отец с лёгкой ухмылкой.

— Ну, друзья мои, пойдёмте! Юный Васудева! Вы готовы к серьёзным заседаниям Азии? — шутливо спрашивает у меня Дядя Абхай.

— Конечно, Дядя Абхай! — отвечаю я.

— Ну вот и славно! Идёмте! — говорит Дядя Абхай.

Мы заходим в главные ворота. Какие же они гигантские! Отец рассказывал, что наши предки, основавшие Асию, были великанами, и этот дворец — их наследие. Мы — потомки

тех первых, которые прилетели из более дальних, более прекрасных миров. В нас течёт не просто их кровь, а их сила. Жаль, что они улетели тогда. Они могли творить миры. Потому они и не остались, что обязаны сотворить как можно больше прекрасного, и оставить как можно больше светлого, чистого потомства. Быть может, в других Вселенных и есть наши родичи, а мы о них даже не знаем, как и они о нас.

— Итак, мы начинаем экстренное совещание старейшин Азии! — говорит громко белобородый вождь всей Азии Золий.

В зале огромное количество людей, которых я не знаю. Кто они?

— Кто они, Папа? — спрашиваю я у Отца, указав на этих незнакомцев.

— Это...своеобразные старейшины из мира Конман — отвечает Папа.

— А почему своеобразные, Папа? — спрашиваю я, еле-еле сдерживая смех, который вызывает это название.

— Просто у них не совсем как у нас всё устроено, сынок. Они многому учились и учатся у нашего мира, но...не всегда успешно — отвечает мне Отец.

— Итак! К нам прибыла делегация сената мира Конман! Давайте выслушаем их! Предоставляю слово верховному сенатору Сакуру! — объявляет Золий.

В центр зала выходит человек в красном плаще. На его голове густые седые волосы. На лице лёгкие морщины. При этом у него ухоженная, короткая борода.

— Пытается не выглядеть старым — заметил шёпотом Отец.

— Ха-ха! — замечание Папы вызвало у меня невольный смех.

— Тихо! — сказал мне улыбающийся Отец.

— Уважаемый Вождь Азии Золий, уважаемые старейшины, уважаемые прекрасные жители Азии! Вы всегда были нашими помощниками, нашими друзьями, нашими учителями. Наши миры неразрывно связаны. Ваша доброта, доброта вашего мира не имеет границ! — начинает речь этот сенатор, но вдруг как будто запинаясь.

— Продолжайте, сенатор Сакур. — тихим успокаивающим голосом говорит Вождь Золий.

— Я хочу сказать,...что мы — сенаторы Конмана хотим сказать, что мы в беде! Наш мир в беде! Мир Фархута собирается напасть на нас! — говорит Сакур.

— Сенатор Сакур, как так получилось, что вы не смогли договориться с их старейшинами. Да, они — строгие, не в меру фанатичные, но они придерживаются кодекса чести и ненасилия даже больше, чем вы. И тут нечего обижаться- это справедливое утверждение, на мой скромный взгляд! — говорит Вождь Золий.

— Да, справедливое, Великий Вождь, но мы не можем отвечать за весь наш мир, да, мы не идеальны, может, плохо учимся у совершенных миров, как Асия, например, но Фархут не научился главному, терпению и доброте! — говорит Сакур.

— Это очень дерзкое заявление, сенатор! — раздражённо говорит Золий.

Весь зал в недоумении. Уже давно не было никаких войн, ни наземных, ни космических. Почему так? Почему сейчас это происходит?

— Вождь Золий! Вождь Золий! У меня срочная весть! — раздаётся крик на весь дворец.

В ворота вбегает запыхавшийся человек и устремляется к Вождю Золию.

— Спокойно, Гром, спокойно, подойти! — говорит Золий.

Этот парень подходит к нашему Вождю и что-то шепчет ему на ухо. Вождь слегка меняется в лице.

— Теперь иди — говорит Золий этому парню и делает провожающий жест рукой.

— Сейчас мне сообщили, что огромное количество военных звездолётов Фархута приближаются к миру Конман! — говорит Вождь.

Весь зал в недоумении. Зачем Фархуту это нужно? В чём причина? Неужели лишь из-за того, что на Конмане так и не научились жить по кодексу? Но ведь и это нападение- тоже не по кодексу!

— Предательство — говорит Папа шёпотом.

— Папа, ты про что? — спрашиваю я Отца.

— А, не важно, сынок — говорит Папа.

— Вот видите, Вождь Золий? А вы мне не верили! — говорит сенатор.

— Верховный Вождь! Разрешите обратиться! — говорит Отец.

— Обращайся, Вивек! — отвечает Вождь.

— Мне, кажется, старейшины Азии должны обсудить это отдельно! — говорит Папа.

— Что тут обсуждать! Послушайте! Жизни Конмана в опасности! — резко прерывает моего Отца сенатор Сакур.

— Сенатор Сакур! Это займёт немного времени. Не переживайте! Мы не допустим войны! Просим вас и остальных сенаторов Конмана удалиться на несколько минут! — говорит Вождь.

Сенаторы уходят из зала. Возможно, подождут на посадочной площадке.

— Что ты хотел сказать, Вивек, мы все тебя слушаем — спрашивает Золий.

— Верховный Вождь, я чувствую здесь подвох — говорит Папа.

— Ты это чувствуешь внутри? — спрашивает Вождь.

— Да, Верховный, внутри — отвечает немного нервно Отец.

Глаза вождя спокойно осматривают зал и вдруг останавливаются на мне. Я чувствую эту бьющую током энергетику взгляда Вождя. Но одно мгновение- и Вождь Золий улыбается. Я не могу сдержать улыбку в ответ.

— Подойди, дитя! — говорит мне Вождь.

Я робко подхожу к нашему лидеру. Он гладит меня рукой по моим темным волосам на голове.

— Ты ведь Васудева, да? — спрашивает Вождь.

— Да — отвечаю я.

— Знаешь, если бы не твой Отец, то многого бы у меня не получилось. В тебе невероятная сила. Возможно, не каждый Ас обладает такой силой — говорит Вождь.

На лице вождя- грустная улыбка, он будто знает то, чего не знают другие.

— Вивек! — обращается Вождь к моему Отцу.

— Да, Верховный! — отвечает Папа.

— Бери всю свою семью а также Абхая и летите на Конман! Будете переговорщиками! — отдаёт приказ Вождь.

— Переговорщиками? Но Фархут же готов напасть на Конман! Они, наверняка, не стремятся к переговорам! К тому же, зачем мне брать всю семью?! — взволнованно спрашивает Папа.

— Всё будет хорошо, Вивек, летите! — говорит Вождь.

— Но Верховный! — пытается что-то сказать Отец.

— Летите! Верь мне! — настаивает Вождь.

Ну вот, проходит часов пять, мы всей семьёй, и Мама, и Папа, плюс Дядя Абхай, летим в сторону Конмана на Папином звездолёте. Вокруг лишь чёрная материя космоса с

глядящими из неё на нас звёздами.

— Абхай, я ничего не понимаю: армия Фархута хочет напасть на Конман, а мы летим одни, без всякой армии заступаться за этот самый Конман! — раздражительно говорит Отец.

— Вивек, успокойся. Вождь никогда не ошибается, на то он и Вождь, что его чувствительность событий, прошлых, грядущих, на порядок выше, чем у нас — говорит Дядя Абхай.

— Знаешь, порой это пугает — говорит Отец.

— Не пугайся. К тому же вряд ли там армия целая, ну пара десятков звездолётов, подумаешь — говорит Дядя Абхай.

Вот мы подлетаем к Конману, пустынной жёлтой планете, которую окружили около двухсот звездолётов Фархута.

— Что ты там про пару десятков звездолётов говорил, Абхай? — спрашивает иронично мой Отец.

— Аааа, что ты спросил? — спрашивает Дядя Абхай, даже не расслышав вопрос Отца из-за удивления.

— Так, ладно, кто у них там генерал? — спрашивает Папа.

— Желус, генерал Желус. Подлети вон туда, к тому звёздному штабу, наверняка, он там — говорит Дядя Абхай.

Мы летим через всю армаду звездолётов к одному большому штабу, он выглядит, как самый большой звездолёт с плоской посадочной площадкой.

— Так, надо включить эфир — Отец нажимает на зелёную кнопку на верхней панели нашего звездолёта и включается радиовещание.

Видно, что Отец призадумался. Дядя Абхай, моя Мама и я — все мы смотрим на него, ожидая какого — то действия. Дядя Абхай толкает Отца в бок. Папа резко «пробуждается» от взгляда на одну точку в пространстве.

— Граждане Фархута, нас прислал Вождь Азии- Золий! Нам необходимо поговорить с генералом Желусом! — громко произносит Папа.

— Граждане Азии! Приземляйтесь на посадочную площадку! Генерал Желус вас ждёт! — внезапно звучит «эфирный ответ» со стороны звёздного штаба.

— Неожиданно! Надеюсь, это не обман — говорит Папа.

— Если б нас надо было убить, то уже бы это сделали, Вивек. Шансов у нас и так ноль, посмотри вокруг — говорит Дядя Абхай.

Наш звездолёт приземляется на площадку. Автоматически включается искусственная сила тяготения и открытое для космоса пространство посадочной площадки накрывается куполом из тонкой плазмы, чтобы мы могли дышать внутри неё. Открывается центральная дверь, ведущая в сам штаб, и оттуда выходит, видимо, тот самый генерал Желус с небольшой охраной из четырёх человек.

— Приветствуем вас, великие граждане Азии. Мы вам всегда рады! Скоро пребудет ваша армия? — спрашивает генерал Желус.

— Армия? — отвечает вопросом Отец.

— Да, армия, чтобы вместе напасть и обезвредить Конман — уточняет генерал.

— Обезвредить? — снова спрашивает Отец.

Вдруг всё вокруг нас заполняется слепящим светом, со всех сторон нарастает оглушающий шум, я поворачиваюсь в сторону источника этого шума и света и вижу в отдалении, как летят на нас каменные горящие астероиды, вернее, какие-то глыбы, очень

похожие на астероиды, всё это движется со стороны нашего дома, со стороны Азии. Я не понимаю- что это? Отец, Мама и Дядя Абхай испуганно смотрят в ту сторону, кажется, что из их глаз вот-вот потекут слёзы. Что это? Что это значит? Дома больше нет?! Бах! Что-то сильно ударяет меня по голове, и я проваливаюсь в какую-то черноту. Очнувшись, я вижу вокруг пустыню. Я стою на коленях со связанными руками. Справа от меня- Папа, также на коленях, его лицо в синяках, ещё Мама, она тоже избита, и Дядя Абхай такой же. Кто это сделал?

— Папа, что происходит? — спрашиваю я.

— Заткнись! — кричит кто — то и несильно бьет меня сзади по голове.

— Вот сволочи, а! Не трожьте ребёнка! — кричит Мама.

— Ты хочешь, чтобы маленький Ас увидел смерть впервые в жизни? Смерть Матери, ха-ха! — говорит знакомый голос сзади.

Перед нами появляется знакомый человек, это же посол Конмана!

— Посол Сакур?! Что происходит! — спрашивает Отец.

— Происходит то, что должно было произойти. Новый мир. Мир Конмана вместо мира Азии! Мир приземлённого существования, мир сбывшихся потаённых желаний! — начинает говорить Сакур.

— Посол Сакур,...- пытается что-то сказать Отец, при этом слегка приподнявшись с колен.

Солдат, стоящий позади Отца, с размаху бьет его по шее лазерной дубинкой.

— Я уже не посол, теперь лидер, ха-ха, лидер Конмана — говорит Сакур.

— Переворот- ты сверг ваше правительство — говорит Отец, злясь, сквозь зубы.

— Да, сверг путём доверия, путём обмана, путём того, на что вы, Асы, не пошли бы; нам надоели ваши нудные нравоучения о гармонии, созидании и прочем. Мы хотим разрушать и править. Мы не хотим быть учениками! Да к тому же нерадивыми учениками, коими нас называет ваш Вождь Золий. Ой! погоди! Я сказал- называет? Называл. Ха-ха! Называл в прошлом. Его ж теперь нет. Как и всей Азии — говорит Сакур.

Лицо Папы искажается гримасой ненависти и боли, Мама уже плачет навзрыд, Дядя Абхай просто смотрит в одну точку на песке с потерянным видом.

— Да, да, Асы, плачьте. Ведь какие чудеса может сотворить необратимая ярость, летящая на ультра-ядерной ракете, ха-ха! — издевается над нами Сакур.

— Ты, тварь! Я убью тебя! — с криком кидается на Сакура мой Папа, но стоящий позади него солдат снова бьет лазеркой, и Папа падает.

— Знаешь что это? — Сакур достаёт из кармана какой — то пульт белого цвета.

Отец просто смотрит ненавидящим взглядом на вчерашнего посла Конмана.

— Это- специальный пульт, если я на него нажму, то тебя не станет, ты распадешься на атомы, а может, я нажму на другую кнопку пульта, и распадется на атомы твоя жена, твой друг Абхай, твой сын. Мы не сидели без дела на пути к свободе, мы воровали ваши научные достижения и перестраивали их под свои нужды. Ох, как же хорошо быть свободным от морали, от азиатской морали. Весь мир, будто принадлежит только мне. А он и будет принадлежать мне. Уже очень скоро, Ас, ха-ха, уже скоро. Ну а вас продадут в рабство, в разные концы Конмана, а может, в разные концы системы, кто знает? Отвезти Вивека- в северную часть, его жену — в южную, сына — в восточную, Абхая- в западную! — приказывает Сакур.

Солдат, стоящий позади меня, берёт меня за локоть и уводит куда — то прочь, я

чувствую настоящий страх, я чувствую, что меня лишают самого драгоценного.

— Нет! Мама! Папа! Нет! — Я кричу со слезами на глазах своим родителям, которых тоже куда-то уводят другие такие же солдаты.

— Сын! Помни, кто ты! Ты- Ас! Помни это! Васудева! Мы найдём тебя! Найдём! — кричит Папа.

(конец воспоминаний)

По моим щекам текут слёзы, если в моей жизни и было самое ужасное событие, то гибель Азии и потеря родителей, всё это вместе и было то самое страшное событие. Я чувствую, что парни поняли мой рассказ, мою историю. По всей системе уже много столетий идёт лживая пропаганда про «злобную асию», про то, как мы, Асы, поработали другие миры, истребляли их культуру и, вообще, мы- «воплощение зла». Какая ложь! Наглая ложь! Мы несли свет добровольно, никого не принуждая, и тот же Конман жил, как хотел, но их одиночество съедало их, съедало их то, что они единственные, кто отказался от света, им хотелось, чтобы все познали их нескончаемую ненависть, их беспричинный гнев. Им не хотелось созидать, а хотелось разрушать, захватывать силой. Конечно, ведь разрушать всегда проще, чем созидать. Они увидели, что эксплуатируя других, можно начать беззаботную жизнь, но чем была плоха жизнь с кодексом Азии? Да тем, что всё- на равных, всё- общее для каждого в его мире, надо лишь трудиться, уметь общаться со своим миром, а им хотелось красть чужое и затем заставлять других завидовать им и сомневаться в своей честности. А кодекс Азии не давал им на всё это никакого права, поэтому мы стали лишними в их системе координат. Так что скажут парни в ответ на мою историю?

— Слушай, Сто Пятый, или как тебя там? Васу....Васу....- пытается выговорить мое настоящее имя Двухсотый.

— Васудева — помогаю я ему.

— Да, он самый, так вот, с чего это мы должны верить в это всё? Ну в это, что ты сейчас так красочно описал? — спрашивает Двухсотый.

— Так ты же веришь, что я Ас, ты сам говорил, помнишь мою быстро затянувшуюся рану? — спрашиваю я.

— Да, я может и верю, что ты какой- то там оставшийся или потомок их или один из оставшихся Асов, но.... — говорит Двухсотый.

— Никаких но! — вдруг прерывает Двухсотого Разрушитель.

— Почему это никаких но? — спрашивает Двухсотый.

— Слушай, помолчи, а. Дай умному человеку сказать. Твой друг ведёт себя не так, как многие в нашем дерьмовом, без всякого преувеличения, мире. Он рискнул своей свободой ради тебя, когда я тебя вырубил, помнишь? Накинулся на меня, словно дикий зверь. Я много всяких историй про Асов слышал, и все они одинаково хреновые, полные бреда, если честно, но ни одного Аса, до него, я не знал в своей жизни, как и не знал ни одного благородного человека, до встречи с ним, опять же. И я уверен, что ты, Двухсотый, видел другие примеры благородства Васу.... Васу.... — говорит Разрушитель.

— Васудевы — говорю я с улыбкой.

— Да — говорит Разрушитель.

В камере наступает тишина. Парни задумались, сильно задумались. Я это почувствовал.

— Слушай, ну так, как валить будем отсюда? — вдруг прерывает всеобщее молчание Двухсотый.

Такое нарушение покоя мне по душе, конечно. Диалог, идущий, как раньше, как ни в чём ни бывало.

— Нужен план. Решение, разумеется, мы должны принять все вместе — говорю я.

— Ну, я как-то на другое и не рассчитывал. Думаю, остальные также — говорит Двухсотый.

— Короче, план таков: мы поднимаем тут дикий ор, например, начинаем с Разрушителем спорить о результате нашего боя, он начинает кричать на меня- мол, тебе повезло, ещё бы чуть- чуть, и я бы тебя урыл... — говорю я.

— Ну так оно и есть, ещё б чуть-чуть, и я бы тебя урыл — говорит Разрушитель.

— О! Молодец, скажешь так- один в один, только с чувством, с гневом — говорю я.

— Я тебе не актёр — говорит Разрушитель.

— Ну, просто разозлился и всё, хорошо? — говорю я Разрушителю.

— Хорошо — говорит Разрушитель.

— Так, дальше сюда придёт бригада, вооружённая лазерными дубинками, — продолжаю я излагать план.

— Ты хотел сказать волшебными пультами для расщепления наших жалких туловищ на ещё более жалкие молекулы? — перебивает меня Двухсотый.

— Нет, именно дубинками — говорю я.

— Погоди, погоди, но Флор приказал охране....- начинает возражать Двухсотый.

— Ничего они не сделают. Про пульта забудь — говорю я уверенно.

— Послушай Васу....Сто пятый, это большой риск. Может твоя регене...как её там?! Супер-мега-заживление, короче, может и на эти сраные пульта распространено тоже? — говорит Двухсотый.

— Нет, брат, если меня расщепят, то назад дороги нет — говорю я с улыбкой.

— Аaaa, ну хоть в этом ты не сверхчеловек. Так с чего ты взял, что пульта не будут использованы? — спрашивает Двухсотый.

— С того, что мы нужны им для этой массовой заварухи. Мы- супервоины, самые сильные в системе. Мы не просто бойцы, мы не просто спортсмены. Все мы — сверхлюди, а не только я один — говорю я.

— А, ну да, мы — сверхлюди. Утешил — говорит с сарказмом Двухсотый.

— Этот турнир был лишь прикрытием. Они просто заманили нас сюда, в это место и поставили перед выбором: либо война за тех, за занавесом, либо смерть — говорю я.

— Блин, я не шестёрка, я чемпион — растроено говорит Разрушитель.

— Уже нет — еле сдерживая смех острит Двухсотый.

— Чё ты там вякнул? — спрашивает Разрушитель у Двухсотого.

— Ой, прости, вырвалось — слегка оправдывается Двухсотый.

Слушая этот не имеющий отношения к делу, но забавный трёп я встряхиваю головой и, приведя, таким образом, свои мысли в порядок, продолжаю излагать план.

— Вобщем, когда охрана зайдёт, то задача наша лишь одна — чтобы от каждого исходила угроза для охранников, тогда и начнём рубилово, нас чуть меньше, чем их, но мы

бойцы, а они нет; после этого отнимаем дубинки, берём их в заложники и требуем Флора к разговору — говорю я.

— И всё? Это весь план? — спрашивает Двухсотый.

— А ты чего ожидал? Сложно- не всегда гениально — говорю я.

— Ага, а твой план прям пахнет этой самой гениальностью аж через мою лазерную решётку — говорит Двухсотый.

— У тебя есть идея получше? — спрашиваю я.

В ответ прозвучало индивидуальное согласие Двухсотого в виде молчания.

— Ага, я так и думал. Может, у кого — то ещё есть иные идеи? — спрашиваю я.

В ответ та же реакция, что и у Двухсотого, вернее, такое же отсутствие реакции.

— Так мы это....должны драться???? — вдруг прерывает молчание наш любимый глупый здоровяк Сорок пятый.

— Да, дружище, как зайдёт охрана, как пропадёт твоя лазерная стена, так начинай мочить охранников — говорю я.

— Чем мочить? У меня нет воды. Блин, пить так хочется....и мороженого тоже — говорит Сорок пятый.

— Мочить, мутузить, метелить, блин....- пытается объяснить Двухсотый.

— Бить. Он хочет сказать бить, Сорок пятый, просто начинаешь их бить. Понял? — говорю я.

— Да, и после этого у тебя будет уйма воды и мороженого, здоровяк, — говорит Двухсотый.

— Честно? — спрашивает с детской наивностью Сорок пятый.

— Честно- пречестно, малыш, — говорит с ноткой стёба Двухсотый.

— Да, главное- бей охранников — говорю я.

— Хорошо — говорит Сорок пятый.

— Ну что? Теперь давайте воплощать план в действие. Эй, Разрыхритель! Ну что? Болят головка- то? — начинаю я «наезжать» на Разрушителя.

— Чего?? — не сразу догоняет Разрушитель.

— Отвечай мне оскорблениями, балда. Всё, мы начали уже — говорю я.

— Аааа....это, у меня всё в порядке! Как твоя голова, Сто пятый? — говорит Разрушитель.

— Моя- то в порядке! Ты уверен, что твоя в норме?! Я ж тебе её с лёгкостью отбил! — «наезжаю» я чуть серьёзнее.

— Нет, это я тебе её отбил! В смысле....твою голову отбил! Не свою! Понял? — кричит Разрушитель.

— Злобно, Разрушитель, злобно, слишком мягко выходит — говорю я чуть тише.

— А, эмм....я тебе ухо сломаю, как только выйду отсюда! — более злобно кричит Разрушитель.

— Да, да, давай ещё громче — шепотом говорю я.

— Я тебе ключицу сломаю! Я тебя уничтожу! Я тебя, я тебя... — не успевает договорить Разрушитель.

Звук открывающейся главной двери прерывает гневную «актёрскую игру» Разрушителя и в неё входят: Флор неожиданно, Энн более неожиданно и вполне нами ожидаемо — пятеро охранников.

— Флор, я тебя уверяю, Сторм не будет против, более того, он будет доволен — Энн в

чём-то убеждает Флора.

— Ну, хорошо, хорошо. Но, в случае чего, я скажу, что это твоя идея — говорит о чём-то непонятном для всех нас Флор.

— Договорились, начальник, — говорит с улыбкой Энн.

— Отключить лазеры! — Флор даёт команду охране.

Охранники нажимают пару кнопок на специальных пультах, и лазерные заслоны пропадают на всех камерах.

— Итак! Ребята, мы поговорили с Энн. Она вроде бы как утверждает, что вы готовы на некий компромисс, поэтому мы поведём вас обратно в спортзал, чтобы более подробно обсудить все детали — говорит Флор.

Энн смотрит на ошалевшего меня и подмигивает с выражением лица- мол, «я же говорила, что у меня всё схвачено».

— Мочить охрану! — явно не вовремя совершает прыжок из своей камеры Сорок пятый в сторону пяти охранников.

— Нет! Сорок пятый! — кричу я, пытаюсь остановить нашего несообразительного, но не в меру исполнительного товарища.

Сорок пятый в прыжке хватает двух охранников за головы и бьёт их друг об друга. Они, разумеется, падают, как мешки. Я же в прыжке падаю на остальных. Ничего не поделаешь, впрягаться за друзей, даже тупых, у меня на автоматическом режиме. Энн орет, как ненормальная.

— Вы что творите, идиоты!?! — кричит Энн.

Ещё чуть-чуть и Энн прокричит что-то вроде- «я уже за вас договорилась или у меня было всё на мази, а вы всё просрали». Я, прям, чувствую, что она хочет закричать именно это, но пока что всё ограничивается криками о том, что мы недоразвитые и слабоумные. В чём-то она права. И молодец, девочка, не сдаёт до последнего необходимый для нас план. Вот чувствую, что этот план у неё есть. То есть был. Был да сплыл, как в Азии говорили. Но, возвращаясь к нашей тупой драке. Я хватаю двоих, каждого за пояс, подбрасываю в воздух и в фееричном сальто даю с обеих ног обоим по их задам. Пятый охранник смотрит на нас всех с испуганным видом, а так же Флор...Флор, аааа, Флорчик, наш дорогой начальник, про такую важную персону нельзя забывать. Он не кричит, не говорит, даже не пищит и не скулит, а просто стоит с глазами приоткрытыми к казни. Похоже, он даже не думает вызывать подмогу или типа того. Он просто стоит и боится даже моргнуть. Вид человека, понимающего, что с ним вот-вот произойдет что-то ужасное и, главное, понимающего, что произойдет это за дело. Весь его жизненный опыт в этом испорченном мире, который начал деградировать сразу после падения Азии, говорит ему, что если тот, кому ты навредил, достигнет тебя во всеоружии, то ты уже не жилец. И неважно, раскаиваешься ты при этом, или нет. Только одна оговорка здесь: в этом испорченном мире, но не там, где свет.

— Предлагаю захреначить этого уroda, и всех остальных тоже — говорит беспощадный Разрушитель.

— Ага, я присоединяюсь к столь заманчивому предложению с одной оговоркой... малышку Энн не трогать, ну,...в смысле...в плохом смысле не трогать — говорит Двухсотый.

— Какая я тебе малышка? И имя моё откуда ты...и что ты там про «трогать» нёс?! — пылит не на шутку Энн.

Энн в этот момент смотрит на меня, понимая откуда растут корни знаний Двухсотого о

её имени.

— Ты ему сказал, да? — спрашивает у меня Энн.

— Энн, послушай, там такая ситуация была, понимаешь, я как бы крикнул «Энн» и он услышал — оправдываюсь я.

— Ага, значит, услышал?! — говорит смелая и очень сердитая Энн.

— Да помолчи ты! Нас сейчас грохнут! Понимаешь?! Грохнут! А тебя волнует, кто что сказал или как назвал тебя! — резко выдаёт нервную тираду начальник Флор.

— Вот так хорошо, когда он молчал, а тут разок что-то выдаёт и такие помои! Надо заставить его замолчать навсегда! — говорит Разрушитель и замахивается для нокаутирующего бокового удара на Флора.

Я, резко, имитируя такой же боковой удар, останавливаю своей рукой руку Разрушителя.

— Мы никого не убьём! Иначе зачем нам валить от всего этого? Пойдем тогда воевать. Наубиваешься там — говорю я Разрушителю.

— Слушай, Разрушитель, ну он нам, минимум, нужен, типа, как заложник — говорит Двухсотый.

— Заложник? Блин! Дожился! — говорит почти в слезах Флор.

Разрушитель, глядя на меня, по обыкновению, со свирепым видом, опускает свою руку.

— Я хочу обратиться ко всем своим братьям. А вы для меня именно братья. Мы другие. Мы — отрекшиеся от войны, от бессмысленной войны, которая грядёт. Поэтому мы не должны никого убивать. Защищаться и отстаивать свои интересы можно, не отнимая жизнь. Поверьте мне! Я выжил, не отнимая жизнь! И вы сможете! — говорю я.

— Не отнимая ни одной жизни, выживать в межгалактическом отстойнике? Мне кажется, ты просто врешь, Васудева! — говорит Разрушитель.

— Без запинки произнес моё имя. Значит, ты мне веришь, веришь, что я говорю правду, Разрушитель — говорю я, улыбаясь Разрушителю.

— Отар — вдруг произносит Разрушитель.

— Что? — спрашиваю я.

— Моё имя- Отар — отвечает Разрушитель.

— Хорошо, Отар. Будь...помягче — говорю я.

— Не хотелось бы прерывать вашу идиллию, но каков план? Снова ты решишь или всё-таки организуем народное собрание или типа того? — спрашивает у меня Двухсотый.

— Послушайте, ребята, вы совсем тупые?! — вдруг подаёт свой раздражительный голос Энн.

— Эй, женщина, думай, что говоришь?! — жёстко реагирует на слова Энн Отар-Разрушитель.

— Тихо, Отар, тихо, спокойно — говорю я Отару.

— Да, да, помягче, пожалуйста — говорит всё ещё напуганный Флор.

— А ты заткнись — говорю я Флору.

Флор, понимая, что он не в той ситуации, чтобы возникать, замолкает, состроив обиженное лицо как у ребёнка, у которого отняли игрушку.

— Послушайте, парни, я уже договорилась с начальником Флором, что вы вроде бы как не против того, чтобы чуточку пострелять, посшибать пару солдатских бошек.... — говорит Энн.

— Чуточку пострелять? — я в недоумении.

— Подожди, дай договорить....я имею ввиду, что вы не против на определённых

условиях... — говорит дальше Энн.

— На каких ещё условиях? Никаких условий! — пылит Отар — Разрушитель.

— Никаких условий! — резко скандируют все ребята.

— Да дайте же договорить!!!! — кричит в истерике Энн. От волнения у нее на лице выступили капельки пота, что, впрочем, совсем ее не портит.

— Теперь я могу до конца договорить, а? — спрашивает Энн.

— Да. Договаривай — говорю я.

— Ну, договаривай — говорит Отар.

— Да, это самое, договаривай — говорит Двухсотый.

— Спасибо. Так вот, Флор сделал бы просто объявление сейчас вам лично, что ждёт вас в спортзале, куда отвела бы вас я, потому что вы мне доверяете — говорит Энн.

— Мы тебе доверяем?? Аааа, а если- нет — возражает Двухсотый.

— Я так ему сказала, что доверяете — поясняет Энн.

— А, ну раз ты так сказала, ну тогда всё нормально — говорит с сарказмом Двухсотый.

— По пути я бы шепнула на ушко Сто пятому, что у меня есть план, что я обхитрила Флора — говорит Энн.

— Чего??? Ах ты... — возмущается Флор.

— Заткнись! Дальше что, Энн? — говорю я.

— Дальше, ты бы, которому они все реально уже доверяют, контролировал бы ситуацию, чтобы во время пламенных речей Флора, никто из них на него не кинулся и ничего бы не испортил. Потом, после переговоров- я бы! Я, блин, одна провела бы вас наружу на пункт сбора, где открытая, блин, пустыня, и вы бы сбежали просто! Там, кстати, и космолёт один стоит старенький, ни кем не охраняемый, но на лету...навверное. И, если из вас есть прирождённые пилоты, то могли бы и на нём улететь. Хотя это...менее надёжно. Но уже всё не важно, потому что вы, идиоты, всё изгадили, весь план! — кричит на нас Энн.

Я смотрю на Энн и понимаю, что мы облажались. Вот бывает же такое, что не вовремя, не своевременно, ни капли ни впопад. Так вот, это про сегодня. Завтра ещё больше ни впопад, разумеется, однако, для нас завтра могло бы быть уже другим, пускай не идеальным, но хотя бы без войны. Эх, Сорок пятый, если бы ты не был таким послушным и не прыгнул бы на охрану....

— Погодите, а что мешает воплотить этот план в действие сейчас? — спрашивает Двухсотый.

— В смысле? Флор всё теперь знает — говорю я.

— Ну, он знает, а что мешает ему подыграть нам? — говорит Двухсотый.

— Ну, как видишь, Флор умеет поднимать истерику в безвыходных для себя ситуациях — говорю я.

— А может мы ему это...рот заклеим — вдруг говорит непутёвый Сорок пятый.

— Чем ты ему заклеишь? И даже если заклеишь то что- идёт такой Флор по коридору с нами в спортзал с заклеенным ртом...ничего не вызывает подозрения. Обычный день начальника Флора — говорит Отар-Разрушитель.

— Ребята, не надо ничего заклеивать. Я буду молчать. Вернее, я хочу сказать, что я подыграю вам, правда. — говорит Флор.

— И мы должны поверить тебе после твоего предательства? — говорю я.

— Я помогу вам — говорит Флор.

— Как?! — спрашиваю я раздражённо.

— Я знаю способ, как сделать вас неуязвимыми для этих дебильных пультов расщепления — неожиданно заявляет Флор.

— Что ты сказал? — спрашиваю я.

— Я сказал, что знаю способ как сделать вашу жизнь независимой от молекулярных пультов — отвечает Флор.

— Это я слышал! Откуда ты это можешь знать? Это, вообще невозможно. Ты что будешь уничтожать все пульты, которые есть здесь в тюрьге? — говорю я.

— Нет. Зачем? — спрашивает Флор.

— А за тем, что другого способа я не вижу. Пульты в целом воздействуют на молекулы наших тел. Их изначально изобрели под человеческий организм — отвечаю я.

— Нет, Сто пятый, нет! Это обман, чтобы было проще вас контролировать. В каждом из вас есть специальный молекулярный шарик под кожей. Его микроручи посылают импульс по всему телу в случае нажатия на пульт и тебя будто и не было, — говорит Флор.

— Замечательно. А я всё время верил в «великую силу» пульта. А оказывается в меня просто вживили какую-то круглую хрень — возмущается Двухсотый.

— Теперь вы видите? Они настолько боялись, чтобы мы чувствовали себя свободными, захотели стать свободными, что ввали даже насчёт сраных пультов! Просто боялись, что мы, каждый из нас будет готов преодолеть жуткую боль и вырвать у себя из тела этот шарик или что там у нас внутри! — очень эмоционально говорю я.

— Ладно, хорошо, у нас под кожей шарики там какие-то. Мы узнали правду. Bravo. Бурные овации за откровенность, начальник Флор. Дальше что? — спрашивает у Флора Двухсотый.

— В смысле что? — не понимает Флор.

— Где под кожей?! — кричит Двухсотый.

— Ну, не знаю, в разных местах. Где, это, ну частенько чувствуется зуд, там и шарик — отвечает Флор.

— Зашибись, то есть если у меня задница чешется, то мне стоит поискать там шарик? — спрашивает Двухсотый.

— Да не знаю я — говорит Флор.

— Мальчики, я могу вам помочь — говорит Энн.

— Дорогая, правда? Ты поищешь на нас шарик? Мммм.... — говорит Двухсотый.

— Эй, полегче — делаю я замечание Двухсотому.

— Ещё раз назовёшь меня дорогой или ещё каким-нибудь ласковым словом, я тебя зарежу вот этим — говорит Энн и показывает напильник для ногтей.

— Что это?? — спрашиваю я.

— Моя вам помощь — улыбаясь, говорит Энн.

Я держу в руках напильник для ногтей от Энн. Не то чтобы я боюсь боли, но то, что неприятно из себя вырезать всякую хрень...-вот это действительно неприятно, я же не хирург, ну да ладно, где у меня там чешется, ага, на руке, в районе предплечья, значит сейчас я эту хрень достану. Таааак, нажимаю напильником на область....

— Эээээ! — я слегка вскрикиваю от боли.

Энн смотрит на меня с некоей материнской жалостью, но при этом с оттенком восхищения, я бы сказал. А ещё в её взгляде можно прочесть удивление, что-то вроде: «я же пошутила, я ж несерьёзно про напильник», и так далее. Но уже поздно, я уже проникся безобидной дамской штучкой под кожу, пол заливает кровью.

— Аааай, всё, достал — говорю я, вынимая изпод кожи маленький, серебряный, окровавленный шарик.

Я бросаю шарик на пол и давлю его ногой. Только жалкий треск слышен от вполне весомой возможности меня убить.

— Ну, кому передать идеальное оружие пыток? — говорю я с сарказмом.

— Смотрите! Его рука! Она заживает! Рана затягивается! — говорит удивлённый Отар-Разрушитель, впервые увидев процесс регенерации.

— Ага, мы это кино уже видели! Давайте думать, как нам без этой суперспособности повырезать из себя всякие там шарики. Хорошо, что всё таки зуд у меня не в заднице, а то я уже стал прислушиваться к своему телу — говорит Двухсотый.

— «Ну, а я ничего не видела! Как эта рана у тебя зажила? Что это?! Ты что, типа, бессмертный?!» — очень эмоционально говорит Энн.

— Да, и мне интересно это, и...даже обидно, в какой-то степени, я дрался с бессмертным Асом и дрался достойно. Учитывая отсутствия баланса в равновесии сил в нашем бою, я выиграл всё-таки! — встревает в разговор Отар-Разрушитель.

— Погодите, Ас?! В смысле? Ас это что из древности, из легенд?! — говорит неожиданно осмелевший Флор.

— Ас?! Серьёзно?! Их же нет уже давно! — подхватывает Энн.

— Так! Замолчали все! Не время сейчас! Парням надо избавиться от этих сраных шариков! — громко говорю я.

— Хорошо! Но мы вернёмся к этому разговору, так как я рискую многим, помогая... — говорит Энн.

Мой взгляд останавливается на Энн, не договорившей фразу. Она смотрит на меня таким взглядом, что я ощущаю, будто электрический ток проходит между нами.

— «Помогая...вам всем» — наконец заканчивает фразу Энн, с трудом отведя от меня взгляд.

Двухсотый стоит возле одной из камер со скрещенными на груди руками и мило улыбается, глядя на нас с Энн.

— Голубки, не хочется вас прерывать, но давайте всё же решим, как облегчить нам всем жизнь...это я про шарики такие малюсенькие у нас под кожей, если что, — говорит Двухсотый.

— А чего тут решать? Брать этот напильник для ногтей, и за дело — говорит Отар-Разрушитель.

— Ага, может ты тоже обладаешь таким же типа даром, как Васудева, он же Сто пятый, и можешь зашиваться автоматически, но я уж точно нет. Проверено, и ни один раз, к сожалению — говорит Двухсотый.

— Есть один вариант — говорю я.

— Ну, давай жги идеей, бессмертный воин, — говорит Двухсотый.

— Кто- то должен всех вырубить — говорю я.

— В смысле? — спрашивает Отар-Разрушитель.

— Ну, в смысле кто- то всех вас оставшихся, подкожношариковых, повырубает со старого доброго хука справа, вы, при этом, разумеется, сопротивляться не должны, потом из «уснувшего» кто- то, ну, например, я достану дебильный, не дающий нормального житья шарик — поясняю я.

— Ну, кого — то вырубить, это я завсегда — говорит с ухмылкой Отар-Разрушитель.

— Ага, а когда тебя вырубает тоже нравится? — смело спрашивает у Отара Двухсотый.

— Опять нарываешься? — спрашивает у Двухсотого Отар-Разрушитель.

— Отар, он не нарывается, просто тебя тоже придётся вырубить, если все вы согласитесь на этот план — обращаюсь я к Отару.

— Это зачем ещё? Меня никто вырубать не будет, я сам всех вырубаяю — говорит Отар.

— Да, погоди ты, чемпион, послушай немного — говорю я с улыбкой Отару.

Отар-Разрушитель довольно усмехается, услышав слово «чемпион» в свой адрес, да ещё и от меня, победившего его.

— Говори, я слушаю — говорит Отар.

— У тебя такой же шарик под кожей, как и у всех остальных — говорю я.

— Да ладно, быть того не может. Чтобы в меня и засунули эту хрень? Никогда. Я из Зорга. У нас такое не практикуется — сомневается Отар.

— Вообще- то, практикуется — вдруг подаёт голос Флор.

— Слыхал? Это не я говорю, это Флор говорит, начальник тюрьмы — добавляю я.

— Да откуда он знает!? — эмоционально спрашивает Отар-Разрушитель.

— Откуда ты знаешь это, Флор, расскажи? — спрашиваю я Флора.

— Да это во всех тюрьмах, на разных планетах практикуется, методика одна везде. И везде ээки не в курсе — говорит, опустив глаза, Флор.

— Охренеть, везде одно и то же — говорит Двухсотый.

— Козлы! Сволочи! В меня засунуть какую- то молекулярную дрянь! — кричит в ярости Отар.

— Успокойся! Все успокойтесь! Лучше скажите, вы согласны на предложенный мною план? — спрашиваю я.

— По участию ещё в одном турнире только с односторонним избиением? Ну, хорошо, больше ничего не остаётся — говорит Двухсотый.

— Остальные согласны? Отар, Сорок Пятый, кто-нибудь против? Нет? — спрашиваю я. Все, молча, мотают головой.

— Ну, вот и славно — говорю я.

Глава 63

— Ну что, я предлагаю свои абсолютно бесплатные услуги по вырубанию людей прямо сейчас — говорит раззадоренный Отар — Разрушитель.

— Ага, в таком случае я лучше тебе заплачу, чтобы ты меня не трогал — говорит Двухсотый.

— О, нет, тебя я вырублю с превеликим удовольствием — говорит с ехидной улыбкой Отар.

— Послушайте, мы же не сообразили: может снотворное какое есть? Энн! Вы же девушки носите в сумочках всякие там лекарства или типа того. У тебя, вон, работа нервная, наверняка, бессонница мучает и, как следствие, снотворное где-нибудь в кармане завалилось — немного нервничая от шуток Отара, говорит Двухсотый.

— Нет, мальчики, простите, у меня снотворного нет, хотя после ваших выкрутасов наверное придётся начать принимать — говорит Энн.

— Слыхали, парни, остаётся только одно снотворное- мой кулак, стальная кувалда Разрушителя! — говорит с долей игривости Отар и пробивает «двоечку» по воздуху.

— Так, хорош, хорош, вырубать буду я — говорю я.

— Это почему это? — спрашивает Отар.

— Ты? О, нет, Васу...ну ты понял, Сто пятый, твои удары мы все видели, ты даже Разрушителя вырубил, а теперь меня собираешься отключить? Нет, спасибо. Пускай лучше вот он отправит меня во второй нокаут! — говорит Двухсотый и указывает рукой на Отара.

— Парни, послушайте, вы не понимаете, я умею грамотно вырубать. Могу неграмотно, как это было в боях и не только, а могу так, чтобы человек просто уснул без всякого сотрясения. Обойдётесь лёгкими синяками, которые очень скоро заживут — говорю я.

— Обещаешь? — спрашивает Двухсотый.

— Да, братишка, не ссы — говорю я.

— Слушай, я не хочу терпеть это унижение второй раз, если честно, чтобы меня кто — то вырубил, тем более ты повторно — говорит Отар.

— Хорошо, Отар, можешь сам перевозмогая жуткую боль, вырывать этот долбаный шарик вместе со своей кожей. Скорее всего, у тебя это будет выходить криво, поэтому ты оторвёшь от себя больше, чем необходимо — говорю я.

Отар смотрит на меня с серьёзным задумчивым лицом.

— А так, я тихонько отправлю вас в глубокий сон, такой глубокий, что вы не почувствуете, как я буду проводить операцию по извлечению инородных предметов из вас — говорю я.

— Ага, точно, прямо операция под общим наркозом — говорит Двухсотый.

— Ладно, валяй, бей — решается Отар.

— Что, прямо сейчас? Хочешь быть первым? — спрашиваю я.

— Давай бей, пока я не передумал! — отвечает Отар.

— погоди. Где у тебя зуд? Чтобы я знал, где резать — спрашиваю я.

— В правой руке, блин! Давай бей! — орёт Отар.

— Бью! — кричу я на Отара в ответ.

— Бей! — кричит Отар.

Я резко наношу нокаутирующий удар справа в челюсть, очень быстрый удар, почти

невидимый. Отар падает, будто его отключили, как какую-то машину, нажав одну кнопку.

— Блин! Ни хрена себе! С одного удара! Нееее, не знаю, я уже начинаю сомневаться!

Мне уже кажется, что может лучше он бы меня вырубил! — кричит удивлённый Двухсотый.

— Тише. А то его разбудишь и он действительно тебя отключит — говорю я.

Двухсотый смотрит на меня удивлённым взглядом, явно не поняв моего юмора.

— Шучу, братан, вон посмотри- он даже не реагирует — говорю я и беру спящего Отара за руку, поднимаю её и отпускаю.

— Как мёртвый — говорит Двухсотый, также трогая Отара только за вторую руку.

— Не говори так, он просто спит, видишь, дышит, нормально всё — говорю я.

— Ага — подтверждает Двухсотый.

— Ну, раз снотворного у Энн нет, Разрушитель спит, вырубаю значит я — говорю я с улыбкой.

— Ага — снова соглашается Двухсотый.

— Что ага? Говори, где у тебя чешется? — спрашиваю я.

— Здесь, в плече — говорит дрожащим голосом Двухсотый и кладёт руку на правое плечо.

— Буду знать, Двухсотый — говорю я.

— Майк — вдруг говорит Двухсотый.

— Что, прости? — спрашиваю я.

— Майк. Наконец я узнал твоё имя — говорю я с искренней улыбкой.

— Давай, великий Ас, удивляй нас всех дальше, бей. Только это...разбудить не забудь — говорит, заранее закрыв глаза, Майк-Двухсотый.

— Ты и сам проснёшься, дружище, — говорю я и наношу удар справа.

Двухсотый падает, как подрубленный.

— Так, парни, Сорок пятый, все остальные, давайте быстрее со всем этим закончим — говорю я.

Я вырубаю Сорок пятого, вырубаю остальных. Отправив в спячку последнего, я останавливаю взгляд на Энн.

— Что? Меня тоже вырубил, дорогой? Женщин бить нельзя, тебя не учили? — спрашивает с ухмылкой Энн.

— Нет — отвечаю я.

— Нет, в смысле- не учили? — спрашивает Энн.

— Ахах, нет, в смысле я...не буду тебя трогать — говорю я.

После слова «трогать» Энн смотрит на меня несколько озадаченно.

— В смысле бить — поясняю я неловко.

— Это хорошо — говорит Энн.

— Но, то что я сейчас буду делать, будет так же неприятно — говорю я.

— Ты про то, что будешь вырезать из них по кусочку кожи, чтобы достать эти шарики, в результате чего тут весь пол, скорее всего, будет закапан кровью? Да ерунда! — говорит с сарказмом Энн.

— Ну, преступим. Раз Отар был первый, то и начнем с него — говорю я.

Я подношу напильник к руке спящего Отара и начинаю «операцию». Энн и Флор очень удивляются тому, что Отар даже не дёргается во сне, лежит и правда, как под наркозом. Энн, всё-таки смелая. Она повидала многое за последнее время, навлекла огромную кучу проблем на себя из-за меня и, тем не менее, всё ещё со мной?! Ну...в смысле помогает мне.

Может, это не смелость, а....нечто иное? Хочется так думать.

— Беее, ой, фу — Флора стошнило прямо на пол.

— Дорогой, побыстрее давай заканчивай все эти дела, потому что двойную вонь я не вытерплю и сама упаду в обморок вез всяких твоих ударов — говорит Энн, прикрыв нос.

— Подожди Энн, мне нужно ещё по паре минут на каждого — говорю я.

— Почему? — спрашивает Энн.

— Вот что я имею в виду — говорю я, положив руку на рану Отара.

— Смотри, она заживает! — говорит ошарашенный Флор.

— Почему ты также не сделал, когда твой друг- этот, Двухсотый, или как его... — говорит Энн.

— Майк — говорю я.

— Да, Майк, почему ты не лечил его после неудачного боя? — спрашивает Энн.

— То была сильная внутренняя травма, понимаешь? А это внешняя и....поменьше — поясняю я.

— Ни хрена себе, поменьше- кожу разрезать — справедливо замечает Флор.

— Она страшнее на вид, но поменьше, поверь. Я сейчас произвожу, как бы, эффект зашивания, при том не быстрый. Как видишь, даже с внешним воздействием, эффект заживления тут пару минут, а моя собственная регенерация без внешнего влияния занимает несколько секунд — поясняю я.

Я разрезаю кожу последнего, кого я вырубил, достаю шарик, бросаю на пол и давлую ногой. Если показать кому-то не сведущему в том, что здесь только что произошло, всё это помещение, где мы находимся, то в голову пришла бы мысль, что тут была перестрелка или точнее односторонний расстрел, так как валяются зэки с окровавленными ранами, почти все сбитые в кучу.

— Так, теперь надо залечить — говорю я и прислоняю руки к шее крайнего парня.

— Откуда все эти способности? — спрашивает у меня Энн.

— Какие способности? — спрашиваю я, делаю вид, что не понимаю о чём вопрос.

— Ну ты ж понимаешь о чём я, не язви-я тебя прошу — говорит, слегка улыбаясь, Энн.

— В Азии это было обычным делом. Когда живёшь в гармонии с природой, то...возможно всё. Мы, конечно же не летали по небесам, по облакам, ха-ха, хотя...бывали и такие Асы, но мало кто любил показывать всё это, особенно в других мирах. Это считалось дурным тоном — рассказываю я.

— Мне до сих пор не верится, что ты один из них, ну...то есть из Асов. Мне с детства говорили о вас только плохое — говорит Энн.

— Это объяснимо. Вся история была переписана, а точнее...просто написана так как надо тем, кто возглавил систему после Асов — говорю я.

— Интересно кто же это? — недоверчиво к моим словам спрашивает Флор.

— Чувствую- ты не веришь мне. Тебя самого обманули, начальник. Скажи, все ли решения в тюрьме ты принимаешь самостоятельно? — спрашиваю я Флора.

— Нуууу... — затушевался Флор.

— То-то же. Не сам — говорю я.

— Так к чему ты клонишь? — спрашивает Флор.

— К тому, что в системе есть группа заинтересованных лиц на какой-то из планет. Раньше их центр был всем известен. Но сейчас они себя не выдают. Может даже они здесь находятся, может в соседнем Зорге, может ещё где. Я не знаю. Знаю лишь то, что они паразиты, они высасывают все ресурсы из планет, оставляя таким рабам, как мы и как ты лишь крохи, ну...чтобы мы на что-то ещё были годны. С мёртвого раба то толку нет, а с живого, пускай и с голодного, толк есть — говорю я.

— Но, погоди, я живу хорошо, у меня свой коттедж здесь на X-135 — говорит Флор.

— Ага, и что ты сделал, чтобы добиться жизни в этом коттедже? Наверняка тебе пришлось ходить по головам, чтобы избавиться от конкуренции, лизать задницу, чтобы добиться высокого расположения. Так ведь Флор? — спрашиваю я.

— Ну что, что ты хочешь сказать?! — говорит раздражённо Флор, не ответив на мой вопрос, будто бы в своём раздражении уже подтвердив мои утверждения.

— Я хочу сказать, что есть те, кто создали эти условия для всех нас, условия, где хороший, честный человек не сможет нормально жить, а тот, кто становится на путь тьмы, непременно добьётся успеха. Многие настолько уже к этому привыкли, что не замечают своих действий во тьме — говорю я.

— А в Азии этого не было? — спрашивает Энн.

— Откуда оно там могло быть? — с улыбкой говорю я.

Энн смотрит на меня, улыбаясь. Не игриво улыбаясь, нет. Она то ли что-то начинает

понимать, то ли ещё что-то. Почему именно её взгляд мне распознать трудно. Я привык с относительной лёгкостью читать людей, но она будто зашифрованный файл, а я не сказал бы, что силен в дешифровке, ха ха.

— Оу, Сорок пятый очнулся — говорит Энн.

— Моооороженое — первое, что произносит Сорок пятый после пробуждения.

— Ха- ха- ха — ха! — мы с Энн громко смеёмся со смешного здоровяка.

— У меня челюсть болит — жалуется Сорок пятый.

— Дружище, это не челюсть, это твоё нёбо, знаешь, как было неприятно лезть к тебе в рот сквозь твои слюни, чтобы выковырнуть всякую ненужную дрянь, а затем ещё кое-как заживлять образовавшуюся рану — объясняю я.

— Зашивать? Так у меня теперь шрам во рту? — спрашивает Сорок пятый.

— Нет, не будет у тебя шрама, не волнуйся, здоровяк. Зашивать не в том смысле, я имел ввиду — говорю я.

— Ааааа, хорошо — говорит хлопающий глазами Сорок пятый.

— Двухсотый, дружище! — я замечаю, что Майк приходит в себя.

Майк смотрит на меня с осуждающим взглядом.

— Майк, прости Майк. Просто мы с тобой столько пережили под этими номерными именами.

— Это точно, братан — говорит наконец довольный моими словами Майк.

Все остальные тоже просыпаются. Я смотрю в одну точку, задумавшись. Мне просто кажется, я чувствую, что меня считают лидером.

— Ну что, все проснулись? — спрашиваю я.

— Вроде да — говорит кто-то из парней.

— Тогда приступаем к плану побега, в котором нам, вне всякого сомнения, поможет наш добрый начальник Флор — говорю я.

Ну и вот, Флор ведёт нас по коридору нашей тюрючки вроде бы на переговоры....ну такая уж у нашего побега легенда. Парни уже на взводе от зашкаливания риска, хоть и изрядно выпалились после моих ударов, хе- хе. Энн, так вообще, вся дрожит от страха.

— Я сейчас упаду в обморок от волнения — говорит Энн.

— Ага, у нас нет времени тебя откачивать, малышка — говорит Майк, он же Двухсотый.

— Блин, ещё раз ты меня назовёшь малышкой, дорогой или.... — возмущается Энн.

Впереди нас идёт Лотар Сторм со своей охраной. Это- явно не по плану.

— Флор? Что ты делаешь? — спрашивает Сторм.

— Ну всё, сейчас точно в обморок свалюсь — говорит дрожащая Энн.

— В смысле- что я делаю? Веду уже бывших бунтарей на переговоры в спортивный зал — отвечает Сторму Флор, при этом, подмигивая, типа фиг им, а не переговоры на самом деле.

— Аааа, ага, а где же охрана? Твоя охрана? — спрашивает Сторм.

— Она это на перерыве — произносит Флор судя по всему первое, что приходит в голову.

— На перерыве? — переспрашивает Сторм.

— Ну да....им же надо есть хоть иногда, а то сил на то, чтобы нас с тобой охранять не останется, ха — говорит Флор, немного волнуясь.

— Ну да, логично — говорит Сторм.

— К тому же, пульт у меня — говорит, подмигивая, Флор.

— Это обнадёживает — отвечает Сторм.

Флор явно пытается сохранять спокойствие, стараясь вести себя, как обычно, но мне кажется, что язык тела его слегка выдаёт. Сторм смотрит на Флора с некоторым подозрением, будто что-то его настораживает. На нас он вообще не обращает внимания, типа: а зачем? С нами и так всё понятно. Возможно, он даже начинает догадываться, что мы собираемся бежать. А вот Флор....Сторм сейчас пытается понять, что же происходит с ним на самом деле.

— Ну ладно, Флор, идите на переговоры. Надеюсь- они пройдут конструктивно, и наши герои, бойцы придут к правильному решению — говорит с легкой улыбкой Сторм.

Сторм уходит со своей охраной прочь. Мы все пристально смотрим ему вслед, будто прячемся от хищника в ожидании того, когда он утратит бдительность, того, что он отвернётся и можно будет бежать из укрытия подальше. Вот Сторм пропадает из виду, и мы идём дальше.

— Флор, а что это было вообще? Почему Сторм говорит с тобой так, будто ты его подчинённый? — спрашиваю я у Флора.

— Да потому что, блин, так оно и есть — отвечает Флор.

— Чего? — недоумевает Отар.

— Многого не знаете, давайте за мной, у нас мало времени — говорит Флор и ускоряет шаг.

Мы идём дальше по коридору и вот он, спортзал, где нас кинул Флор, а теперь спасает, не по своей воле конечно же, но всё же. Вот мы заходим, Флор оглядывает зал очень

пристально, будто что-то ищет.

— Начальник! Ты что спортзал первый раз увидел? Ищешь изъяны? Самое время, блин, задуматься о ремонте! — говорит с сарказмом Майк.

— Помолчи ты! — неожиданно дерзко говорит Флор.

— Эй, эй! Кто чей пленник? Васудева, скажи ему — говорит Майк.

— Вообще, парни, надо действовать быстро — говорит Флор.

— Ну, так веди нас, давай. Я соскучился по старой доброй песчаной буре — говорит Майк.

— Действовать быстро надо здесь и сейчас.... — пытается нам что-то объяснить Флор.

— Что ты пытаешься сказать Флор? — спрашиваю я.

— Энн, приготовься к тому, что я сейчас скажу.... — говорит Флор, обращаясь к Энн.

Энн начинает дрожать от страха, уже заранее, больше, чем обычно.

— Энн, у тебя внутри шарик — говорит Флор.

— Ах, а что? Аааа — произносит что-то невнятное Энн и падает в обморок.

— Ха! Ну так проще, не пришлось её вырубать, ха ха — говорит Отар.

— Ага. Только вот мы не знаем, в каком месте сраный шарик у неё — говорит Флор.

— Можно узнать наощупь — говорю я.

— О! Точно! Давайте разденем её и пощупаем — вполне ожидаемо произносит Майк.

— Никого мы раздевать не будем! Сейчас я узнаю! — говорю я и прикасаюсь ко лбу Энн рукой.

— Оооо, как скучно! — снова произносит Майк.

— Помолчи уже! Ага, ага. Вот он где — говорю я, нащупав шарик на плече у Энн.

— Ну, хоть голое плечико увидим, и то хорошо — продолжает стебаться Майк.

— Я тебя убью когда-нибудь — говорю я Майку с лёгкой улыбкой.

— Что уже пошутить нельзя? — спрашивает Майк.

— Если он тебе досаждаёт, то я могу за каждую шутку лишать его зуба — говорит Отар, хрустя кулаками.

Я делаю аккуратный надрез на оголённом плече Энн, надеюсь, она не сильно дорожит своим пиджаком, в конце концов, она же бизнес-леди. Так, залезаю к ней в рану и достаю эту круглую хрень. Затем прикладываю руки к ране и залечиваю её. Всё, дело сделано!

— Так, Флор, все вопросы позже....а сейчас выводите нас! — говорю я, взяв на руки Энн.

Мы выходим из спортзала с другого входа и идём по другому коридору. Никто нас не видит. Что это? Какая-то удача? Мои далёкие предки помогают? Не знаю.

И вот она- дверь, металлическая невзрачная дверь, как бы чёрный ход, но вот она открывается и перед нашими глазами посадочная площадка, вся металлическая, на ней стоит пара звездолётов, а вокруг- пустыня с потрясающими песчаными дюнами. Асия не имела пустынь в отличие от этого разделённого мира, но как всё же прекрасна и величественна эта пустыня, особенно сейчас.

— Флор, что- то колония не особо готовится к грядущей, так сказать, войне...всего два звездолёта, и то не особо боевые — обращает внимание на малое количество звездолётов Двухсотый.

— Основная подготовка проходит не у нас. Да и что утаивать? Воевали бы в основном вы, зэки — говорит Флор.

— Офигеть! — начинает возмущаться Майк.

— Так, не до возмущений сейчас, я хочу разбудить Энн! — говорю я.

— Нашёл время, любовничек — говорит Майк.

— Майк, прошу, помолчи, блин, хоть секунду! — реагирую я с плохо скрываемым раздражением.

— Энн! Энн, дорогая Энн — пытаюсь я разбудить Энн.

— Чччто? Где я? — понемногу просыпается Энн.

— Мы выбрались, Энн. У нас получилось, но наши с тобой пути, наверное, расходятся — говорю я.

— Почему? — спрашивает Энн.

— Так будет безопаснее для тебя, моя дорогая Энн — отвечаю я.

— Мне безопаснее только с тобой, хоть ты и ввязываешься вечно во всякое — говорит, улыбаясь Энн.

Я, всё ещё держу Энн на руках. Я никогда так не смотрел в её красивые зелёные глаза, как сейчас. Мы должны спешить, напрягаются ребята, и Флор напряжён, но я не могу оторвать от неё взгляд и двигаться дальше. Вдруг «Бах!» — выстрел лазером мне в плечо.

— Аааай! — взвыл я от боли, еле удерживая Энн на руках.

— Бежим в звездолёт! — кричит во всё горло Флор.

— Флор! Ты, тварь, с ними?! — кричит знакомый до боли голос сзади.

Сторм, собственной персоной со своей охраной, сообразив ещё в коридоре, что его разводят, решает, видимо, покончить с нами раз и навсегда.

— Ну что ж! Пора вас, рабов, проучить! — кричит Сторм и достаёт молекулярный пульт.

Нажатие на кнопку, как уже понятно, ничего не даёт.

— Что за дела?! — недоумевает Сторм, продолжая упорно кликать по кнопке.

Мы тем временем подбегаем к звездолёту. Моя рана хоть и заживает быстро, но это не отменяет того, что я пока что с трудом даже дышу, пытаюсь при этом не морщиться от боли.

— Васудева! — вдруг обращается ко мне Флор.

— Да! Что?! — спрашиваю я.

— Возьмите меня с собой! Прошу! — неожиданно заявляет Флор.

— Ни хрена себе заява! — начинает возмущаться Майк.

— Вы не понимаете, парни! Теперь мне ловить здесь нечего! Мне просто конец! —

говорит Флор.

— Да, конечно! Берём! — недолго думая, отвечаю я.

— Блин! Это будет на твоей ответственности! — кричит на меня Майк.

— Как скажешь! — говорю я.

Мы забегаем в звездолёт. Сторм и его охранники в ярости палят в нас из бластеров.

— Включайте сирену! — кричит Сторм.

— Блин! Времени нет! Надо взлетать! Причём, конкретно! — кричит Флор.

— Насколько конкретно?! — спрашивает Майк у Флора.

— Конкретнее некуда! — отвечает Флор.

— Что, блин, в космос?! — спрашивает Майк.

— Ага! Ну что, парни, попрощайтесь с колонией X-135! А заодно и с Зоргом! — кричит

Флор, усаживаясь за штурвал.

— Прощай! — произносит здоровяк Сорок Пятый, сделав слегка грустное лицо.

— Взлетаем! — кричит Флор, во всю уже управляя звездолётом.

Звездолёт поднимается высоко в небо. Внизу видны суетящиеся человечки, которых становится всё больше и больше, но, при этом они сами становятся все меньше и меньше, постепенно превращаясь в точки, а потом и вовсе исчезая. Весь этот мир- жёлтый, как будто безлюдный, пустынный мир. Пустынный да, но населённый подневольными людьми, не скажу — рабами, это плохое слово, оскорбительное. Я должен сделать так, чтобы эти люди обрели волю, обрели свободу, осознанную волю и осознанную свободу.

Мы уже в открытом космосе. Энн почти, что пришла в себя. Все мы находимся в расслабленном состоянии, все без исключения, и Флор тоже, он себя чувствует в безопасности вместе с нами, вместе со мной в особенности, хе- хе. Хотя только недавно он был мне врагом. Теперь...я не знаю, кто он, но он в отчаянии, когда не с нами. Теперь будет только так. Энн, моя Энн, точно моя Энн, я верю в это, почему она захотела уйти со мной? Честно, это я планировал даже меньше, чем взять с собой Флора. Но она ушла со мной. Она ведь найдёт выход из любой ситуации, имеет кучу связей, возможностей. Я до сих пор не знаю, как у неё получалось влиять даже на ход турнира, в котором мы дрались. Именно она повлияла на охрану возле лазарета и меня пустили к Майку. В этом безумном, коррумпированном, отвратительном для меня мире она умеет дирижировать, и оставшись бы на X-135, она смогла бы найти выход для себя, я уверен. Но...она предпочла улететь со мной. Все предпочли, если так подумать. Разумеется, это из-за надвигающейся войны, из-за нежелания быть пушечным мясом после осознания того, что это всё интерес закадровых режиссёров, но...на фронте всё равно немало шансов у таких, как эти парни, у таких как Майк или Отар, да и другие тоже сверхлюди по сути. Они не такие, и как я, конечно же, не обладают многими способностями. Но тем не менее, они бежали, потому что поверили мне, а значит- я за них в ответе. Они поверили Асу, поверили в мою правду. Да, моя правда и была подлинной реальностью. События, которые остаются в моей памяти, были реально; но парни были приучены думать, что Асы были убийцами цивилизаций, что сейчас гораздо лучше, чем тогда, что на аппетитах закадровых верхушек держится абсолютно всё, так же как и на выживании низов. Правда, Майк не такой наивный изначально, видимо жизненный опыт научил сомневаться в правильности той теории, что внушали всем с детства за последнее безумно длительное время. Как же тяжело было скрываться всё это время среди других людей, притворяться. Я чуть было не сорвался, когда мотал срок. Именно тогда я приоткрыл завесу правды, совсем чуть-чуть. Все эти эмоциональные всплески в ответ на оскорбление моих длинных волос, которые всегда были гордостью мужчин Азии, упоминания о неких предках, которых я почитаю и славлю. Хорошо, что никто так и не догадался. Хотя...и так бы никто не догадался, потому что всеобщая пропаганда изобразила Асов как тех, кто являлся полной противоположностью мне, моим поступкам, даже просто моим словам. Не ожидал, что это сыграет мне на руку. В Азии говорили, что руками демонов Боги могут творить светлые дела. Я никогда не понимал этой фразы, но теперь понимаю.

— Парни, мы летим в относительно безопасной зоне, по крайней мере X-135 и Зорг уже далеко от нас, но.... — говорит Флор.

— Но все миры, а точнее те, кто их возглавляет...заодно — заканчиваю я прямолинейно фразу Флора.

— Да, не так прямо я хотел сказать, но зачем срывать истину, правда же? — говорит, слегка улыбаясь Флор.

— Ага, в точку, начальник — подтверждает Майк.

— Но мы всё сделали спонтанно, да, удачно, но спонтанно, и теперь встаёт вопрос....- говорит Флор.

— Что делать дальше? — заканчивает фразу Флора Майк.

— Да, как бы...куда лететь? — спрашивает Флор.

В этот самый момент, после вопроса Флора, я почувствовал некую тягу к одному миру — не к исчезнувшей Азии, нет, к миру, который ныне живёт, дышит. Я не знаю, что это за чувство, но я знаю, что нам надо лететь туда, в этот мир.

— Флор, я знаю, куда нам лететь — говорю я.

Мы летим по направлению к судьбе...к судьбе? Почему я так думаю? Мы летим к цели, которую я выбрал для звездолёта. Я будто слышу голос из прошлого, который манит меня. Многие слышат голоса из прошлого, не только я, я уверен. Но эти голоса несут с собой кошмар, ужас, то, что слышащий не хотел бы вспоминать. Я же слышу что-то приятное, ласкающее слух. И оно манит, по-доброму манит. Но я не знаю, что это, не хочу ошибаться. Ошибаться мне нельзя, многое на кону. Мы подлетаем, вот он: невиданный и неведомый мир, голубой шарик с зелёным оттенком. Неужели там есть зелень? Вот это да! В мирах современности большое количество чистой растительной природы доступно лишь «избранным»...остальные довольствуются пустынями с редкими оазисами или мирами, покрытыми круглогодичным льдом. Что сказать? Мир победивших крайностей, без всякой середины, тем более золотой.

— Ни фига себе, вы посмотрите парни, зелёный, блин, мир! Как его ещё не освоили? — удивляется Флор, глядя на приближающийся зелёно-голубой шарик через большой иллюминатор.

— И хорошо, что не освоили, все ресурсы достались бы горстке «хозяев» — говорю я.

— Как красиво — замечает Энн.

— Никогда такого не видел! Ущипните меня за задницу. Энн? — спрашивает Майк с недвусмысленным намёком у Энн.

Энн молча сдавливая со всей силы кожу на руке Майка аж до красноты.

— Ай, больно! — вскрикивает Майк.

— Ого, да мне и заступаться за тебя не надо вовсе! — говорю я, обращаясь к Энн.

— Ага! А за меня? — спрашивает с сарказмом Майк.

— Ну ты же вытерпел это испытание с достоинством — отвечаю я, улыбаясь Майку.

— Парни, мы приближаемся. Ну, Васудева, Сто пятый, или как тебя ещё там...не знаю, как тебе пришла в голову именно эта локация, но ты явно не прогадал — говорит Флор.

— Ага, это ж рай — соглашается с ним Отар.

Мы входим в атмосферу мира. Пролетев через облака, мы видим ещё более прекрасную картину...землю, сплошь покрытую зеленью, огромными деревьями, пальмами, там ещё виден пляж и бескрайний океан. Это что Асия? Нет, нет, не может быть она. По моей щеке потекла слеза. Чувство, будто я дома. Вдруг приятное ощущение, нежное ощущение я чувствую на своей щеке...это Энн провела рукой по ней, убрав слезу. Я поворачиваюсь к ней и улыбаюсь. Она улыбается в ответ.

— Ну что приземляемся? Предлагаю прямо на пляже — говорит управляющий звездолётом Флор.

— Да, давай тут — отвечаю я, незаметно вытирая выступившие слезы.

Звездолёт садится на белый песок. Мы, не торопясь, выходим. Перед нашим взором появляется зелёный лес, настоящие джунгли, под ногами белый чистый песок. Я снимаю свою обувь, чтобы почувствовать эту природу, её энергетику. Это чувство...прямо как из детства, всё это настолько похоже на Асию, не столько внешним видом, сколько энергией. Не знаю что, но что-то есть в этом месте, помимо, конечно, природной халявы, которую почувствовали парни, хе-хе. Я снова хочу плакать от радости, от воспоминаний, а вот парни просто в шоке. Я-то видел такую красоту в детстве, а парни и Энн не видели вообще никогда

такого великолепия. Они не знают, на что больше обратить своё удивлённое внимание, то ли на бескрайние джунгли впереди, то ли на бескрайний океан сзади нас.

— Парни, поднимите руку, кто видел такое количество воды в одном месте? — говорит Майк, намекая на океан.

Я, улыбаясь, поднимаю руку. Парни смотрят на меня с выпученными глазами.

— Вы что, мой рассказ про Асию невнимательно слушали? Она такая и была, как это место — говорю я, всё ещё улыбаясь.

— Сорок пятый! Эту воду пить нельзя! — кричу я Сорок пятому, черпающему воду из бескрайнего океана.

— Почему? — спрашивает Сорок пятый.

— Потому что будешь бежать до туалета быстрее, чем успеешь его разглядеть — вставляет своё слово Майк.

— Это как? — спрашивает не понявший сарказма Сорок пятый.

— Как? Ну...ой, блин, зачем я вообще это сказал? — сказал Майк, не довольный тем, что придётся теперь объяснять свою шутку.

— Сорок пятый, Майк хочет сказать, что ты же не знаешь, что тут за вода, можно же отравиться и...как следствие у тебя заболит живот — объясняю я Сорок пятому.

— Да по фиг — говорит Сорок пятый и бежит по пляжу, иногда прыгая по воде, как маленький ребёнок по лужам.

— Хех, дитя малое — говорю я, умиляясь с Сорок пятого.

— Да, и до туалета придётся бежать реально долго, потому что его тут нигде нет! — продолжает прикалываться Майк.

— А толчок в звездолёте? — спрашивает Отар.

— Так он работает только в полёте в открытом космосе — говорит Флор.

— Слушай, Флор, а откуда ты столько знаешь о звездолётах? — спрашивает Майк.

— Да так, с детства мечтал стать пилотом и даже был им какое-то время после службы в войсках — говорит Флор, уткнувшись взглядом в белый песок.

— И чего же стал начальником тюрьмы? — спрашивает Майк, видимо ожидая услышать какое-то супер-оправдание.

— Из-за карьерного роста. В армии в одно время перестали платить, а тут были знакомые и деньги хорошие.... — отвечает Флор, всё так же глядя в песок, только уже с виноватым видом.

Флор определённо сейчас чувствует все наши взгляды на нём, и ему неловко и стыдно от того, что эти укоряющие взгляды справедливы.

— Ну что ж, смотрите на меня- давайте, осуждайте, думайте о том, какая ж он сволочь. И вы правы, все правы. Но мы все так живём...жили по крайней мере, заранее каждый понимал, что если не займёт своё место под Солнцем, если не успеет, то будет безжалостно растоптан, никого никогда не щадил никто, да и слово такое- пощада или....жалость даже особо никто не употреблял! Я вырос на этом, на...на других словах, таких как выгода, деньги, власть, богатство. И только сегодня я, как...как заново родился. Это из-за тебя, Васудева, я не видел раньше таких людей, как ты — говорит Флор.

Закончив свою речь, Флор посмотрел на меня. По его щеке потекла слеза. Трудно конечно переосмысливать свою жизнь, делать иной выбор, менять свои взгляды, учитывая что до этого момента и с самого рождения ты руководствовался совсем иными принципами.

— Знаешь, Флор, я, конечно, тебе благодарен, если б не ты, то меня бы уже расщепили на молекулы. Если б ты не умел управлять звездолётом, ха — ха, если бы сдал нас Сторму, то всем нам пришёл бы каюк однозначно, но я не могу сказать, что доверяю тебе на сто процентов, даже пятидесяти процентов не могу дать на доверие к тебе, просто потому что если бы ты, изначально, не попался бы нам в плен, то вряд ли бы мы оказались здесь —

говорит Майк.

— Да, я понимаю. Я бы вообще не доверял на твоём месте — говорит, вытирая слёзы, улыбающийся Флор.

— Ну что? Освоимся? — спрашиваю я у всех.

— Что ты имеешь в виду? — спрашивает Майк.

— Ну, мы всё ещё на пляже возле океана. Здесь, конечно, классно, но может исследуем это место более подробно, пройдем в глубь этих джунглей, может лагерь разобьём там где-нибудь — говорю я.

— Лагерь? А зачем? И тут неплохо. Поспать можно прямо в звездолёте. Да и океан рядом. Вон смотри, Сорок пятый никуда уходить не собирается — говорит Майк, показывая пальцем на всё ещё прыгающего и бегающего по пляжу Сорок пятого.

— Вот, пускай он останется и проследит за нашим пока что единственным домом...это я про звездолёт, если что — говорю я.

— На Сорок пятого оставить звездолёт? Сомнительная затея — говорит Майк.

— Сорок пятый, дружище, здоровяк! Пойди сюда, пожалуйста! — зову я Сорок пятого.

Сорок пятый вприпрыжку, опять же, как маленький ребёнок, подбегает к нам.

— Да, что такое? — спрашивает Сорок пятый.

Я по-дружески кладу руку на плечо Сорок пятого и подхожу вместе с ним к звездолёту.

— Дружище, видишь звездолёт? — спрашиваю я.

— Вижу — отвечает Сорок пятый.

— Мы на нём прилетели, помнишь? — спрашиваю я снова у Сорок пятого.

— Помню — отвечает Сорок пятый.

— И нам, в случае чего...ну, если мы вдруг захотим улететь куда-нибудь, этот звездолёт очень сильно понадобится. Он будет нужен нам в рабочем состоянии, понимаешь? — спрашиваю я.

— Понимаю — говорит Сорок пятый.

— Поэтому оставайся тут, бегай по берегу, если хочешь, но главное следи за звездолётом и там внутри него, ничего не трогай, хорошо? — спрашиваю я.

— Хорошо — отвечает, хлопая глазами, Сорок пятый.

— Парни! Кто-нибудь ещё останьтесь тут, пожалуйста! — прошу я кого-нибудь ещё остаться на всякий случай.

— Да, хорошо — откликнулось несколько ребят.

— Вот это правильно! А то после «мочи охрану» на Х-135 как-то боязно его одного оставлять, да к тому же со звездолётом — говорит Майк.

— «Мочи охрану» случилось потому, что мы ему так сказали. Он очень старается помочь своим друзьям, вот и всё. При этом, к сожалению, воспринимает все происходящее очень уж буквально, а значит звездолёт он будет охранять в прямом смысле слова, но на всякий случай, пусть с ним побудут ещё ребята — говорю я.

— Понятно. Ну что идём исследовать наш новый дом...я надеюсь — говорит Майк.

— Конечно! Идёмте, парни! — говорю я.

Мы заходим в этот тропический лес. Мы — это я, Энн, Майк, Отар и Флор. Через непродолжительное время нас со всех сторон обступили деревья-великаны, стволы которых и ветви были обвиты лианами какого-то изумрудного цвета, все очень удивились, кроме меня, так любившего в детстве гулять по джунглям Азии. Когда мы были на пляже, солнечный свет падал на наши лица, буквально «прилипал» к нам, а теперь, в самой гуще

леса темнота окутала нас со всех сторон, день сменился ночью, но...с редкими проблесками света сквозь ветки и листья огромных деревьев. Такие же деревья были в Азии, один в один. Тут всё один в один, как в моём далёком детстве. Впервые в жизни я не скучаю по Азии, по детству. Я не знаю почему, но чувствую себя, как дома, как на Родине.

— Ай, блин! Споткнулся о какую-то корягу! — говорит Майк.

— Хорошо, что не об змею — говорит Отар.

— Да, в таких лесах ядовитые змеи могут водиться, наверное — говорит Майк.

— Ядовитые- это ладно, есть ещё такие здоровые, которые могут тебя скрутить, переломать все кости и сожрать — добавляет Отар.

— Что, прям, как песчаные черви в Зорге? — спрашивает слегка испугавшийся Майк.

— Хуже! Аха-ха! — отвечает злорадно Отар.

Мы продолжаем идти в этом густом сумраке почти на ощупь. Вдруг прохладная женская рука прикасается к моей руке. Разумеется, это Энн.

— Знаешь, а тут романтично. Темно, но не мрачно, как во время вечернего свидания — говорит Энн.

— Я не знаю, у меня не было вечерних свиданий — говорю я.

— Серьёзно? Это надо исправить — говорит Энн.

— О, вот и место под Солнцем — говорит Флор, заметив освещённое место в этих джунглях.

— Да, лишь бы не было борьбы за него, а то ведь я выиграю, ха- ха — говорит Отар.

— Ты всегда такой злой? — спрашивает Отара Энн.

— Ну, нерегулярно, с вами ребята мне стало как-то веселее — отвечает Отар.

— Ага, даже чувство юмора появилось, только все равно какое-то злое — замечаю я.

— Ну что поделать? Злоба всегда была со мной, помогала выжить, гнев всегда был моим лучшим другом, всегда спасал меня, оберегал даже. Но...недавно всё это дало сбой, после нашего с тобой боя — говорит Отар, обращаясь ко мне.

— Почему, как думаешь? — спрашиваю я.

— Нууу...- начинает отвечать Отар.

— Потому что ты добрый сияющий Ас, а он злобный, темный, лысый и...все прочие эпитеты зла — говорит, стебаясь и перебивая Отара, Майк.

— Ты меня перебил — говорит Отар Майку.

— Когда? — спрашивает Майк.

— Только что — отвечает Отар.

— Ничего себе, когда я так успел осмелеть? — говорит Майк.

— Аха-ха! — мы с Энн смеёмся, слушая их диалог.

Всё очень интересно и странно. Это место будто наполнено энергией доброты. Я это вижу. Способствует открытости. Никогда Флор так не был открыт, как сейчас; и даже Отар, он же грозный Разрушитель, чемпион всех турниров Сторма, тоже никогда не был таким общительным. Да, он хотел убить меня за то, что я вступился за своего лучшего друга Майка Двухсотого, но сейчас мы с ним беседуем, как хорошие знакомые, даже, как друзья скорее. Флор, начальник Флор, теперь мне трудно назвать его начальником. В тюрьме всегда было такое обращение- начальник. И это было неким разграничением между этим самым начальником и нами, простыми зэками. А теперь...разграничения нету, это понятно, он мне не начальник, но и не пленник. Раскаявшийся и равный среди равных. Этот процесс изменения в общении с Флором, с Отаром, даже с Энн, Майком и другими парнями был

начат до этого неизвестного мира, но здесь...здесь этот процесс пошел еще быстрее.

— Ну что, отдохнём, посидим? — говорит Флор.

Воспользовавшись тем, что мы дошли до столь красивого места, где светит Солнышко, причем, это совсем не похоже на глухую пустыню, наконец- то! Зато высятся деревья высотой около трехсот метров, с которых живописно свисают лианы, со всех сторон раздается веселое щебетание птиц — их здесь, по-видимому, великое множество, причем, самых разных расцветок., а так же....Энн. Я рад, что она здесь, рад, что она с мной. Не хочу, конечно, говорить заранее, но неужели у меня есть шанс продолжить свой Род? Я уже и не надеялся. Ой, о чём это я? Что- то я размечтался.

— Интересно, а где все дикие животные? Ну, помимо птичек, которых и так слышно? — спрашивает Майк.

— А тебе так хочется встретиться с местными жителями? А если они клыкастые, когтистые, а? — спрашивает Отар у Майка.

— Всё может быть — отвечаю я за Майка.

— В смысле? — спрашивает Майк.

— В Азии была такая же фауна, как тут, один в один, и там были разные виды леопардов, львов, про маленьких птичек, о которых ты говоришь, так я вообще молчу....ну, ещё, грифоны были — говорю я.

— Грифоны?! — удивленно произносят все в один голос.

— Ну да, грифоны. Мы с Отцом на них катались, точнее....летали — поясняю я.

— Ха, грифоны, львы, леопарды....птички...мило — говорит с сарказмом Майк.

— Васудева, не знал, что я чему- то, кроме себя, буду делать комплименты, но место реально обалденное, и всё же я не могу не спросить, а что мы тут делаем? Понятно, что мы свалили от войны, но что у нас тут? — спрашивает Отар.

— Честно, Отар, я не могу тебе ответить на этот вопрос — говорю я.

— Ха, интересно — говорит Отар.

— Ты понимаешь, Асы всегда чувствовали разного вида энергию, плохую, хорошую, черную, белую. Это трудно объяснить. Когда Флор тогда в космосе, как только мы сбежали, спросил о том, куда лететь, у меня сразу, как под действием электрического разряда появилось озарение- я понял, что нам лететь именно сюда, понимаешь? — говорю я.

— Эмммм, нет, но я поверил тебе, пошёл за тобой, потому что увидел, что ты прав....что ты был прав и не один раз — говорит Отар.

— Да, и я тоже поверил — говорит Флор.

— И я тоооже! — кричит Майк, решивший покачаться на лиане.

— Ха-ха, в тебя что Сорок пятый вселился? Слезай оттуда — говорю я.

— Парни, Энн, я очень ценю это, правда, и не просто ценю то, что вы пошли со мной, а знаю, что я теперь ответственный за вас — говорю я.

— Эй эй, я могу о себе позаботиться — говорит Отар.

— Да, и я тооооже! — кричит, всё ещё качающийся на лиане Майк.

— Ага, и я....типа того — говорит слегка неуверенно Флор.

— Ну а что насчёт меня....я конечно сильная бизнес-леди, однако хотела бы видеть рядом того, кто хоть чуть-чуть позаботится обо мне — говорит Энн, при этом она смотрит на меня очень нежным взглядом, и я чувствую, что еще совсем немного и я просто

растворюсь в ее глазах.

— Правда? — спрашиваю я у Энн с нежностью в голосе.

— Эмм, нет, я тоже могу о себе позаботиться, все дела, не отрываться же от коллектива? — вдруг произносит вернувшаяся в привычный образ независимой бизнес-леди Энн.

Я смотрю на Энн, на парней, включая Флора, и у меня такое далёкое чувство из детства...чувство, что я обретаю друзей.

— Да, коллектив это здорово, и отрываться от него и, правда, нельзя. И вы знаете, вы — лучший коллектив, который у меня был со времён падения Азии — говорю я.

— О, давай только сейчас без этих сантиментов, а то боюсь заплачу, ха ха — говорит Флор.

— А плакать полезно, начальник, ты не знал? — произносит спрыгнувший с лианы Майк.

— Ну что, наигрался? — спрашиваю я у Майка, намекая на его раскачивания на лиане.

— Знаешь, братан...нет, я считаю нам нужно на разведку — говорит Майк.

— Разведку? А сейчас мы что делаем? — спрашивает Отар.

— А сейчас мы просто гуляем, нам же нужна целенаправленная разведка — говорит Майк.

— Для чего? — спрашивает Отар.

— Для того, чтобы узнать сильные и слабые стороны этого места. Надо узнать материк это или остров, например, есть ли здесь те звери, о которых говорил Васудева...ну и так далее — говорит Майк.

Не знаю почему, но идея Майка мне кажется правильной. Это не рациональный вывод в моей голове, а, опять же, какое — то озарение.

— Да, я тоже считаю, что нужно нам сходить...в разведку — говорю я.

— Да, вот и я о том же, ребят, давайте кто- то останется тут, типа лагерь разместит, а другие, в число которых бесспорно буду входить я, пойдут посмотрят что к чему. Мы хотя бы будем знать, что происходит вокруг нас в радиусе пары километров — говорит Майк.

— Ну хорошо, давай я с тобой, Флор тоже пускай пойдёт, чтобы наши голубки впервые побыли вдвоём, ха- ха — говорит Отар, подразумевая под «голубками» меня и Энн.

— Ладно, пойдёмте — говорит Флор.

Отар, Майк и Флор уходят прочь, в гущу леса.

— Эй, парни! — обращаюсь я им вслед.

— Что? — спрашивает Майк как бы за всех.

— Долго не ходите, а то нет у нас способов как- то с вами связаться — говорю я.

— Хорошо. Вы тут...ну...поаккуратнее — говорит с искрящимися глазами Майк.

— Что ты имеешь в виду? — резко реагирует Энн.

— Так, ничего, ничего — отвечает Майк и уходит с другими парнями прочь.

Мы остались с Энн абсолютно одни, только прекрасная природа составляет нам компанию. Я смотрю на красивые зелёные глаза Энн и не могу произнести ни слова. Странно. Я многое ей уже говорил, и на турнире многое сказал, мог говорить с ней, когда был в камере, но наедине...почему мне так трудно выдавить из себя хоть слово?

— Ну что, мы, наконец, одни? — прерывает неловкое молчание Энн.

— Наконец? — переспрашиваю я.

— Ну да, наконец-то — уточняет Энн.

— Эммм, Энн, расскажи о себе — говорю я.

— Оооо, да ты джентельмен, давай узнаем друг друга получше, все дела... — говорит

Энн, улыбаясь.

— Ну расскажи — говорю я, немного приблизившись к Энн.

— Эммм, ну... — пытается так же что-то выдать из себя неожиданно оробевшая Энн.

Мы стоим очень близко друг к другу, возможно даже слишком близко. Я это понимаю, и Энн, видимо, это понимает.

— Я выросла на X-135 — произносит Энн, видимо понимая, что необходимо было хоть что-то сказать.

— О, это интересно. Значит ты-одна из немногих, кто реально может считать тот мир своим? — спрашиваю я.

— Да...но...так в итоге не стало — говорит Энн.

— Почему? — спрашиваю я.

— Потому что, ну...знаешь, сначала я считала X-135 своей родиной что ли, но, со временем, когда я побывала в разных мирах, используя связи, якобы с целью организации турниров Сторма, я увидела такую же картину. Знаешь, когда ты почётный работник Лотара Сторма, то тебе доступно многое...суперэлитные отели, внимание самых красивых мужчин, самых богатых мужчин, в целом красивая беззаботная жизнь, ха. Но...каждый раз, когда я прилетала куда-либо, мне интересна была та часть жизни мира, где я была гостьей, которая скрыта от глаз, обычная жизнь, нищая, трущобная, и я поняла, что везде, как на X-135, как для элит, так и для тех, кем я была в детстве — говорит Энн.

Я слушаю все эти проникновенные слова, которые говорит мне Энн, и я начинаю понимать какая она внутри, понимать кто она. Я хочу её поцеловать, не потому что она красивая, не потому что соблазнительная, а потому что я что-то чувствую и понимаю...она хорошая, правда хорошая. Я прикасаюсь своими губами к губам Энн, и мы начинаем целоваться. Она охотно отвечает на мои поцелуи. Я целую её ещё и ещё и не могу остановиться.

— А ты хорошо целуешься. Где так научился? — спрашивает Энн.

— Нигде. Просто.... — говорю я.

— Просто что? — спрашивает Энн.

— Просто мне понравилось целовать тебя — отвечаю я.

Энн мило улыбается, по-настоящему мило и искренне, и прижимается ко мне сильно. Раньше эта улыбка отдавала некоей деловитостью и стервозностью даже, но теперь.....теперь она другая. Всё другое....и я тоже другой, вернее я тот, что был когда-то снова полный надежд, оптимизма, веры в завтрашний день.

И так проходит немало времени, может час, наверное, мы всё это время наслаждались теплом друг друга. Тут, конечно, и без этого очень жарко, всё-таки тропики, но наше с Энн тепло — оно, конечно, другое: настоящее человеческое тепло любящих друг друга людей. В общем, наши мысли были друг о друге всё это время, весь этот час, по-крайней мере мои мысли точно....Однако, пора задуматься и о наших трех следопытах, которых нет уже целый час, а то и больше.

— Энн.... — обращаюсь я к Энн, прижавшейся к моей груди и, возможно, заснувшей.

— Да, что такое? — отвечает Энн сонным голосом.

— Что-то давно парней нету — говорю я.

— Ну и что? Они же взрослые мальчики, скоро придут — говорит Энн.

— Нет, нет, слушай, пойдём к звездолёту. Может они туда вернулись? — предлагаю я.

— Хорошо, пойдём — соглашается Энн.

Итак, мы идём обратно к звездолёту. Энн, видимо, хотела побыть со мной вдвоём, забыть на некоторое время о наших заботах, о дальнейших планах и просто побыть в нашем эдаком «мирке на двоих». Это, конечно же, хорошо. Я сам этого хочу и не иногда, а часто, но у меня есть предназначение....я это чувствую, я в ответе за многих на данный момент- я в ответе за Майка, который мне как брат, за Отара, который из орудия смерти превращается в орудие смерти с человеческим лицом и чувством юмора. Пусть даже с черным чувством юмора....пока что....я надеюсь, что пока что, но, тем не менее, это значит, что он становится добрее, а это- главное. Я также в ответе за Флора, который только недавно всех нас гнобил в тюрьме, а теперь спасает. Блин, да я в ответе за всех них, и за Энн конечно же, которая стала моей Энн- теперь я в этом точно уверен.

— Ну что, дорогой, мы вернулись — говорит Энн.

— Да, и ничего не поменялось — говорю я.

— Как ничего, посмотри, тут уже можно пляж организовать! Мальчики оценили — говорит Энн.

Все парни: Сорок пятый и остальные плавают в океане. Вот прохвосты, они сей1 час похожи на тех, кто полностью решил избавиться от проблем и все свое время посвятить полноценному отдыху. В принципе, вся природа здесь, всё вообще кричит о том, что не надо напрягаться- вода есть, лето круглый год тоже есть, всё прекрасно. Но ведь Асия была такая же прекрасная, но, тем не менее, мы там трудились во благо своих РОДов, во благо общества, во благо Азии. Мне придётся объяснить это парням, чтобы они тоже прониклись трудовым энтузиазмом. Но сначала надо обязательно разузнать о наших «затерявшихся странниках».

— Эй, парни, вы видели Майка, Отара и Флора? — спрашиваю я.

— Да, видели — отвечает Сорок пятый.

— Когда? Где они? — спрашиваю я.

— Я не знаю, где они — отвечает Сорок пятый.

— Ты же их видел — вступает в разговор Энн.

— Ну...я их видел, да, я и тебя видел, и его, и их вижу — отвечает Сорок пятый, указывая на других плескающихся в воде парней.

— Блин, в последний раз, когда ты их видел?! — спрашивает слегка уже раздражённая Энн.

— Дык, вместе с вами — отвечает Сорок пятый.

Я стою, еле сдерживая смех от того, как злится Энн и от её забавного диалога с Сорок пятым.

— Чего ты улыбаешься? Засмеяться хочешь? — спрашивает с серьёзным лицом у меня Энн.

— Э-ммм да, ха-ха — отвечаю я, все-таки не сумев сдержать свой смех.

Энн бьёт меня кулаком в плечо в знак своего недовольства моим неуместным с ее точки зрения весельем.

— Ай, больно — говорю я.

— Я хочу поплавать, ты со мной? — спрашивает скидывающая с себя верхнюю одежду Энн.

Головы всех парней, как по команде, поворачиваются в ее сторону. Ничего удивительного в этом нет: фигура у Энн просто классная, хорошо, что она не совсем обнажилась, ведь купальники никто не отменял даже в такую скупую эпоху. Хорошо, что у неё нижнее бельё можно использовать и для купания тоже. Парни и так уставились на неё, а если бы не было и этого, то я уверен, что всё их благородство исчезло бы в один момент. Но, помимо их благородства, ситуацию ещё спасаю и я — тот, кто уже дал всем понять, насколько для меня важна Энн.

— Ну, так ты идёшь? — снова спрашивает меня Энн, медленно заходя в воду.

Ну что, отдыхать, так отдыхать. Я вообще не помню, когда последний раз отдыхал. Да, лежать на шконке в тюряге- это кто- то назовёт отдыхом, особенно тот, у кого пожизненный срок, и ему необходимо придумать хоть какой- то позитив в жизни... в жизни пожизненно приговоренного, но другие парни всегда считают дни, часы, минуты в время такого «отдыха», потому что перед глазами надежда- увидеть тот самый мир настоящего отдыха без выдумки искусственной иллюзии «отдыха» на шконке. Но здесь...здесь в этом месте я отдыхаю по-настоящему, так как я отдыхал в Азии будучи ребёнком. Вот я бегу с разбегу в океан к своей Энн. Я также бежал радостно с разбегу в океан в Азии. Энн очень удивилась моему более раскованному поведению, чем обычно, но затем она просто начала смеяться. И я смеюсь вместе с ней под открытым голубым небом в этом океане рядом с белым чистым пляжем, как будто соединяющим бескрайний океан и царство зелени на суше. Это прекрасное сочетание цветов и оттенков, которое было присуще и Азии. Такой золотой середины нет нигде в других мирах: в одних вечный лёд, а в других сплошь пустыни с редкими оазисами. Так что я сейчас отдыхаю, парни, которые плещут водой друг на друга, отдыхают...они и не видели океана никогда, не видели такую природу, только пустыни или, наоборот, глыбы льда. Поэтому они тут, как малые дети. Энн, она тоже отдыхает, я уверен в этом, она не испытала страданий, сидя в тюрьме, как мы; но в том мире, в котором она привыкла жить, в нём — тоже люди. И они придумывают лишь иллюзию отдыха, не понимая, что они в состоянии создать нечто по-настоящему прекрасное, как это было в эпоху моей далёкой РОДины.

— Тебе нравится здесь? — спрашиваю я у Энн.

— Конечно. Это великолепное место, блин. Нереальная красота. И как о нём никто не знал? Я не слышала ни разу про этот мир — говорит восторженно Энн.

— Не знаю, может потому что он самый отдалённый в галактике, а может, может...да я не хочу думать об этом, я просто счастлив, аааа! — кричу я с радостью, беря Энн на руки прямо в воде.

Энн визжит и от радости, и от адреналина одновременно. Я кружусь с ней на руках. Потом подбрасываю ее вверх. Энн падает в воду, поднимая фонтан соленых брызг, потом выныривает и смотрит на меня притворно строгим взглядом.

— Я тебе это припомню — говорит Энн.

— Интересно, как? Я вешу около ста килограмм — говорю я с издёвкой.

— Ааааа! Аааааа! Помогите! Аааааа! — нашу идиллию прервал громкий крик из джунглей.

— Кто это? — спрашивает Энн.

— По-моему, это Майк — говорю я.

Блин, Майк, я пока тут отдыхал совсем забыл про него. Всё, надо срочно идти на этот крик.

Мы всей нашей славной гурьбой выбегаем из воды, и не тратя времени на одевание, бежим напрямик в джунгли, ориентируясь на истошные крики Майка. Если не знать, что мы бежим спасать друга, надеясь на то, что и спасать никого не придется, то со стороны все это выглядит довольно странно: орава бегущих парней в одних мокрых трусах и одна почти что голая девушка, я даже не знаю с чем это сравнить, но ассоциации возникают не очень-то

приличные. Но вот мы прибегаем на крик Майка, а точнее в то место, откуда это «помогите» доносится. Что мы видим? Место, похожее на то, где мы стояли вдвоём с Энн, то есть открытый для Солнца красивый уголок джунглей, в котором не менее красиво висят на лиане вниз головами Майк, Отар и Флор.

— Ааа — ха, Васудева, братан, ты тут? О! Ты голый? Все голые? Энн и ты тоже? Ха! Что я пропустил? — говорит Майк.

— Ещё хоть слово....- начинает говорить Энн, слегка «угрожая» пальцем Майку.

— Ладно, давайте вас снимем оттуда — говорю я.

Я ловко залезаю на дерево, парни внизу готовятся ловить наших висящих «героев». Я даю команду приготовиться к падению ребят.

— На счёт три....раз, два, три — говорю я, резко ломая ветку.

Парни удачно приземляются без лишних «приключений».

— Прости, Мать природа, прости — говорю я, прося прощения у леса, у всего что нас окружает за сломанную ветвь. Это услышала Энн....похоже на то, она очень мило улыбнулась глядя на меня.

— Так, незапланированные пленники на необитаемом острове, теперь говорите, что случилось? — спрашиваю я у освобождённых ребят.

— Ага, оказывается не такой уж он и необитаемый- говорит Майк.

— В смысле? — спрашиваю я.

(рассказ Майка)

Значит рассказываю всё по порядку...Мы идём по джунглям, никого не трогаем, и тут у нашего великого Отара, он же Разрушитель, победитель всех турниров Сорма и прочие регалии, появилась идея поохотиться...ну там на зверя какого-нибудь, есть же тут кабаны дикие, например, или ещё кто...короче, идём мы, ищем, ищем, прислушиваемся к каждому шороху, и тут, не поверишь, Васудева, перед нами...синий тигр, натуральный синий тигр, я думал они вымерли все....

— Ага, и я тоже думал-(реплика Отара)

— И я тоже-(реплика Флора)

Ну тут наш великий Отар говорит: мол, быстрее ловить его надо, ловить. А мы с Флором такие типа- какой «ловить», ты видишь это ж тигр, а он такой в ответ, да плевать я Отар великий Разрушитель....

— Не надо утрировать (реплика Отара),

А, ну прости, вобщем Отар такой- да мы втроём одного тигра повалим, а я такой- да нет, ты один лучше, ты сильнее, ты справишься....

— Это больше похоже на правду (реплика Отара).

Ну да, вобщем, Отар налетает на тигра, а тигр оказался не из робких; но перед тем как они напали друг на друга, появляется весь такой зелёный непонятный и ловит тигра в какую-то столь же непонятную сеть.

— Зелёный непонятный? Это как? (реплика Васудевы).

Ну, он в зелёном капюшоне, зелёном плаще и не видно лица вообще, будто пустота вместо лица, мы вообще ничего не разглядели, этот зелёный такой быстрый, что....

— Ну, дальше что было? (реплика Энн)

А, ну так вот....Отар такой типа этому зелёному говорит: мол, кто бы ты ни был, спасибо за ужин и двинулся по направлению к обездвиженному и рычащему зверю, а этот зелёный бах...как нанесёт в прыжке один удар каким-то посохом прямо по лысой башке Отара, и он сразу свалился. Сразу, блин, в отруб....и потом те же быстрые движения в мою сторону и сторону Флора. Мы и опомниться не успели! Один удар не понятно чем по башке, и тут я уже вишу на лиане вместе с этими двумя чудиками.

— За базаром следи! Кто чудик?! (Реплика Отара).

Ой, ну, два моих ближайших товарища. Но вот понимаешь, Васудева, я реально впечатлён, и скорость, и сила. Как он нас, представляешь, нас, ну Флор ладно, он не боец....

— Ага, спасибо за оценку (реплика Флора).

— На правду не обижаются, Флорик, зато ты- пилот (реплика Энн).

Короче, как этот зелёный нас обезвредил, это уму не постижимо, да потом ещё на верх поднял, привязал, пока мы были в отключке....

— Как, как? Руками! Здравия тебе, сын, так долго мы этого ждали! (Реплика «зелёного» незнакомца).

(конец рассказа Майка)

— Ма....Мама? — говорю я, услышав голос, знакомый до глубины души.

— Да, сынок, это я — говорит «зелёный» незнакомец, снимая капюшон.

Я не могу поверить....столько лет, и передо мной стоит моя Мама. Я не знал: живы ли

мои родители, но тут вот она. Я...я чувствовал, я знал, что надо лететь именно в этот мир, я знал. Вот она причина! Я бегу к Маме, как маленький ребёнок, мне плевать, что подумают другие, я хочу обнять Маму, сказать ей, как скучал, как сильно её люблю, как рад, что она здесь в этом мире, похаживаем на наш родной дом.

— Мама, Мама.... — повторяю я непрерывно, обнимая Маму.

— Сынок, ну ладно тебе, ты же Ас, будь мужчиной, а не маленьким мальчиком — говорит, смеясь и плача, одновременно от радости Мама.

— Так, это твоя Мама? Это чё, приколы какой-то? Эта прелестная девушка твоя Мама??? — спрашивает удивлённый Майк.

А ведь правда, она не изменилась, ни капли. Вот она сила Асийского бессмертия, вечной молодости.

— Майк, мы Асы не стареем, помнишь? — говорю я, вытирающий свои слёзы радости.

— Разрешите представиться, я — Мать Васудевы, меня зовут Нейса — говорит Мама.

— А я Сорок пятый, здравствуйте — говорит Сорок пятый.

— Это, правда, твоё имя? — спрашивает у Сорок пятого, слегка приблизившись к нему, Мама.

— Да, это моё имя — отвечает Сорок Пятый.

— И у тебя нет другого имени? — спрашивает Мама.

— Нету, я...я не знаю — говорит слегка погрузневший Сорок Пятый.

— Ты не против, если я награжу тебя красивым именем? — спрашивает Мама.

— Не против — отвечает улыбнувшийся от такого предложения Сорок пятый.

— Отныне тебя зовут...Игорь — говорит Мама.

— Хорошо, я Игорь. Слышите, ребята? Я Игорь! — радостно кричит Игорь.

— А я Сто седьмой — знакомиться с моей Мамой один из нашей многочисленной команды.

— Очень приятно — отвечает, улыбнувшись, Мама.

— Но мне имя менять не надо, я Джон, на самом деле — говорит Сто седьмой.

— А я Семидесятый — говорит ещё один из парней.

— Я Сто второй — говорит ещё один.

— Уууу, вас так много, ребята, хорошо, что ты в этом испорченном мире завёл себе друзей, Васудева. Я боялась, что ты будешь один — говорит Мама.

— А я Отар — гордо произносит Отар.

— Ух ты, какой здоровяк, ты не обижаешь моего мальчика? — спрашивает Мама с юмором.

— О, нет. Я теперь никого не обижаю, и это ваш сын сделал. Вы знаете, раньше я был очень высокомерен. Буквально пару часов назад, но после того, как вы меня отделали, я понял, что у вас такая сила и мощь- это семейное — говорит, улыбаясь, Отар.

— А я Флор — говорит Флор.

— Очень приятно, Флор. Судя по твоим глазам, ты рад, что изменился — говорит Мама.

— А откуда вы....? Впрочем, ладно, уже пора привыкнуть к чудесам, которые происходят вокруг вашего сына — говорит Флор.

— А кто эта прекрасная девушка? — спрашивает Мама, обратив внимание на мою Энн.

— Я Энн — говорит Энн.

— Хмммм, хороший выбор сынок. И мой сын...хороший выбор для тебя, Энн — говорит Мама.

После фразы моей Мама, Энн непривычно покраснела от смущения.

— Но теперь, ребята, может, оденетесь, а то как-то неприлично. Две дамы, а вы все голые. Да и ты, Энн, тоже приоденься, одна такая в компании мужчин — говорит, похитрому подмигивая в сторону Энн, моя Мама.

— Одежда у звездолёта, Мама — говорю я.

— У звездолёта?? — удивляется Мама.

— Ну да, у звездолёта, на пляже — говорю я.

— Да, подожди ты с пляжем. У вас звездолёт есть. Ты стал пилотом, сын? — спрашивает Мама.

— Нет, Мам, это он пилот, а мы зеки — отвечаю я, указывая на Флора.

— Не поняла, кто вы? — спрашивает Мама.

— Ой, Мам, это очень долгая история, пойдём — говорю я.

— Хорошо, пойдём — соглашается Мама.

Уже более широкой компанией мы вернулись на пляж к звездолёту.

— Классную игрушку вы себе отхватили — говорит Мама, намекая на звездолёт.

— Казённое имущество между прочим. Правда, начальник? — говорит Майк, подмигивая Флору.

— Слышь, хорош вот это вот, начальник...я пилот — говорит Флор.

— Ну давайте зайдём что ли внутрь? Там ведь есть где посидеть? — спрашивает Мама.

— Конечно. Это целый ресторан на крыльях — стебётся Майк.

— Мам, ты его не слушай, он у нас большой шутник — говорю я.

— Да, я уже заметила. Привык он шутить наверное, ха-ха — говорит Мама.

— Да нет, просто мало по зубам получал за длинный язык — говорит Отар, кровожадно улыбаясь.

— Не будь таким строгим, дорогой — говорит Мама, обращаясь к Отару.

Мы зашли в звездолёт, присели каждый на удобное для себя место.

— Ну рассказывай, сынок, как ты докатился до жизни такой? — спрашивает у меня Мама с лёгкой долей стёба.

— Ну что рассказывать? То я бродяжничал, то работал грузчиком на Y-500. Потом оказался среди этих уважаемых людей — говорю я, указывая на всех своих друзей.

— Аааа, сынок подожди...это что за пробел такой? Ты был на Y-500, а потом оказался среди этих уважаемых людей, как ты говоришь. Между Y-500 и общением с этими уважаемыми людьми что было то? — спрашивает Мама.

— Ну, Мам, я сел в тюрьму — говорю я.

— Хорошо, всмысле не хорошо, это плохо, конечно же. За что я хочу спросить? — спрашивает Мама.

— Я...ударил республиканского гвардейца на Y-500 — говорю я.

— Как ударил? — продолжает спрашивать Мама.

— Ну я замахнулся вот так правой рукой...- начинаю я отвечать так, будто не понял вопроса.

— Так, Васудева, ты меня слышишь, сынок? Как ты его ударил? Что было по итогу этого удара? — более подробно спрашивает Мама.

— Я сломал ему челюсть — говорю я, опустив вниз глаза.

— За что? — продолжает дальше спрашивать Мама.

— За дело, Мам — отвечаю я с лёгкой раздражительностью от этих бесконечных вопросов.

— За какое? — не останавливается Мама.

— Ну он назвал меня накаченной девочкой из-за моих длинных волос — отвечаю я.

— Васудева, сколько раз мы тебе говорили, что проявлять агрессию не нужно и бесполезно...даже в этом испорченном мире. Видишь? Ты оказался в тюрьме — говорит Мама.

— Зато теперь в этом прекрасном мире вместе с тобой Мама — говорю я.

— Ты бы здесь оказался и без отсидки в тюрьме — говорит Мама.

— Вы слышали? — спрашивает Флор.

— Что? — спрашиваю я.

— Шаги по песку снаружи. Звук шагов — объясняет Флор.

В этот момент Мама заулыбалась, явно позабыв про свой строгий нравоучительный настрой.

— Мам, что? — спрашиваю я.

— Ничего — отвечает Мама, ещё больше улыбаясь при этом.

— Серьёзно? — начинаю я догадываться.

Мама ничего не говорит в ответ, а просто продолжает мило улыбаться.

— Папа? Это Папа?! — спрашиваю я.

— Блин, Пап, ты совсем не изменился. Как был молодым, так и остался — говорю я Отцу.

— Странно от тебя это слышать, сын. Мы ж бессмертные, забыл — улыбаясь, говорит Отец.

— Да, но мы виделись будто вчера, такое прям ощущение, будто только вчера мы с тобой летали на грифоне по нашей Азии, будто только вчера Мама готовила нам обед. Но Азии больше нет, как и Асов — говорю я.

— Сын, есть это место, чем тебе не вторая Асия, ха-ха. Плюс у тебя есть единомышленники, как я посмотрю. А это очень важно — говорит Папа.

— А, кстати, к слову об этом месте, что это за мир, где мы находимся? — спрашиваю я.

— Сын, мы с твоей Мамой сами не знаем — отвечает Отец.

— Это как? Вы здесь давно вообще? — спрашиваю я.

— Да, давненько — говорит Мама.

— Ну и что вы скажете об этом мире? Как вы сюда попали вообще? — спрашиваю я.

— И я, и твоя Мать, будто что — то почувствовали, что надо лететь именно сюда. Мы угнали звездолёт, который утонул в океане, когда мы неудачно приземлились, ха-ха — говорит Папа.

— Да, дорогой, это было весело — говорит Мама.

— Обхохочешься. Я бы умер или от страха, или от заполнения лёгких водой — говорит Отар.

— Что? Ты не умеешь плавать? Океаническая вода она солёная, утонуть трудно — говорит Майк.

— Ага, да хоть сахарная, я воды боюсь, объясняю — говорит Отар.

— Это поэтому от тебя так классно пахнет? — спрашивает Майк у Отара.

— Я боюсь плавать в воде, в открытом пространстве! А не просто принимать душ — отвечает на удивление всех спокойный Отар.

— Кстати, здесь все как-то меняются в лучшую сторону — говорю я.

— В смысле? Ты хочешь сказать — раньше я была плохой девочкой? Ой, простите, я не так выразилась — говорит Энн, извиняясь, в первую очередь, перед моими родителями.

Все дружно посмеялись после фразы Энн.

— Я имею ввиду, что все стали как-то спокойнее, в том числе и я. Я, когда был лишён своей родной земли, своей Азии — говорю я.

— Когда мы были лишены, сын — говорит Папа.

— Да, когда мы были лишены, то я стал как — то злее, агрессивнее, внутри будто чернота — говорю я.

— Да, сынок, это так. У нас так же было. Мы даже с твоей Мамой чуть не поругались чуть не бросили друг друга — говорит Отец.

— Что? Да такое невозможно — говорю я.

— В Азии было невозможно, но в эпоху тьмы устоять трудно. Свой свет приходилось нести почти в одиночку. Но мы освещали друг друга, светили за двоих, ха-ха — говорит Папа.

— Да уж. Я тоже здесь по внутреннему ощущению, Пап, ты знаешь — говорю я.

— Ага, весь экипаж заставил с собой лететь, перед выбором поставил, ха-ха — говорит Майк.

— Ты — лидер, сын, и не просто лидер. Ты царь — говорит Папа.

— В каком смысле? — спрашиваю я.

— В прямом, сынок. У меня, то есть у нас с Матерью есть план, как всё изменить, как сделать так, чтобы всё было прежде — говорит Отец.

— Как это сделать? — спрашиваю я.

— Мир X — 600. Кто-нибудь слышал? — спрашивает Папа у всех.

В ответ все отрицательно покачали головой, в том числе и я.

— Это закрытый мир, где находится высотная башня «Тауэр пять икс», там накопитель всей тёмной энергии за последние четыре тысячи лет, а то и больше — говорит Папа.

— Ну и? — спрашивает Отар.

— Ну и это значит, что эти накопители необходимо уничтожить или аккуратно опустошить, а потом доставить их сюда для иного накопления, потому что это место, явно, было хранимо нашими далёкими предками, сын. Мы не зря тут оказались. Это — вторая Асия, а ты — её царь — говорит Папа.

— Ну что, ваше величество, какие первые реформы проведёте? — подкалывает меня Майк после фразы моего Папы о предназначении стать царём.

— Приму закон о двухсотлетнем молчании Майка — отвечаю я.

— Это как? — спрашивает Иван — Сорок пятый.

— А так, запрещу Майку говорить в течение двухсот лет — говорю я.

— Слишком мало, может набавить ещё пару сотен лет? — с юмором предлагает Отар.

— А потом ещё пару сотен — подхватывает Энн.

— Ага, все давайте, не стесняйтесь, начисляйте мне срока. Странно, что Флор молчит по этому поводу. Кому-то ведь накинуть годов надо — говорит Майк.

— Чего ты докопался до меня? Я больше не тюремный начальник, я пилот! — возмущается Флор.

— Да, мир и правда меняется: Флор теперь пилот, а Васудева из зэков — в цари. Тогда и я должен стать кем — то, всё же меняется — говорит Майк.

— Вы станете тем, кем являетесь, согласно предназначению. Сейчас существует общество, где каждый занимается не своим делом, где наслоение тёмных энергий заставляет забыть о светлых чувствах, а значит и о здравомыслии, и о своём предназначении, потому что предназначение открывается только в свете — говорит мой Отец.

— Так значит, в этой башне хранятся эти нехорошие данные, и лишь стоит от них избавиться — и всё? Будет всё хорошо? — спрашивает Майк у моего Отца.

— Да, это звучит странно и слишком легко, хотя легко нам не будет, придётся попотеть, но да, всё упирается в эти данные. Если бы не они, то вся эта грязь не смогла бы где — то накопиться и продолжать всё контролировать. Сейчас ведь идёт война, верно? — спрашивает Отец.

— Да, Пап, началась, наверное, уже. Ты тоже в курсе, да? — спрашиваю я.

— Конечно. Это последний рубеж, они там хотят сделать очередной передел миров, только такой хаотичный, по принципу — «выживает сильнейший», ну, или «выживает наигнуснейший» с наименьшей вероятностью «договорняка» — говорит Папа.

— Так, а за всем этим стоят эти данные, просто какие — то файлы, или это какой — то искусственный разум? — спрашивает опять Майк.

— Ну, разумеется, кто — то из таких живых людей, как и мы с вами этим занимается, следит за этими данными, но это люди, существа с эмоциями, а основное зло, лишённое жизни, хранится там, в этих файлах, как ты говоришь. Вы же стали меняться в этом прекрасном мире, в который вы прибыли? — спрашивает Отец.

— Ну, да — подтверждает Майк.

— Вот и те закулисные боссы такие же. Они спят, просто спят, а вы просыпаетесь — говорит Папа.

— Просыпаемся? — задумчиво спрашивает Майк.

— Да, просыпаетесь, но сейчас вам, наоборот, надо поспать, но в другом смысле. Просто отдохните, а завтра разработаем план действий — говорит Папа.

— Перед тем как лечь спать, у меня один вопрос к вам э-э-э-э — говорит Майк.

— Вивек — говорит Папа.

— Да, Вивек, скажите, а здесь ночью безопасно? Нет здесь каких-то диких зверей или ещё чего-то? — спрашивает Майк.

— Звери есть, но они не особо опасны, я думаю, тем более, для таких крутых парней, как вы, ха-ха — отвечает Отец.

— Может, вы хотели сказать для таких крутых, как вы? — спрашивает Майк, намекая на самого Отца.

— Ха-ха, ну не стоит себя недооценивать, вся твоя сила внутри тебя. Вся эта темная цивилизация привыкла к искусственным внешним факторам, забыв про естественный внутренний, от которого исходит настоящая бесконечная сила — говорит Папа.

Ребята все уставились на моего Отца, как несмышлёные дети, не понимающие ни слова из того что он говорит. А ведь это так и есть — они ничего не понимают, или мало понимают, но уже чувствуют, особенно находясь в этом прекрасном мире, куда мы все прилетели.

— Вивек, дорогой, не думаю, что мальчиков стоит грузить такой слишком глубокой информацией. Всё придёт само — говорит моя Мама.

— Да, дорогая, ты права. Так, а зачем этот парень, как тебя? — спрашивает Отец у Майка.

— Майк — отвечает Майк.

— Да, Майк, ты зачем спросил про животных местных? — спрашивает Отец у Майка.

— Да, хочется лечь под открытым небом. Посмотрите, какое классное звёздное небо — говорит Майк, указав рукой на иллюминатор, в котором виднеется ночное небо.

— Да, небо красивое. Не бойся, Майк, спи, где хочешь — говорит Отец, улыбаясь.

— Ха-ха, ну, спасибо — обрадовался Майк.

— Да, а я хочу лечь прямо на берегу океана, чтобы мне свежо было — говорит Иван.

— Ага, только не ложись к нему слишком близко, а то потом за тобой нырять придётся, а я плавать как — то не особо умею — шутит Майк.

После этих слов Майка все посмеялись от души. Мы решили оставить родителей спать в звездолёте- тут уютнее, им сейчас это было бы кстати, все же остальные пошли, кто куда. Иван с другими ребятами пошли на берег- спать возле океана. Только вот не было похоже это на подготовку ко сну. Иван снова бегал и дурачился, пытаясь перегнать накатывавшие волны. Майк, Флор и Отар пошли спать ближе к лесу. Я и Энн вышли из звездолёта, и снова остались вдвоём. Рядом, конечно, Иван, бегающий с другими парнями по берегу, но это в метрах семи от нас, поэтому мы смотрим друг на друга и в воздухе ощущается некоторая неловкость.

— Ну что, может, пойдём на то же место в джунгли? — предлагает Энн.

От этого предложения я немного обомлел. Не то, чтобы я не хотел пойти вместе с ней туда, где мы поцеловались, очень хотел бы на самом деле, но я вдруг испытал юношеское смущение напополам с желанием, разумеется.

— Ну, так что? Пойдём? Завтра трудный день, помнишь? — говорит, подмигивая, Энн.

— Я помню, конечно, но там очень может быть какие-нибудь звери — говорю я.

— Ну, разве это может напугать такого крутого парня, как ты? — спрашивает Энн, слегка перефразируя моего Отца.

— Ха-ха, да, не может, но я боюсь за тебя — говорю я.

— Так я тоже девочка не всякую, разве ты ещё этого не заметил? — спрашивает Энн.

— Заметил, да — говорю я, слегка приблизившись к Энн.

Я смотрю в её красивые зелёные глаза. Кажется, я снова хочу её поцеловать.

— Пойдём — произносит Энн, взяв меня за руку.

Энн прямо — таки ускоряется в сторону леса и будто тянет меня за собой, держа за руку. Мы прошли мимо расположившихся у самого начала зарослей Майка, Отара и Флора.

— Сладких снов, голубки, — произносит Отар с довольной улыбкой на лице.

— Ага, сладких снов — говорю я второпях из-за тянущей меня ускорившейся Энн.

— Как ты думаешь, чем они будут там заниматься? — спрашивает Майк у Отара.

— Не знаю, но если хочешь спокойно уснуть, лучше об этом не думай — отвечает Отар.

Мы прошли весь путь до нашего места очень быстро. Придя туда, Энн перестала вести себя столь игриво, как это было возле звездолёта. Я снова приближаюсь к ней, прикасаюсь своей рукой к её щеке, нежно поглаживаю, она смущённо опускает глаза. Проведя рукой по её щеке, я касаюсь подбородка Энн и приподнимаю её лицо, чтобы посмотреть в глаза и не только. Наконец, я касаюсь её губ, как в прошлый раз. Мы целуемся очень страстно. Вдруг мы останавливаемся, как по команде, одновременно, и смотрим друг на друга уже более смелым взглядом, при этом нам становится очень весело, и мы смеемся.

— Смотри — какие звёзды, невероятно, правда? Где — то там колония, где я сидел — говорю я.

— О! Как романтично, ха-ха — говорит с сарказмом Энн.

— Ха-ха — смеюсь я в ответ.

Мы снова целуемся и на этот раз не останавливаемся. Эта ночь проходит в любви и страсти. Она будто для нас двоих. Эта ночь наша. Я рад, что я не один сегодня. Надеюсь, я это заслужил, очень надеюсь.

— Уже светает — говорит Энн, лежащая с довольным видом на моей правой руке.

— Да, светает — подтверждаю я.

— Знаешь, я заметила, что здесь даже земля очень теплая — замечает Энн.

— Верно, прямо как в детстве — говорю я.

— В смысле? — не понимает Энн.

— Ну, в Азии, когда я был маленьким, то часто спал то в лесу, то возле океана. Всегда была тёплая земля или тёплый песок, даже ночью. Поэтому никто не стелил какое-нибудь покрывало, чтобы полежать на столь благословенной земле — говорю я.

— И никто не замерзал? Ни разу? — спрашивает Энн.

— Ни разу — отвечаю я.

— Здорово — говорит Энн.

— У тебя красивые глаза- зелёного цвета, как этот лес — говорю я.

— А ты бородатый — говорит Энн с улыбкой на лице.

Я смотрю на Энн, улыбаясь. Улыбается и она тоже. При этом у нее такая улыбка, когда улыбаются не только губы, но и глаза, а ее милое лицо как будто излучает мягкий ласкающий свет. От этого Энн становится еще красивее.

— Знаешь, я хочу тебе кое — что сказать — говорю я.

— Что сказать? — спрашивает Энн.

— Я тебя л... — пытаюсь я выговорить заветное слово, но меня прерывает кое- какая важная персона.

— Доброе утро, дамы и господа! — кричит, выпрыгнувший прямо из кустов, Майк.

Хорошо, что мы не были раздеты, а то нахватались бы новой порции шуточек от нашего весельчака Майка. Тем не менее, нам очень не понравилось такое неожиданное появление.

— Блин, да ты... — хочу я поругать Майка за его бесцеремонность.

— Что? Типа стучаться надо, да? Ну, уж прости, дверей тут нет. Пойдёмте, там твой Отец уже народ собирает. По ходу план появился — говорит Майк.

— Ну и что? Мой Отец говорил чего-нибудь? — спрашиваю я у Майка по пути к нашему звездолёту.

— По поводу чего? — переспрашивает Майк.

— По поводу плана — поясняю я.

— А! Плана по спасению всей галактики? — говорит Майк.

— Да, да, по поводу этого плана. Так говорил Отец что — ничего? — спрашиваю я.

— Эммм, дай — ка подумать, нет, не говорил — отвечает Майк.

— Умеешь ты нагнать интриги — подкальывает Энн Майка.

— Ага, что поделать? Я такой, человек — сюрприз — говорит Майк.

Мы уже подходим к звездолёту. На свежем воздухе никого нет, но внутри звездолёта слышны разговоры. Значит, все уже внутри.

Я захожу в звездолёт и вижу белое полотно, висящее поверх одного из иллюминаторов, и на нём нарисован какой — то чертёж, похожий на план здания. Все ребята сидят, будто ждут какой — то очень интересной лекции.

— Ого, Пап, это ты нарисовал? — спрашиваю я у Отца.

— Не нарисовал, сын, а начертил — отвечает Отец.

— И что же это? Похоже на план здания — говорю я.

— Верно, Васудева, это план проклятой башни «Тауэр пять икс» — говорит Отец.

— Здоровенный домик, однако — замечает Майк.

— Ну а как ты хотел, дурень? Это же башня, небоскрёб — говорит Отар.

— Вообще, слушайте внимательно. Мы должны подлететь не близко к зданию, метров шестьсот где-то — начинает озвучивать план Отец.

— Сразу вопрос — говорит, поднявший руку, Майк.

— Ну, молодой человек, перебивать не вежливо, но задавайте — саркастично говорит Отец.

— Прошу прощения, спасибо. Вопрос вот какой, нас не хлопнут прежде, чем мы подлетим к столь секретному объекту? — спрашивает Майк.

— Нет, хотя риск всегда есть, но нет, мир X-600 даже не охраняется — отвечает Отец.

— Это как? Любой из подобных объектов должен охраняться, тем более тот, где настолько серьёзные данные, как вы говорите — вдруг в разговор вступает Флор.

Лицо Отца принимает слегка озадаченный вид, не из-за словесного выпада Флора, а, видимо, из-за того, что сейчас самое время сказать то, что немногие из присутствующих поймут.

— Как вам всем объяснить — то? Я вам говорил о тех носителях темной энергии? Так? Так. Закулисные кардиналы действующего миропорядка единственные, кто знает о тех данных и их влиянии на всю галактику. На всю галактику, кроме того мира, где мы сейчас находимся, что удивительно, конечно. Но там, на подлёте к X — 600, или даже просто пролетая возле этого мира, в людях просыпаются самые негативные черты характера, самые мрачные глубины разума. Целый экипаж на звездолёте может переругаться и поубивать друг друга, просто не долетев до того проклятого мира. И всё из-за тех данных, но об этом, повторюсь, никто не знает кроме закулисных кардиналов. Никто не знает, кроме них, что в «Тауэр пять икс» хранятся важные для всего этого хаоса данные — очень развёрнуто

отвечает Отец.

Все присутствующие задумались, в том числе и я. Проснутся ли во мне мрачные мысли, воспрянет ли мрачная часть меня? Не хотелось бы. Если в тюрьме у меня были те же вспышки гнева, к примеру, то, что может быть там, на этом X-600? А что остальные? Как они справятся? Энн? Будет ли она такой же, как сейчас? Флор, Отар! Боюсь представить, что там может проснуться!

— Сын, мы Асы, и мы должны следить за всеми. На нас X-600 в меньшей степени подействует. Остальным придётся не сладко, помни это. И помните вы — говорит Отец с пугающе серьёзным лицом.

— Вивек, может, давай полетим только я, ты и Васудева? Так, возможно, будет безопаснее — предлагает Мама.

— Нет, я лечу с тобой, я тебя не отпущу — вдруг заявляет Энн.

— Энн, это слишком рискованно, ты просто не понимаешь. Ты сейчас вот так смотришь на меня, хочешь быть со мной, но там это другое, ты ещё не готова к контролю такого количества темной энергии. Лучше я слетаю с родителями — говорю я.

— В смысле — слетаешь только ты с родителями? От меня ты так просто не избавишься, братишка — весело подмигнув, говорит Майк.

— Да, и я тоже лечу — говорит Отар.

— Ну, а я- пилот, так что я лечу в первых рядах без вопросов — говорит Флор.

— Блин, Пап, ну ты видишь, Флора по-любому взять придётся. Он пилот, ха-ха — говорю я.

— И остальных тоже — говорит Майк.

— А значит, и я лечу — говорит Энн.

— Энн, дорогая, послушай, ты, ты много для меня значишь, понимаешь? Я тебя очень прошу, останься, останься ради меня. Ты очень нужна мне — говорю я, держа Энн за руку.

— Ты мне, на самом деле, тоже очень нужен, поэтому лечу с тобой! — настаивает Энн.

Мой Отец подходит к Энн, положив свою руку ей на плечо.

— Энн, послушай: у каждого своя миссия — у меня, у моей жены, у моего сына, у этих парней и у тебя. Твоя миссия — остаться здесь и ждать моего сына, просто поверь мне — мой Отец обращается к Энн.

— Какая ещё миссия? — спрашивает Энн.

— Ты поймёшь, когда он вернётся — улыбнувшись, отвечает Отец.

Голос моего Папы успокаивает Энн. Это очень хорошо.

— Обещайте, что он вернётся — берёт Энн с моего Отца слово.

— Обещаю. Ему ещё царём становиться — с улыбкой говорит Отец.

Энн поворачивается ко мне, будто снова хочет что — то сказать.

— Только попробуй не вернуться — говорит Энн.

— Я вернусь, обещаю. Мы все вернёмся. И прежде, чем мы отправимся туда, я хотел бы тебе сказать кое — что. Я тебя л... — пытаюсь я закончить фразу.

— Сын, ты это скажешь, когда вернёшься — прерывает меня Отец.

— Хорошо — соглашаюсь я и целую Энн напоследок.

— Всё, ребята, давайте не будем затягивать. Летим на X-600 — говорит Отец.

Энн и многие другие ребята выходят из звездолёта. Решили лететь — я, мой Отец, моя Мать, Майк, Отар и Флор. При взлёте я подхожу к иллюминатору и смотрю на Энн. Она смотрит на меня тоже. Я рад, что мой Отец с нами, в смысле не то, что он летит с нами, а то,

что он оказался здесь в этом необыкновенном мире и смог успокоить Энн, убедить её остаться. Я бы не смог, наверное. Она теперь смотрит на меня, не плачет, но её взгляд всё же говорит о лёгкой грусти или от переживаний за меня, или от того, что прямо сейчас я не беру её за руку, не обнимаю, не целую и не договариваю те слова, которые хочу полностью произнести: «Я тебя л...».

— Поднимаемся! — прерывает мою мысль Флор.

— Ну что, Флор, задаём координаты? — спрашивает мой Отец у Флора.

— Задаём, и полный вперёд — отвечает Флор, включив двигатели на полную мощность.

Как же этот мир прекрасен, и как не хочется его покидать. Это она, вторая Асия. Я смотрю в иллюминатор и восхищаюсь этим единственным светлым пятнышком в этой галактике.

— Ну всё, мы уже очень далеко от дивного, прекрасного мира — говорит Флор.

— Нас точно не встретит армия какая-нибудь или хотя бы охрана? — снова Майк спрашивает моего Отца.

— Нет, главное, чтобы вы не встретили тёмные стороны себя, а вы встретите скорее всего, так что — будьте готовы — отвечает Отец.

— Я готов! Разрушитель ко всему готов! — вдруг грозно заявляет Отар.

Мы пролетаем уже довольно большое расстояние.

— Интересно, когда мы прилетим? Что — то долго уже. Флор! Что ты там копошишься? Ты ж пилот прирождённый! Вот и соответствуй! — говорит Отар с явной ноткой раздражения.

— Я управляю этим звездолётом, как могу — отвечает Флор.

— Я и то лучше бы справился! — кричит на Флора Отар.

— Эй, эй, Отар, дружище, успокойся — говорю я Отару.

— Ты меня не успокаивай! Я знаю, что говорю! Он плохо управляет этим корытом! А ещё говорит, что он пилот! Далеко не мастер своего дела! А я — мастер! — кричит Отар.

— Ну если ты мастер, то прошу — садись за управление — говорит Флор.

— Я мастер, ха-ха, да, я мастер, мастер ломать бошки, и тебе я сейчас проломлю твою! — кричит Отар, направляясь в сторону Флора.

Флор сидит возле штурвала, и видно, что он дрожит от страха, он смотрит на устремившегося в его сторону Отара, как на бешеного зверя. В этот момент Отар и правда является таким, он сам собой не владеет.

— Готовься подохнуть, начальник Флор! — кричит Отар, уже замахнувшийся на Флора.

Я резко становлюсь между Отаром и Флором и отталкиваю первого во избежание плачевных последствий.

— Ты что творишь, Отар? Успокойся! — кричу я на Отара.

— Я сказал, не успокаивай меня! Ты что думаешь- ты меня победил тогда? — спрашивает Отар.

— Ох, ты ё — моё — обалдевает от происходящего Майк.

— Думаешь, победил, да? Если бы не твоя эта асийская сила или как там её, то ты бы ни секунды бы не продержался! — не успокаивается Отар.

— Ты силён, Отар, очень силён и ты почти у меня выиграл тогда — говорю я, чтобы как — то успокоить Отара.

— Почти?! Никаких почти! Я выиграл! — кричит Отар изо всех сил.

Мой Отец резко вскакивает и кладёт свою правую руку на голову Отара.

— Тихо! Тихо! Присядь, Отар, присядь — говорит Отец.

Отар с абсолютно ошарашенным взглядом садится на один из стульев в звездолёте. У него такой взгляд, будто он после контузии.

— Вот об этом я и предупреждал вас, парни! — говорит Отец.

— Пока не поздно, может, повернём обратно? Вас высадим, а сами снова полетим? — предлагает Мама.

— Нет, нет, нет, всё нормально, я...в порядке — говорит постепенно успокаивающийся Отар.

Флор сидит, молчит. Он всё ещё немного в шоке от произошедшего.

— Ну, что летим дальше? — спрашивает Флор у моего Отца.

— Да, конечно, летим дальше — отвечает Отец.

Мы пролетаем ещё какое — то расстояние, и вот перед нами — совсем другой мир, и он — мрачного серого цвета.

— Вот она X-600 — говорит Отец.

— Какая мрачная планета, будто там круглогодично небо тучами покрыто — говорит Майк.

— Да, мир этот просто кошмарен — говорит Папа.

— Ну, начальник Флор, поддай скорости, а то я уже соскучился по нашему прекрасному, зелёному миру с океаном — говорит весьма язвительно Майк.

Мы входим в атмосферу этого страшного мира. Всюду одни тучи, при этом дождя нет, за иллюминаторами слышится, как страшно воет ветер. В этом мире всё вызывает негатив, у меня уже заранее такое чувство. Когда мы опустились чуть пониже, то перед нашими глазами появился мрачный город, полный различных небоскрёбов с серыми неоновыми вывесками, кое — где видны небольшие здания, но они буквально чёрного цвета, летающие машины внизу, природы нет никакой, даже пустыни не виднеется, как это было, хотя бы на X-134. Огромное желание — отсюда свалить побыстрее у меня, у остальных также, я в этом уверен.

— Так, а вот и башня — указывает Отец в сторону одного из небоскрёбов — говорит Папа.

— Пап, можно вопрос? — обращаюсь я к Отцу.

— Да, сын, конечно — отвечает Отец.

— Откуда ты столько знаешь про это проклятое место? — спрашиваю я.

— Это долгая история, сын. Потом расскажу. Давай займёмся делом лучше — отвечает Отец.

По выражению лица Папы, было видно, что мой вопрос ему не понравился. Он явно пережил что — то ужасное. И оно связано с этим местом, с этой башней, с теми данными, что там хранятся.

— Флор, приземлись вот там, пожалуйста — указывает Отец на определённое место, чуть дальше башни.

— Так это, по-моему, свалка — говорит Флор.

— Тут весь мир, как свалка, так что всё нормально, начальник — говорит язвительный Майк.

Мы приземляемся на этой свалке и выходим из звездолёта.

— Какой тут ветер сильный — замечает Майк.

— Такая погода здесь всё время — говорит Отец.

Мы направляемся к проклятой башне. Вокруг нас очень мало встречается людей, да и те, кого видим, все выглядят, как бездомные бродяги.

— Здесь самый гигантский разрыв между богатыми и бедными. Кто-то выживает в лачугах или на улице, а кто — то во всех этих башнях жирует — объясняет по дороге Отец.

Вот и «Тауэр пять икс». От этого здания так и прёт чернухой и серостью.

— Так, парни, просто следуйте за мной — говорит Отец.

Папа подходит к какой — то маленькой двери сзади, ведущей внутрь башни и выбивает её с ноги. Мы заходим, поднимаемся наверх по лестнице. Поднимаемся все выше и выше.

— Блин, а лифт тут есть? — вдруг спрашивает Майк.

— Есть, но не для нас. Не стоит привлекать внимание здешней публики всё — таки — поясняет Отец.

Поднявшись на шестнадцатый этаж, мы вышли в коридор. Отец остановился и очень настороженно посмотрел вокруг.

— Так, вот эта дверь — говорит Папа, указывая слегка дрожащей рукой на одну из дверей.

— Пап, с тобой всё в порядке? — спрашиваю я у Отца.

— Да, сын, всё нормально, просто эта гадина рядом, я чувствую — отвечает Папа.

Отец подходит к двери и яростно выбивает её с ноги. Внутри мы видим какую — то компьютерную комнату с мониторами.

— Выглядит, как обычное техническое помещение. И здесь эта хрень хранится? — удивляюсь я.

— Во избежание подозрений — говорит Отец.

Папа, недолго думая, подходит к одному из компьютеров, включает его и начинает искать.

— Так, так, вот оно, скачиваем в первый ящик и, всё, теперь надо.... — говорит Отец.

— Теперь надо отдать мне — вдруг звучит сзади знакомый голос.

— Сторм! — вскрикиваю я от неожиданности.

— Ага, здравствуй, Сто пятый, или как там тебя. Отдали ящик живо! — командует Сторм. Видно, что он чувствует себя очень уверенно и в полной безопасности. Еще бы, ведь он находится внутри плотного кольца вооружённой охраны.

— Но, как ты здесь оказался? — спрашиваю я.

— Хорошо иметь своих информаторов, правда же, Флор? — говорит Сторм.

— Ах ты, мразь, предатель, Флор, я говорил, что с ним что — то не так! — кричит Отар.

— Со всеми что — то не так! Вы же знали, что я не вписываюсь! Вы знали, что я жестокий начальник тюрьмы, это моя сущность! — говорит Флор.

— Ты просто поддался темной энергии, которая вся теперь в маленькой коробочке — говорю я.

— Не осуждай меня, Васудева, я никогда не смогу стать одним из вас — говорит Флор, прослезившись.

— Как всё это мило, а теперь отдали мне ящик быстро — говорит Сторм.

Отец спокойно достаёт ящик из под компьютера.

— Хорошо, молодец, давай его мне — говорит улыбающийся Сторм.

— Хорошо, лови — говорит Отец и подбрасывает ящик вверх.

Пока Сторм ошарашенно наблюдает за траекторией полёта ящика, Отец выхватывает у него бластер из рук и стреляет в падающий ящик, который вдруг вспыхивает под

воздействием лазера.

— Что это было? Что? — задаёт невнятные вопросы совершенно обалдевший от этого зрелища Сторм.

Что — то изменилось вокруг, что — то начинает меняться, новый мир грядёт, или точнее — старый мир возвращается, истинный мир, светлый.

— Сын, вот микрофон, по нему ты свяжешься с галактикой. Скажи теперь, кто новый царь — говорит Папа, указав на микрофон между компьютерами.

— О, миры! Всё изменилось! И вы это чувствуете! Не понимаете, но чувствуете! Зло ушло! Настало время царства добра! И я ваш новый царь! Меня зовут Васудева! — произношу я.

— Братан, мы сделали это! — радостно кричит Майк.

— Ну, что сказать, мы — те ещё бандиты — говорю я.

— Те ещё бандиты — повторяет Майк.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigoed.net